DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/ocherkikadetskoi00lema

Анатолій Леманъ

Очерки
КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтн. Бѣдныхъ (Лиговка, 16)
1888

«Всемірная Иллюстрація» 1887 г. «Кадетскіе годы Вавилова».

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

Многоуважаемому Александру Александровичу Тенковскому отъ автора.

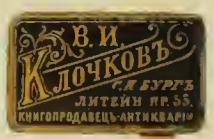
Анатолій Леманъ

С.-Пб. 1888 г. 10 сент.

Очерки

КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтн. Бѣдныхъ (Лиговка, 16)
1888


В. И.
Клочковъ
С.П. БУРГЪ
ЛИТЕЙН ПР. 55.
КНИГОПРОДАВЕЦЪ-АНТИКВАРІЙ

891.73
L5470

ОЧЕРКИ КАДЕТСКОЙ ЖИЗНИ

I

Левъ Вавиловъ попалъ въ корпусъ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Вступительный экзаменъ онъ сдалъ благополучно и былъ зачисленъ въ списокъ своекоштнымъ. Ему было велѣно явиться въ воскресенье вечеромъ десятаго августа. Это воскресенье провелъ онъ очень тревожно. Мать его, Анна Михайловна, не дожидаясь вечера, сама повезла сына въ корпусъ.

Съ сильно бьющимся сердцемъ Левъ поднимался по огромной широкой лѣст-

ницѣ, украшенной блестящими мѣдными касками, чугунными копьями и мечами. Анна Михайловна также была очень взволнована. Когда Левъ сдавалъ экзамены, она молила Бога, чтобы его приняли. По ея глубокому убѣжденію, отъ этого зависѣла вся жизнь и будущность ея сына. Всѣ ея родные, отецъ и братья, кончили въ корпусѣ курсъ и вышли въ люди. Послѣ долгихъ хлопотъ и настойчивыхъ усилій, ей удалось пристроить сюда старшаго сына, Сергѣя. Со Львомъ обошлось все гораздо скорѣе и легче, потому что онъ хорошо сдалъ экзамены, но Анна Михайловна плакала, разставаясь съ сыномъ.

Они пришли въ огромную пустую пріемную. Паркетъ въ ней блестѣлъ и лоснился. Кругомъ мягкая мебель была покрыта чехлами. На стѣнахъ висѣли въ золотыхъ рамахъ портреты сѣдыхъ генераловъ со звѣздами на груди. Здѣсь царила торжественная тишина. Изъ пріем-

ной была видна столовая, необыкновенно длинная и широкая зала съ двумя рядами безчисленныхъ толстыхъ бѣлыхъ колоннъ. Эти колонны, какъ аллея изъ старыхъ березъ, уходили вдаль, и въ наступавшихъ сумеркахъ нельзя было различить, гдѣ онѣ кончались. По обѣимъ сторонамъ залы, между колоннами и окнами стояли низенькіе, крѣпкіе дубовые столы и длинныя скамейки. Здѣсь обѣдали воспитанники.

Анна Михайловна послала служителя за воспитателемъ, завѣдывавшимъ тѣмъ классомъ, въ который поступалъ Левъ. Она сѣла на кресло въ углу пріемной и, не сводя глазъ съ сына, твердила, чтобы онъ завтра же все описалъ ей. Она не знала, что это *все*, но Левъ понималъ ее и говорилъ, что непремѣнно все опишетъ. Она напоминала, чтобы онъ не забылъ дать на чай служителямъ, думая, что иначе они могутъ повредить ему. Нѣсколько разъ она просила Льва не жаловаться, если его бу-

дутъ задѣвать товарищи: она была убѣждена, что къ новичкамъ всегда пристаютъ. Левъ не возражалъ матери, потому что почти не слыхалъ ея словъ. Онъ былъ слишкомъ поглощенъ своими собственными думами и мыслями.

Скоро пришелъ воспитатель. Это былъ небольшой плотный человѣкъ съ короткими ногами и круглымъ брюшкомъ. Длинные русые волосы его спускались на бѣлый жирный лобъ. Неподвижно вытаращенные сѣрые глаза уставились на Анну Михайловну. Воспитатель, Александръ Ивановичъ Сычевъ, тотчасъ узналъ ее— онъ познакомился съ нею, когда она опредѣляла Сергѣя—и протянулъ грязную пухлую руку. Анна Михайловна сказала, что поручаетъ ему сына, и просила позаботиться о немъ. Она говорила медленно, съ большимъ достоинствомъ и очень убѣдительно. Ея властный видъ и дорогое платье подѣйствовали на Сычева, и тотъ

сталъ увѣрять, что приметъ Льва подъ особое покровительство. Подобострастіе слышалось въ его голосѣ и оно еще усилилось, когда Анна Михайловна достала изъ туго набитаго серебромъ и бумажками длиннаго шелковаго кошелька сторублевую кредитку, вручивъ ее Сычеву съ просьбой выдавать деньги Льву на расходы.

Левъ все время молчалъ и пристально разсматривалъ своего воспитателя, который ему не понравился. Наконецъ Сычевъ поднялся съ мѣста. Анна Михайловна со слезами на глазахъ перекрестила и поцѣловала Льва. Сычевъ повелъ его черезъ столовую. Анна Михайловна, глубоко растроганная, направилась къ лѣстницѣ, но среди пріемной остановилась и, не отрываясь, глядѣла на уходящаго сына. Кошелекъ выпалъ изъ ея рукъ. Она не замѣтила этого и даже не слыхала стука. И только, когда Левъ скрылся въ отдаленіи за колонной, она

увидала почтительно вытянувшагося швейцара, подававшаго ей кошелекъ и пальто. Она молча одѣлась и уѣхала, позабывъ дать ему на чай.

Сычевъ и Левъ, повернувъ направо, прошли чрезъ буфетъ въ узкій длинный корридоръ. По одной сторонѣ виднѣлся длинный желѣзный желобъ, надъ которымъ находилось множество блестящихъ маленькихъ рукомойниковъ. Они были вдѣланы въ стѣну, и мѣдные листы, покрывавшіе ее, свѣтлѣли красноватой полосой. Въ концѣ корридора, изъ-за круглой зеленой печки, показалось нѣсколько рослыхъ воспитанниковъ съ хмурыми лицами. Нѣкоторые изъ нихъ, увидѣвъ вошедшихъ, незамѣтно, но презрительно усмѣхнулись.

— Это старшій возрастъ! сказалъ Сычевъ Льву:—намъ надо въ средній.

Онъ свернулъ влѣво, не доходя до зеленой печки, и вышелъ на площадку огромной каменной лѣстницы. Здѣсь было

холодно, какъ въ сѣняхъ. Сычевъ поднялся въ слѣдующій этажъ и направился чрезъ обширную рекреаціонную залу, какъ гласила дощечка надъ дверями, въ дежурную комнату. Тамъ сидѣлъ худощавый офицеръ съ длинными сѣдыми баками и стеклянными черными глазами. Это былъ дежурный воспитатель Дьячковъ. Онъ сурово покосился на Льва. Сычевъ сказалъ:

— Вотъ еще мой новый питомецъ.

— Какъ ваша фамилія? отрывисто спросилъ офицеръ.

— Вавиловъ.

— Имя и фамилія! Мало ли Вавиловыхъ...

— Левъ Вавиловъ! твердо проговорилъ Левъ. Онъ счелъ себя обиженнымъ рѣзкимъ тономъ Дьячкова.

— Онъ къ вамъ назначенъ, Александръ Ивановичъ?

— Да, да, ко мнѣ, отвѣчалъ Сычевъ.

— Такъ, Вавиловъ, отправляйтесь въ

третій классъ второе отдѣленіе. Скажите дежурному воспитаннику, что вы прибыли. Можете идти.

Левъ повернулся и вышелъ изъ дежурной комнаты. Въ залѣ послышался громкій звонокъ.

Двери классныхъ комнатъ, расположенныхъ рядомъ другъ около друга, мгновенно распахнулись, и толпа воспитанниковъ врассыпную бросилась къ столикамъ, стоявшимъ вдоль стѣнъ залы. Звонокъ призывалъ къ вечернему чаю, и на каждомъ столикѣ виднѣлись бѣлыя кружки и булки.

Левъ безучастно глядѣлъ на своихъ новыхъ товарищей. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Просторъ огромныхъ комнатъ стѣснялъ его. Минуты черезъ двѣ, воспитанники, дожевывая булки, побрели обратно въ классы. Мимоходомъ они съ любопытствомъ посматривали на новичка. Большинство направлялось къ темному проходу

у печки, и тамъ безпрерывно хлопала тяжелая дверь.

Ко Льву подошелъ бѣлокурый воспитанникъ, перепоясанный широкимъ кожанымъ поясомъ съ крупной мѣдной бляхой. Умное лицо его выказывало чрезвычайную сдержанность.

— Я дежурный по возрасту! сказалъ онъ:—вы являлись дежурному воспитателю?

— Являлся. Онъ велѣлъ мнѣ идти въ третій классъ второе отдѣленіе.

Воспитанникъ улыбнулся.

— А, значитъ, къ намъ. Какъ ваша фамилія?

— Левъ Вавиловъ.

— Моя—Астаховъ. Это онъ вамъ велѣлъ имя прибавлять? (воспитанникъ насмѣшливо кивнулъ по направленію къ дежурной комнатѣ). Не обращайте вниманія, ерунда.

— Гдѣ третій классъ?

— Вотъ здѣсь. Идите за мной.

Они вошли въ большую комнату, примыкавшую къ залѣ. Надъ дверью со стеклами была прибита дощечка съ надписью: „Третій классъ II отдѣленіе“. Рядомъ помѣщалось первое отдѣленіе третьяго класса, затѣмъ два отдѣленія четвертаго и одно отдѣленіе пятаго класса. Всѣ эти пять отдѣленій составляли средній возрастъ. Младшій возрастъ заключалъ четыре отдѣленія (первый и второй классы) и помѣщался въ другой части зданія. Старшій возрастъ состоялъ изъ перваго отдѣленія пятаго класса и четырехъ отдѣленій шестаго и седьмаго класса. Всѣ эти подробности Левъ узналъ уже потомъ.

Въ классной комнатѣ стояли крѣпкіе дубовые столы, на четырехъ воспитанниковъ каждый, съ тяжелыми желѣзными ножками. У стѣны возвышалась высокая каѳедра, за которой висѣла огромная черная доска. Двѣ другія доски на стойкахъ находились по обѣимъ сторонамъ каѳедры.

Съ потолка спускались четыре лампы съ широкими желѣзными колпаками. На стѣнахъ висѣли географическія карты.

На каѳедрѣ сидѣлъ плотный воспитанникъ съчетыреугольной головой, крупнымъ носомъ и мясистымъ наростомъ на лбу. Темные глаза его устремились на минуту на вошедшихъ, но больше онъ на нихъ не глядѣлъ. Онъ важно и самоувѣренно разсказывалъ про Кавказъ нѣсколькимъ товарищамъ, собравшимися вокругъ. Астаховъ кивнулъ на него Льву.

— Вотъ тоже новичокъ. Сегодня прибылъ. Графъ Толстобоковъ-Спиридоновъ. Дурацкая фамилія: не знаешь, какъ и записать ее: мѣста въ спискѣ мало.

Воспитанники молча поглядѣли на Льва и занялись своимъ дѣломъ: кто копался въ столѣ, кто писалъ письмо, а кто безцѣльно слонялся по классу.

— Садитесь сюда! сказалъ Астаховъ, показывая на заднюю скамейку:—всѣ мѣ-

ста впереди уже заняты. Да здѣсь хорошо. Я всегда сижу позади. Подальше отъ учителей—лучше и спокойнѣе. Зубрилы—тѣ норовятъ все впередъ, ну, а я не изъ зубрилъ. Теперь у насъ полагаются вечернія занятія; но сегодня праздникъ, можно ничего не дѣлать. Вы пришли, кажется, съ Сычемъ?

— Я пришелъ съ Александромъ Ивановичемъ.

— Ну, да, онъ и есть Сычъ, мы его такъ зовемъ. Онъ навѣрно удралъ домой. Страхъ любить дрыхнуть!

— А ученики въ которомъ часу ложатся спать?

— *Воспитанники?* Въ девять. А вставать надо въ шесть. Вотъ послушайте, какъ завтра загремитъ барабанъ. У насъ сигналы по очереди: одинъ день барабанъ, другой—труба.

— Почему же къ чаю звонили въ звонокъ?

— Это только по воскресеньямъ. Народу остается мало, такъ и звонка довольно.

Въ половинѣ девятаго воспитанники выстроились въ залѣ передъ образомъ. Дежурный прочелъ вслухъ молитву, и всѣ разошлись. Вслѣдъ за другими, Левъ пошелъ въ огромную полуосвѣщенную спальню, очень похожую на столовую залу, которая находилась внизу. Астаховъ показалъ ему кой-ку. Левъ раздѣлся, бережно сложилъ, посовѣту своего новаго пріятеля, платье на табуреткѣ въ ногахъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Трескъ барабана разбудилъ его на другой день. Было еще совсѣмъ темно, и лампы продолжали горѣть въ спальнѣ. Астаховъ торопливо одѣвался. Замѣтивъ, что Левъ тоже началъ вставать, онъ сказалъ:

— Это повѣстка. Заря будетъ черезъ четверть часа.

Онъ ушелъ умываться. Левъ приход-

нялся и сталъ осматриваться. Въ спальнѣ находилось болѣе ста коекъ, почти всѣ были заняты. Неподвижныя фигуры спящихъ воспитанниковъ были укутаны сѣрыми байковыми одѣялами. Надъ каждой койкой торчала на желѣзномъ прутѣ зеленая дощечка. На ней золотыми буквами была написана фамилія воспитанника, спавшаго на койкѣ.

Дежурный „дядька“ или служитель поднималъ шторы и тушилъ лампы. Вскорѣ загремѣлъ барабанъ, и дежурные воспитанники принялись будить товарищей. Тѣ поднимались вяло и неохотно. Въ спальню вошелъ Дьячковъ и съ гнѣвнымъ крикомъ приказалъ записывать тѣхъ, кто лежалъ. Тогда воспитанники, наконецъ, поднялись и отправились умываться, чистить сапоги и пуговицы. Дядьки принялись убирать койки и мести полъ. Левъ едва успѣлъ пробраться къ умывальнику сквозь кучу воспитанниковъ, какъ раздался сигналъ

къ молитвѣ. Опять всѣ выстроились передъ образомъ. Воспитатель медленно прошелъ по рядамъ, осматривая платье и сапоги. Замѣтивъ неисправность, онъ назначалъ взысканіе. Пощады не было никому. Кончивъ осмотръ, онъ сказалъ:

— Новички, отправьтесь послѣ чаю въ цейхгаузъ на пригонку платья.

Воспитанники пропѣли молитву и затѣмъ стремглавъ бросились къ столикамъ, гдѣ лежали булки, и дядьки поспѣшно разливали чай изъ большихъ мѣдныхъ чайниковъ. Астаховъ спросилъ, есть-ли у Льва съ собой деньги, и, узнавъ, что есть, замѣтилъ, что хоть по правиламъ воспитанникамъ запрещается имѣть на рукахъ деньги и цѣнныя вещи, но все это чепуха, потому что безъ денегъ обойтись нельзя.

— Вотъ и теперь: ты какъ пойдешь къ цейхгаузъ, такъ дай рублевку каптенармусу. Онъ все новое пригонитъ, а то всу-

читъ такую дрянь, что послѣ все свое придется дѣлать.

Въ классъ скоро пришелъ Сычевъ. Воспитанники встали. Новый дежурный, Бѣликовъ, смѣнившій Астахова, вытянулся передъ воспитателемъ и отрапортовалъ:

— Господинъ воспитатель въ третьемъ классѣ второмъ отдѣленіи по списку воспитанниковъ двадцать семь. Двое въ лазаретѣ, одинъ въ отпуску—на лицо двадцать четыре.

— Кто не явился? спросилъ Сычевъ.

— Вихровскій.

— Въ лазаретѣ Скарятинъ и Юхтомскій?

— Такъ точно.

— Вавиловъ, Карабановъ и Толстобоковъ, отправляйтесь въ цейхгаузъ!

Левъ и два другихъ новичка вышли въ рекреаціонную залу. Здѣсь ихъ дожидался дядька третьяго класса втораго отдѣленія, Сойковичъ, плутоватый отставной унтеръ-

офицеръ съ румянымъ добродушнымъ лицомъ. Онъ повелъ воспитанниковъ по лѣстницѣ, ведущей въ старшій возрастъ, но съ площадки продолжалъ идти внизъ и спустился еще этажемъ ниже. Прямо съ лѣстницы открывался входъ въ огромную кладовую или цейхгаузъ, гдѣ хранилось заготовленное платье, сапоги, ружья и прочая амуниція.

Каптенармусъ, толстый обрусѣвшій еврей, показалъ Сойковичу кучу новыхъ сапогъ и пробормоталъ:

— Вотъ пригоняйте!

Самъ каптенармусъ хлопоталъ около двухъ воспитанниковъ старшаго возраста, примѣрявшихъ парадные мундиры съ золотыми галунами и свѣжими погонами. Тутъ же вертѣлся закройщикъ съ ножницами и мѣломъ въ рукахъ. Оба воспитанника держали себя совершенно свободно и браковали одинъ за другимъ всѣ мундиры.

— Фалды коротки, талія широка, подъ мышками рѣжетъ! возражали воспитанники на увѣренія закройщика, что мундиръ сидитъ, какъ вылитый. Наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Ну, чортъ съ вами, ладно. Сдѣлай мнѣ, Фраткинъ, собственный мундиръ. Галунъ поставь кованый. Слышишь, настоящій кованый.

— Ой, директоръ кованый ставить не велитъ, отвѣчалъ закройщикъ.

— Мой собственный мундиръ вѣдь будетъ. Не хочешь, у Сурина закажу.

— Хорошо, хорошо, самый первый сортъ кованый галунъ поставлю.

— Погоны изъ тонкаго сукна. Казенной фланели ненужно.

— Ой, какъ же можно фланель! Зачѣмъ фланель?

— А кантъ крупный, толстый. Погоны подклей покрѣпче.

— Вшить ихъ, или пристегивать будете?

— Вшить, разумѣется, вшить. Одни писаря пристегиваютъ. Эхъ, куда ни шло, дѣлай и брюки.

— Брюки изъ сукна?

— Изъ сатинъ-трико. Книзу раструбомъ, около колѣнъ поуже. Понялъ, ну, какъ въ прошлый разъ.

Закройщикъ сталъ снимать мѣрку.

— Настоящій баринъ, сказалъ новичкамъ Сойковичъ, показавъ на дѣлавшаго заказъ воспитанника: —въ седьмомъ классѣ, значитъ, на самомъ выпускѣ, и всю новую одежу заказываетъ. Щеголь первѣющій.

— Какъ его фамилія? спросилъ Карабановъ, не проронившій ни одного слова семиклассника, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

— Вишневскій, отвѣчалъ Сойковичъ:— родители, слышь, богатые. Отецъ генералъ.

Карабановъ не сводилъ глазъ съ Вин-

невскаго. Этотъ высокій и стройный юноша съ красивымъ проборомъ на слегка вьющихся волосахъ, съ безпечнымъ взглядомъ и свободными манерами очаровалъ его. Онъ представлялся Караванову идеаломъ кадета. Самъ Карабановъ, очень красивый, добродушный степнячокъ съ голубыми глазами и нѣсколько чувственными губами, тоже любилъ щеголять и заказывать новое платье.

Графъ Толстобоковъ съ серьезнымъ видомъ принялся копаться въ кучѣ сапогъ. Всѣ они были чрезвычайно грубой работы, изъ прочной выростковой кожи. Съ большимъ трудомъ Левъ выбралъ себѣ пару. Карабановъ пришелъ въ отчаяніе отъ безобразной формы сапогъ и велѣлъ сдѣлать себѣ на заказъ.

— Зачѣмъ на заказъ! шепнулъ Сойковичъ:—приплатите рублика два, сапоги будутъ казенные, а матеріалъ и работа ужъ первый сортъ.

Каравановъ обрадовался и далъ два рубля. Воспитанники старшаго возраста ушли, и каптенармусъ сдѣлался необыкновенно любезенъ. Примѣръ Караванова подѣйствовалъ на Льва, и онъ тоже досталъ два рубля. Но графъ оставался непоколебимъ. Онъ бралъ то, что ему подавали, не обращая вниманія, что и какъ сидитъ. Новички пригнали себѣ парадные мундиры, въ которыхъ пускали въ отпускъ, и другіе, самые новые, для особо торжественныхъ случаевъ. Для ежедневной носки полагались широкіе двубортные бушлаты, для гимнастики—парусинныя рубашки. Здѣсь же новички получили брюки, кепи, шинель, рукавицы и пояса. Кромѣ того, каждому полагалось по три смѣны бѣлья. Все это было довольно прочно, но сшито по казенному, на глазъ. Сойковичъ понесъ полученныя вещи въ свой маленькій классный цейхгаузъ, а новички, почувствовавшіе себя очень неловко въ форменномъ

платьѣ, отправились въ классъ, гдѣ получили приказаніе отъ Сычева немедленно остричься подъ гребенку.

II

На стѣнѣ классной комнаты висѣло росписаніе занятій. Астаховъ посовѣтовалъ Льву списать его и приклеить къ своему столу.

— Вотъ такъ, сказалъ онъ, поднимая крышку ящика, на которой красовалось четко написанное росписаніе. Въ понедѣльникъ назначалось: ариѳметика, русскій языкъ, законъ Божій, естественная исторія, рисованіе и географія. Послѣ первыхъ трехъ уроковъ, въ „большую перемѣну“, полагался завтракъ. Тутъ же были и помѣщены фамиліи преподавателей и часы занятій.

На урокъ ариѳметики учитель не пришелъ. Воспитанники долго ждали его и хотя знали, что онъ спрашивать не

будетъ, такъ какъ ничего задано не было, но всетаки были очень довольны, что онъ не пришелъ. Наступилъ часъ русскаго языка. Преподавателя тоже не оказывалось. Вдругъ въ классъ ворвались два воспитанника: одинъ былъ худъ, длиненъ и точно лишенъ костей. Узкое блѣдное лицо его корчило самыя невозможныя гримасы. Острые глаза зорко смотрѣли по сторонамъ. Посреди класса онъ перевернулся на каблукѣ и громко свистнулъ. Воспитанники захохотали.

— Юхновскій, Ехидна, выгнали изъ лазарета?

— Не выгнали, а я самъ ушелъ.

Съ этими словами онъ быстро и незамѣтно начертилъ на ладони мѣломъ кружокъ съ крестомъ и дружески обнялъ вошедшаго вслѣдъ за нимъ воспитанника. Кружокъ явственно отпечатался на спинѣ. Съ лавокъ закричали:

— Скарятинъ, что это ты съ арестантскимъ знакомъ щеголяешь?

Скарятинъ, небольшаго роста мальчикъ со старообразнымъ лицомъ, жалобно заворчалъ:

— Юхновскій, это навѣрно ты, свинья. Я тебя не трогаю. Чего ты лѣзешь!

И онъ сталъ вытирать бушлатъ. Кто-то изъ дверей закричалъ:

— Кажется, горбуна не будетъ. Въ учительской его нѣтъ.

— Скарятинъ, ты совсѣмъ выписался? спросилъ Бѣликовъ.

— Совсѣмъ, и Ехидна совсѣмъ.

— Выгнали „отдувалъ", давно пора! закричали воспитанники. Юхновскій взлѣзъ на каѳедру, схватилъ кусокъ мѣлу и сказалъ:

— Эй, сидѣть смирно. Сейчасъ будетъ урокъ русскаго языка. А вотъ и самъ горбунъ.

Говоря это, онъ бойко и быстро набросалъ рисунокъ мѣломъ. Классъ покатился

отъ хохота. На доскѣ мастерски былъ изображенъ во весь ростъ маленькій горбунъ на длинныхъ, худыхъ ногахъ, начинавшихся непосредственно изъ-подъ горба. Несоразмѣрно огромныя ступни выставлялись впередъ. Руки спускались ниже колѣнъ. Но удивительнѣе всего по тонкости и художественности изображенія вышла голова. Она была скошена назадъ и лежала неподвижно на горбахъ. Длинные жидкіе волосы были зачесаны вверхъ. Мышиные глазки бойко глядѣли изъ-подъ очковъ. Острый крючкообразный носъ, злой ротъ, жесткая бородка клиномъ, разстилавшаяся по переднему горбу — все это было схвачено такъ мѣтко и живо, что воспитанники, изучившіе до ниточки нелюбимаго учителя, не могли удержаться отъ смѣха при видѣ его точнаго изображенія.

— Господинъ дежурный, что задано, гдѣ у васъ списокъ? завизжалъ Юхнов-

скій, подражая пискливому голосу учителя русскаго языка.—Ахъ, виноватъ, ничего не задано. Сегодня у насъ первый урокъ. У васъ есть новички? А, вижу, вижу. Ну, будемъ знакомиться. Меня зовутъ Северьянъ Ивановичъ Кашкинъ. Можетъ быть, вы уже успѣли узнать, но это все равно. Какъ ваша фамилія, господинъ, господинъ?

Юхновскій выговаривалъ особенно пискливо „гиспидинъ". Онъ стоялъ, согнувшись, около каѳедры, похлопывалъ спискомъ и указывалъ на Толстобокова. Тотъ съ недоумѣніемъ, презрительно наблюдалъ за этой сценой.

— Ваша фамилія, господинъ, ваша? твердилъ Юхновскій.

Сзади кто-то шепнулъ:

— Графъ Толстобоковъ-Спиридоновъ-Заковыринъ.

— Графъ, графъ... ахъ, какая, господинъ, у васъ длинная фамилія. Погляжу, какъ она въ спискѣ. А, вижу, вижу. Графъ

Толстобоковъ-Спиридоновъ. Господинъ, а гдѣ же Заковыринъ? Тутъ нѣтъ Заковырина. Кто сказалъ Заковыринъ?

— Прошу васъ оставить въ покоѣ мою фамилію! медленно и съ достоинствомъ произнесъ графъ. Онъ былъ сильно раздосадованъ, и хихиканье воспитанниковъ раздражало его еще болѣе.

— Графъ Толстобоковъ-Спиридоновъ-Заковыринъ! Такъ вы сказали, или нѣтъ? Дежурный, куда дѣлся изъ списка Заковыринъ?

— Чортъ знаетъ, какое шутовство! пробормоталъ графъ.

— У него еще шесть фамилій, но онѣ не помѣстились въ спискѣ, раздалось сзади.

— Господинъ, говорятъ, у васъ еще шесть фамилій, но онѣ не помѣстились въ спискѣ. Ну, хорошо-съ, хорошо-съ. Намъ достаточно и одной. Какъ ваша, господинъ?

— Вавиловъ, отвѣчалъ, хохоча, Левъ. Его забавляла разыгрывавшаяся комедія.

— Ваша, господинъ?

— Карабановъ.

— Очень хорошо, очень хорошо. Теперь перейдемъ къ сущности нашихъ лекцій. Вамъ извѣстно, что русскій языкъ— одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ въ мірѣ. Онъ труденъ для изученія. Иностранцы по двадцати лѣтъ живутъ въ Россіи и все не могутъ выучиться говорить по русски. Мы должны съ вами отлично изучить грамматику, синтаксисъ, славянскій языкъ, отечественную литературу въ ея лучшихъ образцахъ. Прошу учить уроки исправно. Кто разъ отстанетъ, тотъ не догонитъ. Господинъ инспекторъ особенно желаетъ, чтобы ученики хорошо знали русскій языкъ. Господинъ инспекторъ...

Тутъ Юхновскій остановился, и лицо его выразило глубокое смиреніе.

Классъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялся съ мѣста. Въ дверяхъ стоялъ директоръ, за нимъ—инспекторъ и самъ Кашкинъ.

Въ залѣ виднѣлись: дежурный воспитатель, дежурный по возрасту воспитанникъ и унтеръ-офицеръ, сопровождавшій всегда директора при обходѣ корпуса.

Директоръ, толстый генералъ съ темнорусыми сѣдѣющими волосами и длинными пушистыми бакенбардами, имѣлъ внушительный видъ. Изнѣженное лицо его съ тонкими морщинами выражало утомленіе. Сѣрые глаза смотрѣли привѣтливо. Директоръ слышалъ рѣчь Юхновскаго и отлично разглядѣлъ изображеніе на доскѣ. Раскачиваясь всѣмъ туловищемъ, онъ вышелъ на средину комнаты. Дежурный Бѣликовъ тотчасъ отрапортовалъ ему о состояніи класса. Директоръ громко сказалъ:

— Здравствуйте, господа!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство.

— Всѣ явились изъ отпуска, или... ахъ, да, вы сказали, одинъ не явился. Кто это?

— Вихровскій, ваше превосходительство!

— А, Вихровскій. Непремѣнно доложите мнѣ, когда онъ явится. Садитесь, господа. Новички пригнали форму? Сколько ихъ здѣсь?

— Трое! отвѣчалъ басомъ инспекторъ, огромный безобразно-тучный мужчина съ круглой головой и круглымъ, жирнымъ, какъ блинъ, выбритымъ лицомъ.

— Новички, встаньте!

Съ передней скамьи поднялся Толстобоковъ, съ заднихъ—Вавиловъ и Карамановъ.

— А, помню. Ваша фамилія Толстобоковъ-Спиридоновъ? Тѣхъ двухъ я тоже знаю. Смотрите, учитесь и ведите себя порядочно. Вы приняты въ казенное заведеніе, куда очень многіе желали бы попасть. Цѣните это. Юхновскій, продолжалъ тѣмъ же тономъ директоръ:—это вы упражнялись?

Юхновскій гробовымъ голосомъ произнесъ:

— Я, ваше превосходительство.

— Отправьтесь на сутки подъ арестъ.

Директоръ двинулся къ выходу, и воспитанники вновь встали. Взъерошенный, красный отъ злости Кашкинъ вскочилъ на каѳедру.

— Стыдно, стыдно, господинъ, пасквили рисовать! Дежурный, сотрите это безобразіе. Вы, кажется, господинъ, тоже не знаете своихъ обязанностей. Къ приходу учителей доски должны быть чисты.

Бѣликовъ, молча, стеръ рисунокъ и затворилъ дверь. Кашкинъ взглянулъ на часы и сказалъ:

— Осталось десять минутъ. Потрудитесь выслушать, что будетъ задано. Въ слѣдующій разъ у насъ по понедѣльникамъ всегда будетъ диктантъ. Вы, господа, любите лѣниться, и въ воскресеніе, разумѣется, никто изъ васъ ничего не станетъ дѣлать.

Едва онъ отмѣтилъ заданное, какъ прогремѣлъ барабанъ, и воспитанники стали выходить изъ класса.

Юхновскому очень не хотѣлось отправляться подъ арестъ. Въ субботу приходился праздникъ, а Сычевъ имѣлъ обыкновеніе не пускать въ отпускъ того, кто въ теченіи недѣли подвергался взысканію.

Юхновскій принадлежалъ къ тѣмъ богато одареннымъ, но развращеннымъ до мозга костей натурамъ, которыхъ нельзя исправить никакими мѣрами. Не было пакости, предъ которой онъ бы остановился, не было дѣла, котораго бы онъ не могъ сдѣлать. Учился онъ плохо, потому что даже никогда не спрашивалъ, что задано, но экзамены сдавалъ однимъ изъ первыхъ. Всякаго другаго тысячу разъ успѣли бы исключить за то, что почти ежедневно продѣлывалъ Юхновскій; но онъ былъ чрезвычайно ловокъ и рѣдко попадался. Директоръ зналъ его способности и отстаи-

валъ его предъ комитетомъ, собиравшимся каждый мѣсяцъ обсуждать успѣхи кадетовъ. Комитетъ состоялъ изъ преподавателей и воспитателей, и директоръ имѣлъ на него неограниченное вліяніе.

Юхновскій попалъ въ корпусъ девяти лѣтъ и въ то время имѣлъ уже настолько глубоко укоренившіяся привычки и наклонности, что четыре года корпусной жизни схлынули съ него, какъ съ гуся вода. Онъ имѣлъ отца-помѣщика, къ которому ѣздилъ на вакаціи. Тому корпусное начальство четыре года назадъ объявило, чтобы онъ приготовился взять сына. Но съ тѣхъ поръ мальчика все не исключали, и по временамъ онъ думалъ, что его никогда не исключатъ. Съ товарищами Юхновскій ладилъ плохо. Онъ не могъ изрѣдка не подгадить самому лучшему другу. Впрочемъ друзей у него не было. Маленькіе его побаивались, большіе опасались задирать, зная его мстительность и беззавѣтную

отчаянность. Короче другихъ съ нимъ сблизился Скарятинъ.

Онъ представлялъ рѣдкій типъ кадета, съ малолѣтства сидѣвшаго въ корпусныхъ стѣнахъ и обладавшаго всѣми добродѣтелями, требуемыми начальствомъ. Скарятинъ былъ круглый сирота. Ни родныхъ ни близкихъ у него не было. Какая-то троюродная тетка помѣстила его въ корпусъ и распорядилась тотчасъ умереть, какъ будто для того, чтобы оставить мальчика одинокимъ въ цѣломъ свѣтѣ. Скарятинъ былъ очень добрый, мягкій ребенокъ. Способности онъ имѣлъ ограниченныя, учился очень усердно, но безуспѣшно. Онъ сжился, какъ кошка, со стѣнами корпуса. Внѣ ихъ жизни для него не существовало. Онъ любилъ корпусъ, какъ часть самого себя, онъ гордился его внѣшнимъ величественнымъ видомъ и радовался, слыша про успѣхи на службѣ бывшихъ воспитанниковъ корпуса.

Мало по малу жизнь по росписанію, казенные обѣды, казенное платье, казенныя развлеченія стали казаться ему настоящими, единственно имѣющими право быть обѣдами, платьемъ и развлеченіями. Все не казенное онъ считалъ чѣмъ-то искусственнымъ и допускалъ только, какъ исключеніе. Если ему случалось обѣдать въ отпуску у товарища, то онъ старался непремѣнно поспѣть въ корпусъ къ *настоящему* обѣду, съ его праздничнымъ кускомъ пирога, бульономъ, бифштексомъ и слоенымъ пирожкомъ.

Скарятинъ умѣлъ разнообразить корпусную жизнь. Когда ему очень надоѣдало въ возрастѣ, онъ уходилъ въ лазаретъ и сказывался больнымъ. Полежавъ недѣли двѣ, онъ выписывался и съ радостнымъ чувствомъ вступалъ въ обширную рекреаціонную залу возраста, точно возвращаясь въ родной край изъ продолжительнаго и опаснаго путешествія. Лѣто Ска-

рятинъ проводилъ въ кадетскомъ лагерѣ въ подмосковномъ селѣ, но иногда его отправляли на казенный счетъ въ Старую Руссу. Онъ былъ слабъ и золотушенъ, и завѣтной мечтой его было попасть въ Пятигорскъ на воды.

Всѣ корпусные разсказы и преданія Скарятинъ хранилъ съ благоговѣніемъ въ своей памяти. Не только корпусная, но и домашняя жизнь воспитателей и преподавателей была ему извѣстна до мелочей. Воспитателямъ полагались казенныя квартиры въ самомъ корпусѣ. Почти всѣ они были люди семейные и держали приходящихъ воспитанниковъ въ качествѣ нахлѣбниковъ. Этимъ путемъ Скарятинъ собиралъ вѣрныя свѣдѣнія объ интересовавшихъ его лицахъ. Авторитетъ Скарятина въ этомъ отношеніи признавался всѣми.

Юхновскій съ горестью повѣдалъ пріятелю свои опасенія насчетъ отпуска—

два праздника задаромъ пропадутъ. Скарятинъ съ глубокимъ убѣжденіемъ отвѣчалъ, что навѣрно пропадутъ. Юхновскій пересталъ надѣяться.

Послѣ русскаго языка по росписанію назначался законъ Божій. Огромный и толстый законоучитель, священникъ домашней корпусной церкви, не замедлилъ явиться въ классъ. Фамилія его была Святодуховъ.

— Дежурный, молитву! провозгласилъ онъ, взойдя на каѳедру. Молитву прочли. Батюшка грузно опустился на стулъ и сталъ расчесывать гребенкой густую, длинную русую бороду, зорко и пытливо осматривая классъ. Святодуховъ былъ чрезвычайно самолюбивъ, и малѣйшая улыбка воспитанника могла вывести его изъ себя. Но воспитанники сидѣли чинно и тихо. Они знали, что батюшка сейчасъ будетъ спрашивать заданное на вакаціи, и, плохо приготовившись, желали отдалить тре-

вожную минуту спрашиванія урока. Святодуховъ отлично понималъ ихъ безпокойство и съ самодовольнымъ сознаніемъ своего могущества поглядывалъ на классъ.

— Ну, что, небось, не готовились, лѣнтяйничали? проговорилъ онъ въ носъ, упирая по семинарски на букву *о*.

— Готовились, батюшка, послышались робкіе голоса.

— Знаю, какъ вы готовились. Ну, кто тамъ готовился, отвѣчай?

Скарятинъ поднялся съ мѣста. Учился онъ изъ закона очень хорошо, и священникъ благоволилъ къ нему за его кротость.

— Ну, ты знаешь, что тебя и спрашивать. А вотъ Ивановъ,—Ивановъ знаешь что нибудь?

Ивановъ, бойкій красивый юноша со смѣлымъ выразительнымъ лицомъ (такихъ особенно не долюбливалъ Святодуховъ), поднялся съ задней скамейки и смиренно отвѣчалъ, что готовился.

— Толковое евангеліе читалъ?

— Читалъ, батюшка, только сегодня я очень боленъ. Трудно мнѣ отвѣчать, позвольте въ слѣдующій разъ.

— А, вотъ оно что, боленъ. Видно, что боленъ. Кутилъ, чай, сердца побѣждалъ?

— Я не кучу.

— На лихачахъ, небось, катался? Знаю тебя. Вотъ на всѣхъ штаны, какъ штаны, а на тебѣ въ обтяжку, модные.

— У меня ноги толстыя.

— Ноги!.. Не можешь отвѣчать?

— Позвольте въ слѣдующій разъ.

— Не можешь? Отвѣчай толкомъ?

— Не могу, боленъ.

— Садись.

Святодуховъ схватилъ перо и черканулъ въ спискѣ.

— Единица! донеслось съ переднихъ лавокъ. Ивановъ понурился и заворчалъ.

Святодуховъ не столько разслышалъ,

сколько догадался, что бормоталъ Ивановъ, и опять схватилъ перо.

— Ты у меня ругаться? Вотъ запишу тебя въ списокъ, пусть инспекторъ увидитъ, чѣмъ ты занимаешься. Ишь, разбойникъ! На комитетѣ вотъ сбавятъ баллъ изъ поведенія, будешь грубіянить.

— Что вы, батюшка, я и не думалъ грубіянить, принялся оправдываться Ивановъ.

— Сказывай, я тебя отучу...

Но гнѣвъ Святодухова былъ притворный. Онъ уже удовольствовался поставленной единицей и не желалъ подвергать новымъ непріятностямъ строптиваго ученика.

— Позвольте выйти, батюшка? попросился Юхновскій, предчувствуя, что его непремѣнно спросятъ. Святодуховъ, прищурившись, уставился на него.

— Нажрался передъ завтракомъ, не сидится.

— Животъ болитъ, батюшка.

— Животъ... а урокъ знаешь?

— Знаю.

— Ладно, разсказывай, знаешь... Ну, иди.

Юхновскій быстро выскользнулъ изъ класса.

— Лѣнтяи вы, лѣнтяи, сказалъ Святодуховъ, поднимаясь съ мѣста:—Скарятинъ, изъ евангелія что будутъ въ слѣдующее воскресеніе читать?

Скарятинъ назвалъ имя евангелиста и отвѣтилъ съ точностью, съ какого и до какого стиха.

— Вѣрно. Ну, прочти это мѣсто.

Скарятинъ началъ читать. Классъ совершенно успокоился. Чтеніе евангелія означало, что священникъ не намѣренъ больше спрашивать. Воспитанники дремали; кто посмѣлѣй, тотъ занимался своимъ дѣломъ: читалъ подъ столомъ книгу или переписывалъ тетрадку.

Черезъ полчаса въ залѣ прогремѣлъ барабанъ, и урокъ кончился. Послѣ молитвы воспитанники торопливо выскочили изъ класса и устремились къ столикамъ. Тамъ были разложены ломти чернаго хлѣба, и на нихъ дымились облитыя жиромъ котлеты.

Послѣ завтрака слѣдовалъ по росписанію урокъ естественной исторіи. Какъ только кончилась большая перемѣна, дежурный Бѣликовъ закричалъ товарищамъ:

— Строиться въ естественный классъ. Правый флангъ, становись здѣсь!

Воспитанники выстроились передъ опустѣвшимъ классомъ. Бѣликовъ заперъ въ немъ двери и повелъ свое отдѣленіе черезъ спальню въ младшій возрастъ. Тамъ рекреаціонная зала была еще больше. Вдоль узкаго, длиннаго корридора шли классныя комнаты собственно младшаго возраста и двѣ аудиторіи всего корпуса: классъ естественной исторіи и рисовальный.

Воспитанники вступили въ обширную комнату, уставленную по стѣнамъ огромными шкафами съ чучелами животныхъ, птицъ, со скелетами и различными минералами. По срединѣ класса находился большой черный столъ и кресло для преподавателя. На нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола полукругомъ шли длинныя лавки въ два ряда, одинъ выше другаго. На этихъ лавкахъ тотчасъ съ шумомъ размѣстились воспитанники. Черный столъ былъ заваленъ свѣжими полевыми растеніями, въ которыхъ копошился высокій худой человѣкъ съ испитымъ лицомъ, корпусный лаборантъ.

Левъ съ любопытствомъ осматривалъ все кругомъ. Классъ казался ему необыкновенно богатымъ и снабженнымъ всѣми удобствами. Особенно заинтересовали его возвышавшіяся на шкафахъ чучела дрофы, огромнаго орла, цапли, филина и ворона. Впереди, у оконъ наружной стѣны, образовавшей овальный выступъ, возвышались

тепличныя растенія, а среди нихъ выдѣлялся акваріумъ.

Дежурный ушелъ за мѣломъ. Нѣсколько воспитанниковъ принялись усердно вытирать мокрыми губками черныя доски, вдѣланныя въ желтыя дубовыя стойки. Юхновскій вертѣлся тутъ же и сосредоточенно набиралъ въ свою губку крошки мѣла, накопившіяся въ углубленіяхъ на стойкахъ.

Въ классъ вошелъ преподаватель Сусловъ, корпусный зоологъ и ботаникъ. Ему было на видъ лѣтъ тридцать пять. Острое умное лицо его дышало надменностью. Онъ былъ средняго роста, бѣлокуръ и одѣтъ щегольски. Небрежно поздоровавшись съ воспитанниками, онъ поглядѣлъ на блиставшія мокрыя доски и сѣлъ въ кресло. Воспитанники тоже съ шумомъ усѣлись на свои мѣста. Сусловъ медленно побарабанилъ тонкими, длинными пальцами по столу и сказалъ лаборанту:

— Можете идти. Благодарю васъ. Здѣсь все то, что я просилъ?

— Все-съ.

— Очень хорошо.

Лаборантъ ушелъ. Сусловъ сжато и ясно сталъ разсказывать про однолѣтнія растенія. Преподаваніе ботаники начиналось въ младшемъ возрастѣ, и Сусловъ заговорилъ такъ, какъ будто онъ продолжалъ объяснять лекцію, которую началъ вчера. Онъ изъяснился вполнѣ понятно и зналъ свой предметъ отлично. Онъ роздалъ на лавки экземпляры растеній, чтобы воспитанники удобнѣе могли слѣдить за его объясненіями. Такъ прошло нѣсколько времени. Сусловъ сидѣлъ спиной къ доскамъ, которыя между тѣмъ постепенно высохли, и на одной изъ нихъ явственно выступило изображеніе селедки. Эта невинная рыба явилась въ увеличенномъ видѣ. Увидѣвъ ее, воспитанники едва могли удержаться отъ хохота. Астаховъ шепнулъ Льву:

— Черти, сами вѣчно разозлятъ Селедку, а послѣ и отдуваются своими боками.

— Какую селедку? спросилъ Левъ?

— Какую, вонъ Селедка.

И онъ ткнулъ пальцемъ на Суслова. Тотъ нервно завозился на креслѣ, разсердившись на невниманіе класса и не догадываясь еще о причинѣ его внезапной веселости. Но уловивъ взгляды воспитанниковъ, онъ обернулся къ доскѣ и увидалъ изображеніе селедки. Этимъ прозвищемъ его давно окрестили въ корпусѣ.

Сусловъ замолчалъ и, откинувшись на спинку кресла, пристально глядѣлъ на воспитанниковъ. Порывъ внезапно вспыхнувшей злобы опьянилъ его, но онъ сдержался. Тихая могильная улыбка заиграла у него на губахъ, и глаза засвѣтились хмѣльнымъ блескомъ.

— Господа, сказалъ онъ:—кто не выучилъ и желалъ бы не отвѣчать заданнаго на вакацію—встаньте!

Въ классѣ произошло движеніе. Воспитанники шепотомъ переговаривались другъ съ другомъ.

— Такъ кто же не желалъ бы отвѣчать, встаньте! мягко и спокойно повторилъ Сусловъ.

Въ разныхъ мѣстахъ поднялись: Дудкинъ, первый силачъ въ классѣ, князь Халюшевъ, второй силачъ, Ивановъ, Новицкій, блѣдный самолюбивый мальчикъ, и еще человѣкъ пять.

Астаховъ покосился на вставшихъ.

— Халюшевъ, ты куда? Садись скорѣй на свое мѣсто!

Халюшевъ дико посмотрѣлъ на тонко улыбавшагося Астахова и повиновался его приказанію. Татарскій князекъ, при всемъ своемъ тупоуміи, успѣлъ убѣдиться, что Астаховъ зря ничего не говоритъ, и что его слушаться не мѣшаетъ. Сусловъ взялъ списокъ и всѣмъ вставшимъ поставилъ по нулю.

— А теперь можете садиться, равнодушно заключилъ онъ.

Но въ классѣ поднялся вдругъ невыразимый шумъ и гамъ.

— За что же, за что же? вопили жалобно потерпѣвшіе.

— За то, что бездѣльничаете!

— Петръ Ивановичъ, вѣдь мы сами признались, что не очень хорошо знаемъ.

— Такъ и слѣдуетъ. Всегда надо говорить самому, что не знаешь урока, когда не готовился.

— Позвольте исправиться! гудѣлъ Дудкинъ, простирая вверхъ дюжую руку.

— Сегодня нѣтъ времени. Садитесь же, господа.

Астаховъ хохоталъ надъ попавшимися впросакъ воспитанниками. Князь Халюшевъ бросалъ на него благодарные взоры. Наконецъ урокъ кончился. Воспитанники окружили преподавательскій столъ, и Ивановъ съ горестью убѣдился, что рядомъ съ его

крупной четкой единицей помѣстился огромный, толстый ноль.

Учитель рисованія, Палицынъ, очень понравился Льву. Онъ казался такимъ спокойнымъ и скромнымъ. Карандашемъ владѣлъ онъ мастерски. Левъ залюбовался смѣлыми и красивыми штрихами, которыми учитель покрылъ эскизъ Юхновскаго. Въ этотъ часъ рисованія Левъ отдохнулъ отъ пережитыхъ впечатлѣній.

Кругомъ воспитанники переговаривались вполголоса другъ съ другомъ. Совѣщаніе шло объ учителѣ географіи, Смагинѣ. Классъ предполагалъ „отказаться". Это значило, при входѣ учителя дежурный долженъ былъ объявить ему, что классъ проситъ сегодня не спрашивать. Еслибы учитель не обратилъ вниманія на это заявленіе, то всякій вызванный обязанъ былъ не отвѣчать. Обыкновенно отказы принимались, потому что воспитанники прибѣгали къ нимъ въ крайнихъ случаяхъ. Но

преподаватель географіи, подполковникъ Смагинъ, никакихъ стачекъ не признавалъ, и потому воспитанники колебались, положиться на авось или вступить въ борьбу. Мнѣнія раздѣлились. Дудкинъ, Халюшевъ, Ивановъ, Юхновскій предлагали отказаться наотрѣзъ, а тамъ—что будетъ, то будетъ. Первый ученикъ, Козловскій, подалъ голосъ за то, чтобы отвѣчать, но его предложеніе было встрѣчено такимъ общимъ неудовольствіемъ и криками: „зудило, зубрило-мученикъ, зуда!“—что онъ не рѣшился повторить его. Партія умѣренныхъ съ Астаховымъ во главѣ предлагала вступить со Смагинымъ въ переговоры. Дежурный Бѣликовъ, благонравный, скромный мальчикъ, учившійся весьма успѣшно, не желалъ заявлять объ отказѣ, такъ какъ дежурному доставалось больше всего, когда дѣло доходило до разбирательства.

— Ну тебя къ чорту, бѣлоличка сахарная! закричалъ долговязый верзила Кра-

поткинъ, считавшійся въ глазахъ начальства отпѣтымъ:—устроимте, господа, форменный отбой! Пусть проклятый хохолъ оретъ, сколько душѣ угодно. Не успѣли явиться, какъ ужъ онъ будетъ спрашивать! Какъ бы не такъ! Эхъ, вы, бабы! Распустили нюни! Вонъ дежурный чуть не собирается фискалить.

— Врешь, я не фискалъ! огрызнулся Бѣликовъ, задѣтый словами Крапоткина, такъ какъ фискальство считалось величайшей подлостью въ корпусѣ.

— Потише, Крапоткинъ! серьезно замѣтилъ учитель рисованія Палицынъ:— классъ еще не кончился.

— Виноватъ, Владиміръ Николаевичъ, извините, забылся. Очень наши бабы вывели меня изъ терпѣнья.

— Какъ вы выражаетесь. Прошу заняться дѣломъ.

Крапоткинъ принялся рисовать. Въ классѣ воцарилась тишина. Воспитанники ува-

жали Палицына и безпрекословно слушались его.

Между уроками полагалось по десяти минутъ „на перемѣну“. По правиламъ всѣ воспитанники должны были по окончаніи лекціи выходить въ залу. Двери классной комнаты на эти десять минутъ запирались на ключъ. Все это лежало на обязанности дежурнаго. Но какъ только часъ рисованія прошелъ, воспитанники, не выходя изъ класса, вновь стали совѣщаться. Большинство послѣ бурныхъ преній предложило „закатить хохлу отбой“, который выражалъ самую рѣшительную форму отказа. При отбоѣ дежурный ничего заранѣе не докладывалъ преподавателю, и всѣ вызванные должны были упорно не выходить. Начальство не признавало отказовъ, но за отбои карало особенно жестоко. Правда, и воспитанники прибѣгали къ нимъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда требовалось выразить сильнѣйшій протестъ.

Василій Алексѣевичъ Смагинъ, щеголеватый артиллерійскій офицеръ, съ тонкой таліей, жесткими подстриженными усами и мутными бурыми глазами, звеня шпорами, быстро вошелъ въ классъ. У него было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя выражаютъ полную необузданность страстей.

Смагинъ разсѣянно выслушалъ рапортъ дежурнаго и тотчасъ потребовалъ списокъ. Увидѣвъ рядъ нолей, онъ покачалъ головой и пробормоталъ:

— Ото я васъ!

За это „ото“ воспитанники прозвали самого Смагина „Ото“. Какъ и все прочее начальство, онъ зналъ свое прозвище и и терпѣть его не могъ. Затѣмъ онъ произнесъ скороговоркой:

— Астаховъ, Бѣликовъ, Вавиловъ, Гарновскій и Дудкинъ — чертить! Крапоткинъ—отвѣчать!

Мертвая тишина стояла въ классѣ. Никто изъ вызванныхъ не шевельнулся. „Ото“

закрылъ списокъ и, сдерживая заклокотавшую ярость, сказалъ:

— Кого я вызвалъ, пожалуйте къ доскамъ. Астаховъ, Бѣликовъ и другіе!

Астаховъ мигнулъ товарищамъ и направился къ каѳедрѣ. Его осѣнила смѣлая мысль. Онъ видѣлъ, что еще минута—и „Ото“ впадетъ въ изступленіе, и тогда ни въ какіе переговоры вступить было бы нельзя. Но теперь хитроумный Лисъ (такъ звали Астахова товарищи) надѣялся, что дѣло можно еще поправить.

— Василій Алексѣевичъ, мы просимъ васъ сегодня не спрашивать. Ваша слѣдующая лекція приходится въ четвергъ, позвольте тогда отвѣчать. Воспитанники только что прибыли изъ отпуска. Многимъ пришлось не спать ночь.

— Что это за новости! Вы будете учить меня, когда спрашивать. Ото вижу, голубчики, каково вы стараетесь. Ишь, сколько нолей!

— Василій Алексѣевичъ, это господинъ Сусловъ наставилъ. Представьте, на доскѣ кто-то нарисовалъ селедку, а онъ увидалъ, разозлился и спрашиваетъ: „кто, господа, изъ васъ ничего не знаетъ, встаньте.“ Наши умницы встали а, онъ и закатилъ имъ всѣмъ по нулю.

Смагинъ вдругъ захохоталъ.

— Такъ-таки всѣмъ и закатилъ?

— Закатилъ. Сами себя головой выдали.

Голосъ Астахова звучалъ необыкновенной вкрадчивостью. Эпизодъ съ Сусловымъ, переданный имъ съ рѣдкимъ юморомъ, развеселилъ Смагина, который, какъ истый хохолъ, понималъ и цѣнилъ все дѣйствительно комическое. Астаховъ зналъ его слабость и искусно воспользовался ей. Пока „Ото“ смѣялся, онъ стоялъ передъ нимъ скромно и серьезно. Къ сказанному онъ не прибавилъ ни слова, какъ бы всецѣло полагаясь на великодушіе препода-

вателя. Смагинъ именно такъ и понялъ его безмолвную покорность. Онъ погладилъ усы и сказалъ, тряхнувъ головой:

— Ото скверные мальчишки, значитъ, не готовились? Смотри, ужо въ четвергъ проберу. Дежурный, молитву!

Урокъ географіи былъ послѣднимъ. Бѣликовъ прочелъ молитву, и Смагинъ ушелъ, не задавъ новаго урока и задолго до барабана, возвѣщавшаго окончаніе лекцій.

III

Строиться къ обѣду! кричалъ дежурный по возрасту, заглядывая въ классы. Воспитанники, умывшись и почистивъ платье, бѣжали въ залу и строились въ двѣ шеренги, конецъ которыхъ загибался подъ прямымъ угломъ. На правомъ флангѣ стоялъ пятый классъ, на лѣвомъ—третій. Каждое отдѣленіе было выравнено по ранжиру. Это былъ обычный

строй всего возраста. Дежурный быстро разсчиталъ ряды по двѣнадцати человѣкъ на столъ. Воспитатель скомандовалъ:

— Смирно! Напра-во! Шагомъ маршъ! Лѣвое плечо...

Строй, грузно колыхаясь, направился внизъ по лѣстницѣ. Здѣсь пришлось остановиться, такъ какъ черезъ умывальникъ проходилъ старшій возрастъ. Передъ входомъ въ столовую залу, принявшую торжественный видъ, воспитанники остановились и, по командѣ дежурнаго, молодцовато зашагали къ своимъ столамъ. Младшій возрастъ стоялъ уже по мѣстамъ на противоположномъ концѣ залы. Барабанъ пробилъ на молитву. Воспитанники въ триста голосовъ стройно пропѣли „Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ“ и сѣли на мѣста. На двухъ концахъ каждаго стола стояли оловянныя миски съ супомъ. Воспитанникъ, приходившійся, по разсчету дежурнаго, крайнимъ, разливалъ супъ

и раздавалъ кушанье. При этомъ лучшіе куски доставались тѣмъ, кто сидѣлъ ближе къ мискѣ. Хуже всего было быть шестымъ. Дядьки суетились, убирая посуду. Звонъ ложекъ, тарелокъ, стукъ ножей, громкія восклицанія проголодавшихся воспитанниковъ сливались въ такой нестройный шумъ, что въ пріемной нельзя было разговаривать, и посѣтители, ошеломленные поднявшимся гамомъ, съ любопытствомъ заглядывали въ залу, желая опредѣлить, откуда несутся эти оглушительные, ни на что не похожіе звуки.

Обѣдъ былъ очень сытенъ. Онъ состоялъ изъ щей, котлетъ съ рисомъ и на третье блюдо — жареныхъ пироговъ съ говядиной. На столѣ въ стеклянныхъ графинахъ желтѣлъ молодой прѣсный квасъ. Чернаго хлѣба полагалось по пяти ломтей на человѣка. Послѣ обѣда воспитанники пропѣли „Благодаримъ Тебѣ, Создателю“ и разошлись по возрастамъ. Затѣмъ

назначалась прогулка, но хлынулъ дождь, и воспитанники гулять не пошли.

Такъ какъ классы были заперты, то воспитанники разбрелись по возрасту. Одни ходили попарно, бесѣдуя вполголоса между собой, другіе рисовали, нѣкоторые читали.

— Пойдемъ въ „клубъ", сказалъ Астаховъ, подхватывая Львова подъ руку. Они прошли черезъ корридоръ въ круглую свѣтлую комнату съ надписью надъ входомъ: „клозетъ". Это и былъ „клубъ". Онъ помѣщался въ башнѣ, выходившей на внутренній дворъ. Въ „клубѣ" было очень весело. Воспитанники курили у топившейся печки, тщательно уничтожая окурки, такъ какъ курить въ корпусѣ строго воспрещалось. Юхновскій вертѣлся тутъ же, разсказывая циническіе анекдоты. Воспитанники хохотали, но одинъ изъ нихъ, низкорослый смуглый, съ необыкновенно широкими могучими плечами пятиклас-

сникъ, Платоновъ, презрительно посматривалъ на разскащика и, сплюнувъ, сказалъ:

— Изобрази *ехидну.*

Юхновскій сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ приказанія Платонова. Тотъ крикнулъ:

— Изобрази ехидну! а то взвожу (прибью)!

Праздные воспитанники тоже закричали:

— Ехидну, ехидну!

Юхновскій перевернулся на одномъ каблукѣ и быстро выскользнулъ изъ „клуба".

— Держи его! загремѣли голоса ему вслѣдъ, но Юхновскій уже скрылся. Вдругъ изъ корридора раздался отчаянный визгъ.

Дюжій четвероклассникъ Усташевъ, широколобый, съ сверкающими сѣрыми глазами казакъ, ухватилъ Юхновскаго за шиворотъ и пригнулъ къ полу.

— Попалась, каналья! провозгласилъ съ торжествомъ Платоновъ и подбѣжалъ къ бѣглецу, переваливаясь на короткихъ

косолапыхъ ногахъ.—Давай-ка его сюда, Усташевъ, спасибо тебѣ.

— Что онъ накуралесилъ?

— Надуть хотѣлъ публику.

Тутъ Платоновъ схватилъ желѣзной рукой Юхновскаго за спину около пояса и поволокъ, какъ щенка, назадъ въ „клубъ". Юхновскій жалобно визжалъ и барахтался въ воздухѣ. Не смотря на всѣ вопли и стоны, онъ въ глубинѣ души былъ доволенъ тѣмъ, что привлекалъ общее вниманіе. Онъ самъ очень любилъ изображать ехидну (за что и получилъ свое прозвище) и, еслибъ ему удалось избѣжать рукъ Платонова, онъ бы не шутя опечалился.

На серединѣ комнаты, при громкомъ хохотѣ воспитанниковъ, Платоновъ бросилъ Юхновскаго на замызганный полъ. Тотъ, какъ резиновый мячикъ, подпрыгнулъ къ верху и, прежде чѣмъ кто либо изъ присутствующихъ успѣлъ сообразить, въ чемъ дѣло, какъ стрѣла вылетѣлъ изъ „клуба".

Публика была окончательно надута.

Платоновъ вскипѣлъ гнѣвомъ.

— Лови его, робя (ребята), и казнить его, казнить, бестію!

Человѣкъ пятнадцать тотчасъ бросилось за Юхновскимъ. Они выскочили въ залу, но бѣглеца и слѣдъ простылъ. Средній возрастъ былъ очень обширенъ. Въ одной рекреаціонной залѣ, гдѣ стояло больше ста столиковъ съ платьемъ и вещами воспитанниковъ, можно было такъ спрятаться, что ищи хоть весь день—не найдешь. Въ помѣщеніе возраста еще входили пять классныхъ комнатъ, учительская, инспекторская, дежурная комната, умывальникъ, спальня, чистилка, гдѣ чистили сапоги и пуговицы. Хотя въ послѣобѣденное время воспитанникамъ разрѣшалось находиться только въ залѣ, но отчаянный Юхновскій могъ забѣжать куда угодно.

Погоня съ гикомъ разсыпалась по возрасту. Преслѣдователи разспрашивали

встрѣчавшихся воспитанниковъ, не видали ли они Юхновскаго, но всюду получали отрицательный отвѣтъ. Бѣглецъ канулъ, какъ въ воду.

— Поищите-ка въ умывальной подъ шинелями! посовѣтовалъ кто-то. Тамъ вдоль стѣнъ висѣло множество шинелей. Преслѣдователи принялись перебирать ихъ. Вдругъ темный клубокъ выкатился изъ угла, и Юхновскій, вскочивъ на ноги, понесся по возрасту. Уйти ему теперь уже было некуда. Впереди перехватили дорогу къ дежурной комнатѣ. Онъ взялъ въ сторону, но тутъ, разогнавшись, на него налетѣлъ Ивановъ и схватилъ за плечи. Сзади приспѣло еще человѣкъ пять, и они съ торжествомъ привели Юхновскаго въ „клубъ“.

— Клади его на полъ, будемъ судить! скомандовалъ Платоновъ.

Юхновскаго распластали на полу, и судьи осѣдлали подсудимаго.

— Выбирай самъ казнь. Хочешь чухонскаго масла?

— Нѣтъ, не хочу, не хочу!

— Напрасно. Впрочемъ, изъ тебя немного бы и масла вышло.

Воспитанники захохотали.

— Хочешь пятнашекъ? спросилъ безстрастно Платоновъ.

— Не хочу!

Пятнашки тоже были вовсе не заманчивы. Наказуемаго ставили лицомъ къ стѣнѣ, и желающіе по очереди ударяли его резиновымъ мячемъ въ спину. Послѣ каждаго удара осужденный долженъ былъ угадывать, кто ударилъ, и „пятнался“ до тѣхъ поръ, пока не называлъ вѣрно ударившаго.

— Быть можетъ, ты хочешь сибирскихъ швычковъ (щелчки въ голову)?

— Не нужно швычковъ.

— Да ты, братъ, я вижу, ничего не хочешь. Смотри, не привередничай, а то

всего отвѣдаешь. А то пустить тебя, а, помиловать?

Платоновъ произнесъ эти слова, подразнивая Юхновскаго, но тотъ вдругъ жалобно взмолился:

— Пустите, право, пустите. Я вамъ такъ ехидну изображу, какъ вы не видѣли.

— Врешь.

— Ей Богу.

— Пустить его, господа, что ли? сказалъ Платоновъ, гнѣвъ котораго уже остылъ.

— Ну, пустимъ, чортъ съ нимъ. Только вотъ уговоръ: хорошо изобразишь— убирайся по добру, по здорову; не угодишь—попятнаемъ.

— Ладно, отвѣчалъ Юхновскій.

Судьи очистили по серединѣ мѣсто. Юхновскій всталъ на колѣни и поползъ на брюхѣ, извиваясь какъ змѣя, и шевеля въ воздухѣ руками и ногами. Скорчивъ смѣшную гримасу, онъ поводилъ головой

въ разныя стороны. Затѣмъ онъ изобразилъ изъ одной ноги хвостъ и началъ крутиться по полу. Онъ принималъ такія невозможныя положенія, что зрители хохотали безъ удержу. Курильщики, желая удобнѣе любоваться интереснымъ зрѣлищемъ, отошли отъ печки, и вскорѣ вся комната наполнилась густыми сизыми облаками табачнаго дыма.

— Черти, откройте форточку, продохнуть нельзя! крикнулъ Платоновъ. Изъ конца корридора послышался тревожный возгласъ: „воспитатель, воспитатель!“

Тотчасъ представленіе прекратилось. Воспитанники разсыпались кто куда. Астаховъ ухватилъ Льва за руку, быстро отворилъ дверь въ деревянной стѣнѣ и полѣзъ осторожно на дрова, сложенныя позади ея. На верху находился длинный осмоленный ящикъ съ водой, обитый внутри жестью. Астаховъ притаился здѣсь. Левъ послѣдовалъ его примѣру. Деревянная стѣна не до-

ходила до потолка, и сверху все было отлично видно.

Въ „клубъ“ вошелъ Сычевъ. Онъ потянулъ въ себя воздухъ, поглядѣлъ вокругъ близорукими глазами и сказалъ:

— Табакомъ пахнетъ. Кто курилъ, говорите?

— Никто не курилъ, послышалось изъ кучки воспитанниковъ, не успѣвшихъ скрыться.

— Сами папиросы, значитъ, выкурились. Гм! а вотъ и окурокъ. Хорошо-съ очень хорошо.

Онъ поднялъ окурокъ и вертѣлъ его въ рукахъ.

— Кто тутъ находится, я ужъ запишу. Тамъ разберемъ на досугѣ.

— Зачѣмъ записывать! Мы не курили. Не придирайтесь.

— Платоновъ, это къ вамъ я придираюсь? Ивановъ, и ты здѣсь? Юхтомскій, Усташевъ...

Сычевъ досталъ книжку и переписалъ всю компанію. Когда онъ удалился, Астаховъ и Левъ выбрались изъ-за стѣнки и ушли въ залу. Здѣсь Сычевъ замѣтилъ Льва и сказалъ:

— Вавиловъ, къ вамъ пріѣхали. Можете отправиться въ пріемную.

— Позвольте мнѣ въ лазаретъ на перевязку! попросился Астаховъ.

Воспитатель разрѣшилъ. Товарищи спустились по лѣстницѣ и прошли въ столовую залу. Анна Михайловна съ радостнымъ тревожнымъ изумленіемъ увидѣла сына въ форменной одеждѣ. Она порывисто поцѣловала его; онъ оглянулся украдкой, не видитъ ли кто этихъ бабьихъ нѣжностей. Свиданіе съ матерью не радовало, а смущало его. Онъ чувствовалъ себя неловко. Ему казалось, что каждый проходящій воспитанникъ можетъ крикнуть:

— Смотрите, не успѣлъ поступить, какъ ужъ по маменькѣ соскучился, захныкалъ!

Анну Михайловну удивила и обезпокоила сдержанность сына. Она спросила, не боленъ ли онъ, и прибавила:

— А я, Левъ, думаю остаться въ Москвѣ еще на недѣлю. Буду навѣщать тебя, пока ты не привыкнешь.

— Не дѣлай этого, мама! Не надо! вырвалось у Льва?

— Почему?

— Мнѣ живется пока хорошо. Въ пятницу вечеромъ меня пустятъ въ отпускъ, и мы дома поговоримъ на свободѣ. Здѣсь неудобно.

Анна Михайловна помолчала.

— Хорошо ли васъ кормятъ? Я тебѣ привезла всего. Вотъ въ корзинкѣ. Ты, можетъ быть, сейчасъ поѣшь?

— Нѣтъ, нѣтъ, я сытъ и ничего не хочу.

Черезъ пріемную прошелъ Святодуховъ. Левъ почтительно вытянулся. Анна Михайловна поняла, что онъ тяготится свиданіемъ. Это ее огорчило. Она перестала

разспрашивать его и затихла. Онъ тоже молчалъ. Ему было стыдно предъ матерью, и онъ не могъ побороть ни своего стыда, ни смущенія. Прошла минута, другая.

— Ну, прощай, дружокъ. Привыкай къ новымъ порядкамъ. Я заѣду сама за тобой въ пятницу.

— И отлично. Мама, пріѣзжай къ семи часамъ. Насъ отпускаютъ только послѣ всенощной.

Анна Михайловна еще разъ поцѣловала Льва. Онъ захватилъ привезенную корзинку и побѣжалъ въ возрастъ. Анна Михайловна не смотрѣла ему вслѣдъ. Она, не спѣша, одѣлась, поговорила о корпусныхъ порядкахъ со швейцаромъ и уже не позабыла дать ему на чай.

Дни потянулись для Льва непрерывной вереницей. Каждый день такъ походилъ на предъидущій, что возстановить въ памяти какой нибудь одинъ день не было возможности. Утромъ шли занятія, за обѣ-

домъ гремѣлъ барабанъ или звенѣла труба. Потомъ зажигались лампы, и воспитанники готовили уроки. Добравшись до постели, Левъ засыпалъ такъ крѣпко, какъ никогда раньше. Онъ скоро освоился съ товарищами. Они жили дружно, беззаботно.

— Въ третьемъ классѣ находились преимущественно подростки отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, но были и гораздо повзрослѣе. Воспитанники школьничали и охотно лѣнились, но общій ходъ занятій былъ таковъ, что совсѣмъ не учиться было нельзя. Учебныхъ пособій полагалось достаточно. Преподаватели свой предметъ въ предѣлахъ гимназическаго курса знали очень твердо. Въ лукавыя мудрствованія они не пускались, а каждый болѣе или менѣе успѣшно наполнялъ головы учениковъ только тѣмъ, что значилось въ программѣ. Нѣкоторые изъ преподавателей достигли виртуозности въ этомъ от-

ношеніи. Такъ, гигантъ-нѣмецъ Вейлеръ, служившій гимнастомъ въ одномъ изъ германскихъ цирковъ (такъ утверждали злые языки), съ необычайной точностью проходилъ въ первый, пятый, седьмой и т. д. урокъ тѣ самые параграфы Керковіуса (учебникъ нѣмецкаго языка), которые онъ проходилъ уже пятнадцать-двадцать лѣтъ въ первый, пятый, седьмой и т. д. уроки. Математикъ къ 15-му ноября кончалъ десятичныя дроби, и никто изъ воспитанниковъ не сомнѣвался, что всегда у него третій классъ кончалъ и будетъ кончать къ 15-му ноября десятичныя дроби. Старые воспитанники, какъ напримѣръ, Скарятинъ, Крапоткинъ, чрезвычайно цѣнили эту систематичность. Они заблаговременно запасались прошлогодними тетрадками лучшихъ учениковъ, шедшихъ классомъ впереди, и по этимъ тетрадкамъ проходили курсъ. Тетрадки переписывались, распространялись между вос-

питанниками и весьма значительно облегчали преподавателямъ изложеніе содержанія учебника. Притомъ, сами преподаватели любили, когда записывались и увѣковѣчивались ихъ собственныя слова. Случалось, что преподаватель бралъ у одного изъ лучшихъ учениковъ записанную съ его словъ тетрадку, самъ дополнялъ и исправлялъ ее, а затѣмъ возвращалъ и пускалъ въ обращеніе. Это происходило обыкновенно въ концѣ года, когда курсъ былъ пройденъ, и просмотрѣнная тетрадка назначалась, само собою разумѣется, для новыхъ учениковъ того же класса. Третій классъ отдавалъ свои тетрадки второму и получалъ самъ тетрадки четвертаго класса, а тотъ въ свою очередь пользовался трудами пятаго класса, и такъ до конца. Въ седьмомъ, послѣднемъ классѣ дѣлалось повтореніе всего пройденнаго курса, и поэтому выпускные занимались только передъ самыми экзаменами, а весь годъ

отдыхали отъ трудовъ въ шести предыдущихъ классахъ.

Самыми цѣнными считались тетрадки русскаго языка съ „сочиненіями". Хотя сочиненія писались на разныя темы, но были темы, особенно любимыя инспекторомъ и Кашкинымъ. Такъ, третій классъ каждый годъ писалъ „Восхожденіе на гору" или „Переправу черезъ большую рѣку". Четвертый—излагалъ „Самое яркое изъ воспоминаній". Пятый—разбиралъ „Типы Гоголя съ художественной и *бытовой* стороны". Въ седьмомъ—предлагалась такая тема: „Миръ благотворенъ, но и война имѣетъ свои прелести". Эта тема считалась самой трудной, и долгое время никому не удавалось получить за нее двѣнадцать. Тетрадки съ сочиненіями на эти темы подбирались въ строгомъ порядкѣ. Откладывались сочиненія, напр., съ „Самымъ яркимъ изъ воспоминаній". „Воспоминанія" были разныхъ качествъ: за одни было постав-

лено десять, за другія—одиннадцать или даже двѣнадцать. Владѣлецъ такой тетрадки пользовался ею съ ограниченіями. Кто учился плохо, тотъ не долженъ былъ представлять двѣнадцатибальнаго сочиненія, а бралъ сочиненіе балловъ на девять, на десять. Кто учился отлично, тотъ списывалъ всегда двѣнадцатибальное сочиненіе, но баллъ за него получалъ по усмотрѣнію преподавателя. Такъ велось съ давнихъ поръ, и обѣ стороны были довольны.

Затѣмъ цѣнились тетрадки съ задачами. Математикъ никогда не утруждалъ себя измышленіемъ новыхъ задачъ. Онъ всегда употреблялъ задачникъ Евтушевскаго, а по алгебрѣ и геометріи довольствовался задачами изъ учебниковъ Малинина-Буренина. Само собою разумѣется, въ классѣ не переводились тетрадки, въ которыхъ всѣ эти задачи были давнымъ давно передѣланы.

Кромѣ наукъ, воспитанники обучались еще музыкѣ, переплетному, токарному и

столярному мастерству. Музыкой завѣдывалъ инспекторъ. Онъ не имѣлъ никакихъ музыкальныхъ качествъ, не зналъ даже нотъ, но считалъ себя знатокомъ. Такъ какъ преподаваніе велось на всѣхъ оркестровыхъ инструментахъ, то онъ глубокомысленно рѣшалъ, къ какому инструменту наиболѣе способенъ тотъ или другой ученикъ. Краснощекихъ и здоровыхъ онъ назначалъ на духовые инструменты, причемъ высокіе играли на тромбонахъ, а маленькіе—на корнетъ-пистонахъ. Толстогубые становились кларнетистами. Относительно струнныхъ инструментовъ инспекторъ придерживался иной системы. Первыхъ учениковъ по наукамъ онъ назначалъ играть на первыхъ скрипкахъ, вторыхъ учениковъ—на вторыхъ скрипкахъ. Контрбасъ неизбѣжно попадалъ въ руки какого нибудь отпѣтаго верзилы, котораго, по выраженію инспектора, и къ нотамъ подпускать бы не слѣдовало.

При столь мудромъ управленіи, музыка процвѣтала въ корпусѣ. Оркестръ былъ довольно многочисленъ, умѣлъ играть „Боже царя храни“, „Попури изъ русскихъ пѣсенъ“, и начальство, и воспитанники гордились имъ.

IV

Пойдемъ зубрить чертежъ, Вавиловъ, сказалъ Астаховъ:—свободная доска еще есть.

— Да некогда. Говорятъ, мы сейчасъ должны идти въ баню. Ужъ Сойковичъ и бѣлье разложилъ.

Тутъ вошелъ въ классъ Сычевъ.

— Господа строиться въ баню!

Воспитанники побросали книги и пошли въ залу. У каждаго на столикѣ лежало бѣлье, кусокъ мыла и мочалка. Когда всѣ выстроились, въ шинеляхъ въ накидку и съ шапками на головахъ, Сычевъ скомандовалъ обычное: „направо, шагомъ маршъ“, и его отдѣленіе рысью пустилось къ выходу.

Корпусная баня помѣщалась въ отдѣльномъ небольшомъ каменномъ строеніи. Одну часть его занимала паровая водокачалка, снабжавшая весь корпусъ водой; другая половина представляла собственно баню.

Воспитанники въ разсыпную мигомъ пробѣжали небольшое пространство отъ корпуса до бани. Многіе разстегивались на ходу. Дудкинъ, Халюшевъ, Ивановъ и Крапоткинъ, особенные любители бани, первые ворвались въ предбанникъ. Тутъ оставалось еще нѣсколько воспитанниковъ четвертаго класса, не успѣвшихъ одѣться. Густой туманъ носился въ воздухѣ.

— Рано лѣзете! Что вы, бѣлены объѣлись? кричали они на третьеклассниковъ.

— А вы тутъ сидите еще до ночи, такъ мы васъ и будемъ ждать!

Ивановъ сразбѣга вскочилъ на лавку, и все платье сразу свалилось съ него. Онъ спрыгнулъ на полъ и исчезъ въ облакахъ пара, хлопнувъ тяжелой дверью. Почти

тотчасъ подобнымъ же образомъ освободились отъ одежды остальные. Левъ тоже поспѣшилъ раздѣться, но когда попалъ въ горячо натопленную баню, она была уже полна народу. Всѣ шайки были захвачены, и всѣ мѣста заняты.

Баня была тѣсна, и потому въ нее пускали сразу только одно отдѣленіе, то есть человѣкъ тридцать. Несмотря на это, всѣмъ мыться одновременно было нельзя, и опоздавшіе принуждены были ждать очереди. Черный потолокъ и закоптѣлыя стѣны были покрыты блестящими крупными каплями. Огромная накаленная печь занимала четверть комнаты. Смрадная керосиновая лампа бросала тусклый красноватый свѣтъ. Было такъ напарено, что съ полка, гдѣ виднѣлись только неясныя фигуры, одинъ за другимъ слѣзали любители и, отдышавшись, снова забирались наверхъ. Это были, впрочемъ, диллетанты. Настоящіе парильщики никогда не слѣзали съ полка

до тѣхъ поръ, пока въ банѣ оставался хоть одинъ человѣкъ. Они образовали свой кружокъ. Тутъ находились Дудкинъ, Халюшевъ, Ивановъ и Крапоткинъ, легкія которыхъ могли выдержать какую угодно температуру. Слабняки сюда не допускались. Однажды Скарятинъ забрался наверхъ и тотчасъ упалъ въ обморокъ. Завсегдатаи съ бранью стащили его въ предбанникъ и сдали на руки фельдшеру, который всегда находился здѣсь съ походной аптечкой для подобныхъ случаевъ.

— Эй, Вавиловъ! садись сюда, я занялъ тебѣ мѣсто! послышался голосъ Астахова. Онъ сидѣлъ въ противоположномъ углу отъ печки, въ самомъ удобномъ мѣстѣ бани. Левъ поспѣшилъ на зовъ и принялся мыться.

— Пару, пару! закричали съ полка.

— Не надо, довольно пару! отвѣчали снизу.

— Эй, дядька, пару! Поддай пару!

— Не надо, не надо.

Крики и брань смѣшались въ воздухѣ. Одни хотѣли пару, другіе не хотѣли. Наконецъ дядька, наученный опытомъ, поддалъ пару, и крики стихли, но ненадолго.

— Сычъ ушелъ! провозгласилъ Дудкинъ: — затягивай, робя, „Дубинушку". Образцовъ, начинай!

— Крапоткинъ, будешь пѣть? крикнулъ Образцовъ густымъ басомъ, отъ котораго зазвенѣли стекла.

— Буду! послышался отвѣтъ. На полкѣ все стихло, и вдругъ оттуда раздался дикій нечеловѣческій ревъ. На нѣсколько минутъ стукъ шаекъ и громкій разговоръ мывшихся внизу были совершенно заглушены этимъ ужасающимъ ураганомъ звуковъ. Это пѣвцы прочищали свои глотки.

— Ти-ше, чер-ти! гаркнулъ Образцовъ, сразу покрывая вой полка. Въ банѣ прокатился хохотъ. Возстановилась относительная тишина. Образцовъ началъ:

«Англичанинъ хитрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину.
А нашъ русскій мужикъ, коль работать не въ мочь,
Такъ затянетъ родную дубину.»

Хоръ подхватилъ и грянулъ:

«Эхъ! дубинушка, ухнемъ!
Эхъ! зеленая, сама пойдетъ,
Сама пойдетъ... Ухъ!»

Отъ дружнаго вскрика вздрогнули стѣны. Ивановъ въ азартѣ пустилъ внизъ кусокъ мыла и угодилъ прямо въ окно. Стекло, жалобно звеня, разсыпалось по подоконнику. Кругомъ вновь поднялся хохотъ. Пѣніе прекратилось.

— Чего горланите! крикнулъ дежурный:—вѣдь мнѣ отвѣчать придется. Образцовъ, я запишу стекло на тебя.

— Съ чего ты взялъ? Я и не трогалъ его.

— Господа, на кого записать?

— На Сыча!

— На весь классъ!

— Зачѣмъ на весь классъ? возразилъ Толстобоковъ:—кто разбилъ, на того и записать.

— Разсудилъ, ха-ха-ха! На графа Толсторылова-Заковырина, на графа Шереметева! кричали съ полка, съ лавокъ и съ полу, пока Образцовъ снова не затянулъ:

«Графъ Паскевичъ Эриванскій
Подъ Варшавою стоялъ»...

Между тѣмъ многіе успѣли уже вымыться. Они отправлялись въ предбанникъ и, одѣвшись, спѣшили въ возрастъ.

Когда въ банѣ присутствовалъ воспитатель, то ни пѣнія, ни особеннаго гама не бывало, и воспитанники уходили въ возрастъ партіями по восьми-десяти человѣкъ сразу. Но теперь всякій уходилъ, когда хотѣлъ. Третій классъ мылся послѣднимъ въ среднемъ возрастѣ, и, когда всѣ воспитанники собрались, былъ поданъ сигналъ къ вечернему чаю. Такимъ обра-

зомъ Вавиловъ и Астаховъ, какъ и всѣ остальные, не успѣли выучить урока географіи. Вся надежда оставалась на часъ утреннихъ занятій отъ 7-ми до 8-ми часовъ, до начала лекцій, и на урокъ чистописанія, за которымъ всякій могъ дѣлать, что хотѣлъ.

Воспитанники всегда боялись географіи. Въ сущности, преподователь ея, Смагинъ, не былъ золъ. Какъ онъ ни бушевалъ въ теченіи года, на экзаменахъ онъ никого не проваливалъ. Воспитанники опасались просто необузданности его характера; меньше единицы или нуля Смагинъ не могъ поставить. Записывать же въ списокъ, чтобы обратить вниманіе инспектора на лѣность или скверное поведеніе воспитанника во время урока, Смагинъ не любилъ. Это практиковали мелкіе мстительныя натуры. Зато онъ въ запальчивости готовъ былъ иногда прибить воспитанника, и этихъ-то взрывовъ ярости кадеты старались избѣгать.

Конечно, классъ отличался не одинаковой воспріимчивостью къ грубому обращенію преподавателей. Дудкинъ, Халюшевъ, Крапоткинъ и Образцовъ, представители крайней партіи по лѣности, пребывали постоянно въ безмятежномъ расположеніи духа. Къ ударамъ судьбы, въ видѣ единицъ, нулей, заточенія въ карцерѣ, они относились совершенно равнодушно. Философія ихъ вполнѣ выражалась ихъ дивизомъ: „все равно". Зато они преуспѣвали въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Всѣ они были высоки плотны. Дудкинъ, атлетъ съ лицомъ орангутанга, ежедневно упражнялся съ тридцати фунтовыми ганделями. Татаринъ Халюшевъ зубами поднималъ каѳедру, Образцовъ перешибалъ однимъ пальцемъ двѣнадцать карандашей, чѣмъ по справедливости и гордился. Кромѣ того, эти силачи отличались необыкновенною прожорливостью и уносили отъ обѣда огромные запасы хлѣба въ видѣ „краюхъ",

„горбухъ“ и корокъ. Этотъ запасъ въ продолженіи лекцій истреблялся, что, однако, не мѣшало силачамъ улетать за обѣдомъ груду всякой всячины. Начальство на нихъ смотрѣло, какъ на отпѣтыхъ, и рано или поздно они должны были украсить собою „Сморгоновскую академію“: такъ воспитанники называли пѣхотное юнкерское училище, находившееся около корпуса.

Ко второй категоріи можно было отнести даровитыхъ, но лѣнивыхъ воспитанниковъ, не потерявшихъ „ученическаго самолюбія“ и потому еще способныхъ въ глазахъ начальства къ исправленію. Къ такимъ воспитанникамъ принадлежали, между прочимъ, Ивановъ, Карабановъ и Юхновскій. Лѣность ихъ происходила отъ разныхъ причинъ. Ивановъ, необыкновенно способный, и рѣзвый мальчикъ, отличался пылкимъ темпераментомъ и удивительною подвижностью. Онъ имѣлъ доброе сердце, но легкомысленъ былъ до чрез-

вычайности. Все свободное время онъ проводилъ въ „удираніи“ въ лазаретъ, на музыку или гимнастику. Въ классѣ онъ занимался чтеніемъ романовъ или игрой въ шахматы и шашки, объ урокахъ почти не заботился и охотно приставалъ къ преподавателямъ съ остроумно-придуманными вопросами, на которые трудно было отвѣтить.

Карабановъ лѣнтяйничалъ по другой причинѣ. Онъ былъ очень хорошъ собой и мечталъ постоянно о побѣдахъ надъ женщинами. Возвратясь изъ отпуска, онъ разсказывалъ товарищамъ про свои необыкновенныя приключенія съ удивительными красавицами, про таинственныя свиданія и т. п. Знали, что онъ вретъ, но его разсказами заслушивались. Въ корпусѣ онъ занимался высматриваніемъ хорошенькихъ, перепиской стиховъ и тому подобнымъ. Уступая въ дарованіяхъ Иванову, Карабановъ, однако, не лишенъ былъ

способностей и могъ бы учиться весьма порядочно. Затѣмъ Юхновскій (или Ехидна) ничего не дѣлалъ, потому что все свое время тратилъ на изобрѣтеніе пакостей учителямъ и товарищамъ.

Третью категорію класса составлялъ рядъ хорошихъ учениковъ, къ которымъ относились Новицкій и Бѣликовъ. Къ нимъ примкнулъ и Вавиловъ. Они учились только потому, что ихъ заставляли учиться. Они не позволяли себѣ пренебрегать своими обязанностями, но къ урокамъ и вообще попеченіямъ начальства относились равнодушно.

Четвертая категорія состояла изъ отличныхъ учениковъ. Такихъ было немного. Во главѣ ихъ находились Толстобоковъ и Козловскій. Оба горѣли юношескимъ честолюбіемъ, столь охотно раздуваемымъ начальствомъ. Между ними шла упорная борьба изъ-за первенства. Графъ Толстобоковъ былъ превосходно приготовленъ и

въ совершенствѣ зналъ языки. Круглые двѣнадцать изъ французскаго и нѣмецкаго давали ему сильную поддержку. Козловскій, приземистый, коренастый блондинъ съ сѣро-бурой кожей на лицѣ, отличался неимовѣрнымъ упорствомъ въ достиженіи своихъ цѣлей. Въ способностяхъ онъ уступалъ графу, но въ упрямствѣ, прилежаніи и акуратности превосходилъ его вдесятеро. Козловскому, въ свою очередь, помогало то, что онъ съ перваго класса всегда шелъ первымъ.

Кромѣ того, въ классѣ много было народу. Одни, какъ Скарятинъ, зубрили и едва-едва тащились. Другіе учились сносно. Между ними рѣзко выдѣлялся Астаховъ, котораго нельзя было отнести ни къ какой категоріи, и который постепенно перебывалъ въ каждой. Ему было лѣтъ пятнадцать. Онъ принадлежалъ къ аристократическому семейству, сохранившему остатки своего состоянія, и попалъ сюда слу-

чайно: онъ былъ записанъ въ пажескій корпусъ. Среди прочихъ воспитанниковъ Астаховъ отличался утонченностью манеръ, чрезвычайной сдержанностью и вѣжливостью. Одѣвался онъ всегда въ собственное платье. У него было прекрасное, умное лицо съ большими темными глазами; онъ былъ бѣлокуръ, и это еще болѣе красило его. Онъ зналъ языки не хуже Толстобокова, но пренебрегалъ ими. Имѣя огромную память, онъ изумлялъ преподавателей своими успѣхами, когда хотѣлъ заниматься; но это скоро надоѣдало ему, онъ бросалъ учебники и попадалъ въ число „неудовлетворительныхъ". Впрочемъ, подолгу онъ не лѣнился и вновь поднимался до „очень хорошихъ" или „отличныхъ". Астаховъ былъ добръ, но эта доброта высказывалась только по отношенію къ его друзьямъ, которыхъ было весьма мало. Его вообще считали отъявленнымъ эгоистомъ. Онъ умѣлъ зло и вѣжливо посмѣяться надъ

товарищемъ и учителемъ, какъ бы впору было и взрослому. Онъ школьничалъ, но рѣдко, и тогда пускался на самыя отчаянныя штуки, въ которыхъ никогда не попадался. Онъ превосходно зналъ всѣ привычки и слабости корпуснаго начальства, которое жаловало его и довѣряло ему въ высшей степени.

Съ Вавиловымъ Астаховъ сошелся сразу. Ему понравился простодушно-откровенный видъ Льва, и онъ захотѣлъ взять новичка подъ свое покровительство. Съ обычной проницательностью, онъ скоро понялъ впечатлительную натуру Льва, умъ котораго едва начиналъ пробуждаться. Астаховъ вовсе не намѣревался развивать его: онъ самъ еще мало размышлялъ. Жилъ онъ въ корпусѣ, какъ жилось, а задумывался и присматривался лишь къ тому, что интересовало его и, главнымъ образомъ, было нужно для его благополучія.

V

Передъ приходомъ Смагина въ классѣ происходила суматоха. Воспитанникамъ не сидѣлось на мѣстѣ. Дежурный обметалъ каѳедру и чинилъ для черченія мѣлъ. Между тѣмъ Ивановъ и Карабановъ подставили доску къ огромной высокой изразцовой печкѣ. Доска, плохо укрѣпленная на стойкахъ, шаталась, и Карабановъ изо всѣхъ силъ держалъ ее. Ивановъ всталъ на доску, вытянулся во весь ростъ, хватаясь за поверхность печки, и уцѣпился концами пальцевъ за карнизъ. Затѣмъ онъ притянулся на рукахъ и ловко вскарабкался на верхушку печки, которая представляла довольно широкую и помѣстительную площадку. Несмотря на двухсаженную высоту печки, на ней можно было стоять во весь ростъ, не касаясь головой потолка. Корпусъ былъ выстроенъ въ екатерининскія времена и

представлялъ монументальное зданіе, выведенное на славу, безъ узкихъ финансовыхъ соображеній новѣйшихъ архитекторовъ.

— Эй, вы, на печу? крикнулъ Новицкій, вскакивая съ мѣста:—и я съ вами.

— Проваливай, не надо, отвѣчалъ Карамановъ, отправляясь по тому же воздушному пути.

— Вѣдь мѣста хватитъ! убѣдительно сказалъ Новицкій и полѣзъ за Карамановымъ.

— Опять тебя судороги сведутъ. Вѣдь ты настоящая баба! возражалъ сверху Ивановъ.

— Ей Богу, не сведутъ.

— Выдашь ты насъ головой. Убирайся ужъ лучше въ лазаретъ.

— Въ лазаретъ идемъ мы со Скарятинымъ! объявилъ Юхновскій:—господа, на вязываться еще—это свинство! Итакъ воспитатель, пожалуй, не пуститъ.

Новицкій въ это время успѣлъ ухватиться за карнизъ и повисъ на рукахъ. У него недостало силъ притянуться, и онъ жалобно глядѣлъ вверхъ.

— Ну, чортъ съ тобой! сказалъ Ивановъ, подхватывая и втаскивая его на печь.

Весь классъ съ живымъ любопытствомъ слѣдилъ за опаснымъ воздушнымъ путешествіемъ. Однако какъ ни трудно было взлѣзть на печь, высидѣть тамъ цѣлый часъ считалось еще труднѣй. Съ Новицкимъ иногда случались отъ напряженія судороги. Онъ былъ нѣжнаго сложенія и очень нервенъ. Товарищи знали его недугъ и изъ собственной безопасности всячески препятствовали ему забираться на печь. Но Новицкій предпочиталъ лучше вытерпѣть добровольную пытку, чѣмъ выслушать потокъ яростной брани и получить единицу.

— Вавиловъ, валяй и ты туда, къ нимъ. Вѣдь урока не знаешь, навѣрно плохо будетъ! сказалъ Астаховъ.

— Ты думаешь?.. Да тамъ нѣтъ мѣста: видишь, какъ они скорчились.

— Пустяки. Тамъ всегда сидитъ по четыре человѣка. Полѣзай скорѣй, я доску подержу.

— Кто тамъ еще хочетъ лѣзть? Тутъ повернуться негдѣ! закричалъ Ивановъ, высовывая голову и глядя на Астахова. Левъ колебался. Однако онъ приблизился къ доскѣ, которую Астаховъ живо придвинулъ къ печкѣ.

— Чего орешь, что за новости такія?

— Убирайся къ чорту, Лисъ!

— Ну, вы тамъ... тише! необыкновенно презрительно промолвилъ Астаховъ, не взглянувъ вверхъ:—лѣзь, Вавиловъ.

Левъ чувствовалъ себя смущеннымъ. Ему казалось непристойнымъ забираться отъ преподавателя на печь. Весь классъ не спускалъ съ него глазъ и любовался представлявшимся зрѣлищемъ. Левъ хотѣлъ уже наотрѣзъ отказаться отъ пред-

ложенія Астахова, но вдругъ у него мелькнула мысль, что если онъ откажется, товарищи поднимутъ его на смѣхъ и подумаютъ, что онъ не въ силахъ залѣзть туда. Онъ смѣрилъ взглядомъ высоту печки и доску. Путь наверхъ былъ не легокъ. Сзади крикнули:

— Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней!

Насмѣшка подстрекнула Льва; ему захотѣлось тотчасъ доказать, что онъ ловокъ и силенъ. Онъ прыгнулъ на доску, ухватился за карнизъ и мигомъ очутился между Ивановымъ и Новицкимъ. Тѣ вдругъ скорчились: въ залѣ зазвенѣли шпоры Смагина, и онъ съ шумомъ вошелъ въ классъ.

— Что задано? Китай, а чертить Азію? Дайте перо. Кого нѣтъ?

Дежурный отвѣтилъ:

— Вавилова, Иванова, Караванова, Новицкаго, Скарятина и Юхновскаго.

— Ото, скверные мальчишки, значитъ, баклуши бьютъ въ лазаретѣ?

— Да... въ лазаретѣ.

Смагинъ выставилъ „абсы“ (abs). Ивановъ тихо пробормоталъ:

— Ишь, хохолъ, замазалъ таки списокъ. Теперь Сычъ привяжется.

— Тсс! шепнулъ Новицкій.

Смагинъ подозрительно поднялъ голову. Онъ не слыхалъ ни малѣйшаго звука, но замѣтилъ особое значительное выраженіе на лицахъ воспитанниковъ, искоса поглядывавшихъ на печь, и сталъ доискиваться причины страннаго поведенія класса. Но это продолжалось недолго. Смагинъ вызвалъ нѣсколько человѣкъ чертить и Астахова отвѣчать. Остальные воспитанники тотчасъ успокоились и принялись за свои прерванныя занятія.

Астаховъ поморщился, услыхавъ свою фамилію, но дѣлать было нечего. Онъ молча закрылъ свой столъ, вышелъ къ

каѳедрѣ и сталъ ждать, пока „Ото“ покончитъ съ чертежами и велитъ ему отвѣчать.

— Начинайте, Астаховъ! сказалъ Смагинъ.

— Китай или Небесная имперія, какъ называютъ свое государство китайцы, принадлежитъ къ обширнѣйшимъ государствамъ въ свѣтѣ, заговорилъ Астаховъ ровнымъ, увѣреннымъ голосомъ, показавъ медленнымъ кругообразнымъ движеніемъ руки общія границы Китая на приставленной къ свободной доскѣ картонной картѣ.

Передъ географіей Астаховъ не заглядывалъ въ книгу. Припоминая изъ прошлой лекціи разсказъ самого Смагина о Китаѣ, Астаховъ создалъ изъ него бойкую импровизацію. Сначала Смагинъ внимательно слѣдилъ за отвѣтомъ, но, видя самоувѣренную осанку Астахова и слыша послѣдовательную, ясную рѣчь, онъ убѣдился, что воспитанникъ урокъ знаетъ, и

потерялъ нить разсказа. Къ тому же Смагина подкупило медленное кругообразное движеніе руки, которымъ Астаховъ сначала показалъ общія границы, а затѣмъ перечислилъ и вновь показалъ въ подробностяхъ границы Китая съ сѣвера, запада, юга и востока. Смагинъ самъ всегда продѣлывалъ все это и требовалъ того же отъ учениковъ. Онъ мало по малу замечтался подъ неторопливую, непрерывно лившуюся рѣчь Астахова. Смагинъ перевернулъ списокъ и въ задумчивости началъ рисовать перомъ на страницѣ отмѣтокъ о поведеніи учениковъ. Онъ набросалъ голову фантастическаго красавца съ длинными черными усами и широкополой шляпой. Потомъ на спискѣ явился горбоносый казацкій конь, вслѣдъ за которымъ обрисовалась изящная, стройная женская головка. Игривое воспоминаніе мелькнуло въ головѣ Смагина. Онъ улыбнулся и покрылъ головку широкими смѣлыми штрихами, изъ-подъ кото-

рыхъ она выглянула, какъ изъ-за рѣшетки. Тутъ Смагинъ посмотрѣлъ строго на Астахова, поймалъ два-три слова о военныхъ силахъ Китая, о которыхъ Астаховъ отозвался пренебрежительно, хотя и указалъ на ихъ многочисленность.—„Такъ, такъ!“ пробормоталъ одобрительно Смагинъ и погрузился въ прежнія мечтанія. Астаховъ съ лукавой усмѣшкой подмигнулъ товарищамъ и продолжалъ:

— Главный городъ имперіи, Пекинъ, лежитъ среди обширной пыльной сожженой солнцемъ равнины на рѣкѣ, на большой рѣкѣ. Городъ украшенъ множествомъ храмовъ и пагодъ самой оригинальной архитектуры. Въ немъ находятся представители всѣхъ національностей. Торговля здѣсь кипитъ безъ перерыва и днемъ, и ночью. Трехмилліонное населеніе китайской столицы не умѣщается на одной сушѣ. Оно тѣснится на плотахъ и джонкахъ, носящихся на голубыхъ волнахъ... Неприхот-

ливый китаецъ весь день трудится безъ устали, чтобы прокормить многочисленную семью, но труды его оплачиваются нищенски. Ежегодно въ столицѣ умираютъ десятки тысячъ бѣдняковъ, и ежегодно усиливается эмиграція въ сосѣднія государства. Колоніи китайцевъ завелись уже не только въ Японіи, но въ Африкѣ, Америкѣ, Европѣ. И всюду китайцы сохранили свои расовыя особенности.

Тутъ Астаховъ нѣсколькими чертами обрисовалъ сыновъ небесной имперіи и уже подумывалъ изложить свои собственныя размышленія объ изуродованныхъ ножкахъ прекрасныхъ китаянокъ, какъ Смагинъ сказалъ:

— Довольно. Садитесь, очень хорошо.

Онъ обмокнулъ перо и хотѣлъ было поставить двѣнадцать, но взглянулъ на классъ и замѣтилъ на лицахъ учениковъ оттѣнокъ какой-то торжествующей ироніи. Онъ слегка насупился и поставилъ одиннадцать.

Но тутъ у него мелькнула мысль, что онъ слышалъ не весь отвѣтъ Астахова, и если въ немъ были промахи, то и одиннадцати нельзя ставить: воспитанники смѣяться станутъ. Смагинъ вновь посмотрѣлъ на классъ и окончательно убѣдился въ своемъ предположеніи. Онъ переправилъ одиннадцать на десять и вызвалъ Толстобокова. Графъ радостно выскочилъ къ доскѣ и собрался уже блеснуть своими познаніями, какъ случилось нѣчто необычайное.

Услышавъ звонъ шпоръ Смагина, Левъ тоже пригнулся къ своимъ товарищамъ. Имъ было очень тѣсно. Площадка печки имѣла форму треугольника. Двумя сторонами она примыкала къ стѣнѣ, а по третьей сторонѣ шелъ карнизъ, за который цѣплялись взлѣзавшіе на печь. Этотъ карнизъ возвышался четверти на двѣ надъ площадкой и представлялъ надежную защиту отъ взоровъ преподавателя. Ни съ каѳедры, ни съ лавокъ нельзя было видѣть, что дѣла-

лось на печи. Но было въ классѣ одно мѣсто, съ котораго площадка представлялась открытою. Это мѣсто находилось въ самомъ дальнемъ отъ печки углу класса, около окна. Чтобы преподаватель не могъ, расхаживая по комнатѣ, случайно увидѣть отсюда скрывшихся на печи, куда лазили довольно часто, воспитанники заблаговременно загромождали роковой уголъ картами и столиками. То же самое было устроено и теперь.

Левъ скоро освоился со своимъ неудобнымъ положеніемъ. Сначала его очень безпокоили сапоги Иванова, упиравшіеся ему въ грудь, но онъ потѣснилъ Караванова и улегся посвободнѣй. Новицкій положилъ голову на руки и дремалъ. Ивановъ съ восторгомъ слушалъ бойкую чепуху, которую несъ Астаховъ. Блестя глазами, Ивановъ подталкивалъ Льва и шепталъ:

— Ишь, лупитъ, какъ на почтовыхъ. Ужъ полурока успѣлъ пропустить.

Левъ раздѣлялъ увлеченіе Иванова. Онъ былъ увѣренъ въ своемъ другѣ и зналъ, что тотъ всегда съумѣетъ выкрутиться изъ бѣды. Но вскорѣ ему надоѣло слушать Астахова, у него заныло плечо. Онъ переставилъ руку, но это мало помогло; мурашки пронизали его онѣмѣвшую ногу. Онъ попробовалъ потереть ее рукой, но это оказалось невозможнымъ. Льву пришло въ голову, что только онъ одинъ помѣстился такъ неудобно, а остальнымъ лежать очень хорошо. Онъ непріязненно посмотрѣлъ на Новицкаго, но разглядѣлъ его утомленное со стиснутыми зубами лицо и сообразилъ, что и ему приходилось плохо. Это его утѣшило. Затѣмъ Левъ забылъ на нѣкоторое время боль въ ногѣ и въ плечѣ. Ему стало скучно. Время тянулось необычайно медленно. Внизу классъ точно вымеръ. Льву представилось, что въ залѣ директоръ, что сейчасъ принесутъ справку изъ лазарета, и

окажется, что его, Вавилова, тамъ нѣтъ. Сердце его ёкнуло. Онъ приподнялся и попробовалъ заглянуть внизъ, но Карабановъ шепнулъ: „не возись!“—и онъ вновь покорно улегся на свое мѣсто. Прошло еще нѣсколько времени. Однообразіе его нарушилось только тѣмъ, что Ивановъ, которому захотѣлось ѣсть, досталъ изъ-подъ себя заплѣснѣвшую корку хлѣба и показалъ ее классу. Образцовъ понялъ безмолвную, но краснорѣчивую просьбу пріятеля и запустилъ на печь огромную краюху хлѣба, которая попала Караванову прямо въ голову. Ивановъ подѣлился съ нимъ добычей, и они мирно принялись за ѣду. Вдругъ Новицкій застоналъ. Лицо его поблѣднѣло и перекосилось отъ страданія. Онъ заметался и прошепталъ:—„охъ, сводитъ! охъ, не могу!“ Ивановъ переполошился.

— Тише, ты. Протяни хоть ноги. Говорилъ я, чортъ побери, съ нимъ только влопаешься!

Левъ прижался къ стѣнѣ. Новицкому очистили, сколько было возможно, мѣста. Карабановъ усердно теръ его рукой, гдѣ попало. Новицкій скрипѣлъ зубами. Классъ вмигъ догадался, что происходитъ наверху. Воспитанники стали отворять столы и шелестить тетрадками, чтобы заглушить подозрительный шумъ. Астаховъ, уже усѣвшійся на мѣсто, озабоченно поглядывалъ наверхъ. Съ переднихъ лавокъ торопили Толстобокова отвѣчать, но графъ все ждалъ, когда къ нему обратится Смагинъ. Въ комнатѣ пронесся явственный стонъ. „Сморгонцы“ захохотали. Смагинъ вскочилъ съ мѣста.

— Ото, скверные мальчишки, что это такое? Кто вздумалъ мяукать? Халюшевъ, ты чего оскалилъ зубы?

Стонъ повторился. На печкѣ послышалась усиленная возня. Этотъ необычайный шумъ, наконецъ, долетѣлъ до Смагина. Онъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ во всѣ

стороны, но ему и въ голову не приходило, что шумъ шелъ съ печки. Между тѣмъ скрывавшіеся тамъ совсѣмъ потеряли головы. Новицкаго схватила судорога. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы не кричать во все горло.

— Инспекторъ, инспекторъ, заговорили на лавкахъ:

— Василій Алексѣевичъ, господинъ инспекторъ васъ проситъ къ себѣ.

Смагинъ закрылъ списокъ и вышелъ изъ класса. Инспекторъ часто, подойдя къ двери, вызывалъ къ себѣ преподавателей. Едва только дверь за Смагинымъ затворилась, Новицкаго быстро спустили внизъ, на руки подскочившимъ воспитанникамъ. Его тотчасъ усадили на заднюю лавку, и онъ оправился.

Между тѣмъ Смагинъ встрѣтился въ залѣ съ инспекторомъ, которому показалось, что тотъ уже кончилъ урокъ, по своему обыкновенію, раньше сигнала. Инспек-

торъ дружески обнялъ Смагина, и они отправились въ учительскую. На пути Смагинъ сказалъ, что сейчасъ придетъ, и вернулся въ классъ. Тамъ онъ осмотрѣлъ чертежи, выставилъ отмѣтки и ушелъ.

Весь классъ вздохнулъ свободно.

VI

Скоро Левъ сжился съ корпусной жизнью. Если и бывали иногда невзгоды, онѣ скоро забывались. Но потомъ много лѣтъ спустя, когда Льву приходилось вспоминать о лучшемъ времени своей жизни, о дѣтствѣ и отрочествѣ, проведенномъ въ корпусѣ,—тихая грусть овладѣвала имъ. Ему не жаль было корпуса, но жаль того безмятежнаго, счастливаго времени, которое никогда не повторится и которое было такъ скупо и разсчетливо за него истрачено другими. Переживая въ воспоминаніяхъ свое дѣтство, Левъ ста-

рался отогнать все печальное и скорбное. Это удавалось ему. Гораздо шире и ярче возникали предъ нимъ картины игръ и шалостей, чѣмъ наказаній за нихъ. Что чаще воспоминалось, то уцѣлѣло въ памяти, а все остальное схлынуло прочь и забылось. Такимъ образомъ, Льву удалось искусственно передъ самимъ собою облечь свои дѣтскія воспоминанія въ болѣе мягкій и свѣтлый колоритъ.

Наступила зима. За ночь выпавшій снѣгъ покрылъ бѣлой пеленой темную облитую дождями землю. Солнце ярко сіяло въ синемъ небѣ, и послѣ обѣда воспитанниковъ повели гулять на плацъ.

Корпусъ стоялъ почти за городомъ. Лицевой стороной онъ выходилъ въ поле съ сосновой рощей впереди. Здѣсь, на лугу, предъ главнымъ подъѣздомъ игралъ и рѣзвился младшій возрастъ. Средній и старшій гуляли на двухъ тополевыхъ аллеяхъ позади корпуса. Эти аллеи перекрещивались

между собой. Одна изъ нихъ вела къ пруду и великолѣпному тѣнистому саду, куда, впрочемъ, не пускали воспитанниковъ. Другая примыкала къ огромному плацу, обнесенному каменными стѣнами. Этотъ плацъ главнымъ образомъ служилъ мѣстомъ игръ и прогулокъ средняго возраста. У старшаго также былъ свой плацъ: ровный зеленый лугъ, окаймленный аллеями и спускавшійся широкими уступами къ пруду. Мѣста было вволю, и мѣсто было очень красивое.

Воспитанники тотчасъ разбрелись по снѣгу и затѣяли катать шары. Эти шары, увеличиваясь отъ прилипавшаго къ нимъ снѣга, достигали огромныхъ размѣровъ. Цѣлая толпа едва катила такой шаръ, и онъ, вбирая талый снѣгъ, прохватывалъ снѣжный покровъ до земли, оставляя за собою черную полосу. Въ разныхъ мѣстахъ явились снѣговыя укрѣпленія. Нѣсколько снѣжковъ промелькнуло въ

воздухѣ, но настоящей схватки не начиналось.

Въ это время вниманіе воспитанниковъ привлекли шумные крики за аллеей. Оказалось, что Дудкинъ, Халюшевъ, Образцовъ и Крапоткинъ пробрались къ оврагу и здѣсь скатали исполинскій шаръ. Оврагъ этотъ шелъ внизъ къ пруду, и имѣлъ сажени три глубины и сажени четыре ширины. На одной сторонѣ его находилась кузница, а къ другой примыкалъ плацъ старшаго возраста. „Сморгонцы“ забрались въ мѣсто, неуказанное среднему возрасту: дежурный воспитатель ушелъ домой, и воспитанники разсыпались, гдѣ попало. Старшій возрастъ гулять не вышелъ, и на его плацу тоже усердно воздвигались шары. Нѣсколько человѣкъ изъ четвертаго класса подкатили свой шаръ къ оврагу съ противоположной „сморгонцамъ“ стороны. Образцовъ влѣпилъ въ одного изъ нихъ снѣжокъ. Между третьеклассниками и четве-

роклассниками началась перебранка, и съ обѣихъ сторонъ полетѣли снѣжки. На помощь своимъ подоспѣлъ Ивановъ, славившійся тѣмъ, что забрасывалъ снѣжокъ на крышу корпуса, имѣвшаго двѣнадцать саженъ высоты. На той сторонѣ собралось человѣкъ двадцать, а у кузницы всего было пятеро, но „сморгонцы“ дѣйствовали такъ дружно, что почти ни одинъ ихъ снѣжокъ не пропадалъ даромъ. Возгласы сражавшихся и были услышаны на плацу средняго возраста.

— Идемъ, Астаховъ, нашихъ бьютъ! воскликнулъ Левъ, устремляясь къ оврагу.

— Ну, эти постоятъ и сами за себя, отвѣчалъ Астаховъ, разглядѣвъ сражавшихся третьеклассниковъ. Однако, онъ бросился вслѣдъ за Вавиловымъ.

Къ кузницѣ подоспѣло еще нѣсколько человѣкъ, и силы противниковъ по численности сравнялись, но онѣ были не одинаковы по качеству. Изъ четвертаго

класса собралась все мелочь. Краса и гордость его, Усташевъ, съ цѣлой компаніей сподвижниковъ остался въ возрастѣ и „удралъ“ на музыку.

Графъ Толстобоковъ, раскраснѣвшись, какъ ракъ, работалъ не хуже другихъ въ первыхъ рядахъ. Съ него сбили шапку и насыпали за воротникъ снѣгу. У Халюшева припухъ глазъ, Дудкину посеребрили затылокъ.

Съ каждой стороны сразу вылетало по десяти, пятнадцати снѣжковъ. Они пронизывали воздухъ, хлопали въ спины и сбивали шапки. Среди кучи падавшихъ во всѣ стороны снѣжковъ прямо, какъ стрѣла, вылеталъ снѣжокъ Иванова и поражалъ противниковъ. Ивановъ билъ на выборъ. Враги пускали въ него сразу по цѣлой тучѣ снѣжковъ, чтобы онъ не могъ увернуться, и старались подшибить ему лицо, но это не удавалось. Смѣхъ, шумъ, торжествующіе крики оглашали плацъ.

— На приступъ, робя! На приступъ! Проберемъ ихъ, какъ слѣдуетъ! кричалъ Крапоткинъ.

— На приступъ, такъ на приступъ. Заготовляй снѣжки!

Третій классъ прекратилъ перестрѣлку и принялся поспѣшно лѣпить снѣжки про запасъ. Противная сторона ударила на вылазку. Человѣкъ десять спустилось въ оврагъ, но тутъ ихъ встрѣтилъ такой градъ снѣжковъ, что смѣльчаки тотчасъ убрались назадъ.

— Ну, робя, готово?

— Готово!

— Ура! Ура!

Третій классъ дружно бросился въ оврагъ и полѣзъ на противоположную сторону.

— Ура! кричалъ четвертый классъ, учащая стрѣльбу. Но атакующіе взобрались уже на непріятельскую позицію, и здѣсь закипѣлъ бой въ рукопашную.

Левъ въ какомъ-то опьяненіи, не раз-

бирая ничего впереди, вскочилъ на ту сторону. „Ура!“ гремѣло позади. „Ура!“ раздавалось впереди. Левъ, какъ въ чаду, видѣлъ, что предъ нимъ отступаютъ и бѣгутъ. Разгорѣвшись, онъ погнался за противниками, не оглядываясь и не размышляя, что дѣлается позади. Вдругъ предъ нимъ выросла грозная фигура Платонова.

— Ты куда?

Въ то же мгновеніе Платоновъ взмахнулъ огромнымъ тяжелымъ бѣлымъ шаромъ. Груда снѣга рухнула на голову Льва и сшибла его съ ногъ. У него потемнѣло въ глазахъ. Но тутъ сзади набѣжали третьеклассники и выручили Льва. Въ это время загремѣлъ барабанъ, означавшій окончаніе прогулки, и побѣдители, радостные, утомленные, отправились въ возрастъ вмѣстѣ съ побѣжденными, пересмѣиваясь и перебраниваясь дорогой и обѣщая на слѣдующій день задать другъ другу настоящую трепку.

Усташевъ вскипѣлъ, узнавъ о пораже-

ніи своего класса. Онъ собралъ совѣтъ и, послѣ непродолжительнаго безпорядочнаго засѣданія, прислалъ съ уполномоченнымъ торжественный вызовъ на бой въ снѣжки. Третій классъ, въ опьяненіи успѣха, тотчасъ согласился. Рѣшено было сойтись завтра на прежнемъ мѣстѣ во время послѣобѣденной прогулки. Графъ Толстобоковъ предложилъ товарищамъ немедленно составить планъ военныхъ дѣйствій. Графъ только что вызубрилъ разсказъ о куликовской битвѣ, и ему очень понравилась мысль о засадѣ. Къ его словамъ начали было прислушиваться, но Астаховъ крикнулъ:

—Вотъ дождь пойдетъ, снѣгъ за ночь и растаетъ.

Тутъ въ классъ вошелъ Сычевъ (вечернія занятія давно начались), и толки о предстоящей битвѣ утихли.

На другой день погода была пасмурная. Снѣгу намело на аршинъ, но дулъ теплый вѣтеръ, и сильно таяло. Густой ту-

манъ носился въ воздухѣ. Усташевъ во главѣ своего отряда радостно спѣшилъ на позицію. Онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ битвы и не безъ основанія полагалъ, что его отсутствіе главнымъ образомъ содѣйствовало вчерашней побѣдѣ третьяго класса. Усташевъ, сложенный богатырски, былъ на цѣлую голову выше всѣхъ въ классѣ. Онъ представлялъ исключительное явленіе въ корпусѣ: при необычайной физической силѣ, онъ обладалъ выдающимися способностями и былъ первымъ ученикомъ въ отдѣленіи. На своихъ товарищей Усташевъ имѣлъ большое вліяніе.

Несмотря на то, что противной стороной предводительствовалъ такой доблестный вождь, третій классъ приготовился дать сильный отпоръ. Оба класса состояли изъ воспитанниковъ почти одинаковой зрѣлости. Въ боевомъ отношеніи третьеклассники имѣли то преимущество, что среди нихъ образовался тѣсный кружокъ

изъ отчаянныхъ головъ, какъ напр., Дудкинъ, Ивановъ, Крапоткинъ, Образцовъ и Халюшевъ.

Едва только враги стали на мѣста, съ обѣихъ сторонъ засвистали снѣжки. Но перестрѣлка продолжалась недолго. Уставшевъ вознамѣрился быстрымъ и рѣшительнымъ ударомъ нанести полное пораженіе противнику.

— На приступъ, господа, на приступъ! скомандовалъ онъ.

— Ура! дружно закричалъ четвертый классъ и ринулся въ оврагъ.

Въ ожиданіи горячей атаки третій классъ пришелъ въ замѣшательство. Онъ оставался еще на мѣстахъ, но бездѣйствовалъ. Передніе ряды оглядывались на заднихъ, а задніе готовились отступить. Но ходъ битвы вдругъ измѣнился. Ночью особенно много намело снѣгу въ оврагъ. Когда четвертый классъ опрометчиво бросился туда, онъ встрѣтилъ почти непре-

одолимыя затрудненія къ движенію впередъ. Онъ засѣлъ по поясъ въ снѣгъ и употреблялъ всѣ силы, чтобы вскарабкаться вверхъ. Астаховъ понялъ безвыходное положеніе противника и закричалъ:

— Не взлѣзутъ, не взлѣзутъ! Валяй ихъ, господа!

Радостное воодушевленіе охватило третій классъ. Снѣжки цѣлой тучей посыпались въ оврагъ. Тамъ началось невообразимое смятеніе. Напрасно Усташевъ ободрялъ товарищей: они совсѣмъ пали духомъ. Однако Астаховъ ошибся, сказавъ, что враги не взлѣзутъ. Послѣ невѣроятныхъ усилій, Усташевъ взобрался съ нѣсколькими смѣльчаками наверхъ и врѣзался въ средину третьяго класса. Какъ левъ, крутился онъ въ толпѣ, поражая враговъ направо и налѣво; но силы были слишкомъ неравны, а четвертый классъ не поддержалъ своего храбраго предводителя. Его окружили со всѣхъ сторонъ и засы-

пали снѣжками. Послѣ короткой борьбы, Усташевъ убѣдился, что сопротивляться безполезно, и сдался въ плѣнъ. Битва прекратилась.

— Эхъ, вы, не выручили! сказалъ угрюмо Усташевъ однокласникамъ. Тѣ огрызнулись:

— Самъ виноватъ, все дѣло испортилъ. Не зная броду, не суйся въ воду.

Скоро стала зима. Начались морозы, пруды и рѣки замерзли. По приказанію директора, расчистили катокъ и исправили высокія деревянныя горы, съ которыхъ катались на санкахъ. Воспитанникамъ роздали казенные коньки. Они были самаго первобытнаго устройства, съ деревянными колодками и длинными загибающимися спиралью носками. Любители должны были заводить свои коньки. На катокъ воспитанники ходили по очередно, по возрастамъ, и очередной день считали праздникомъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней средній воз-

растъ отправился на катокъ. Воспитанники длиннымъ строемъ, позвякивая коньками, висѣвшими на ремняхъ, двинулись по тополевой аллеѣ къ пруду. Шаговъ за сто до него строй разсыпался: рьяные катальщики выскочили впередъ, стремглавъ бросились къ деревянной горѣ и принялись вытаскивать изнутри ея низенькія санки, которыя хранились тамъ, какъ въ сараѣ. Санки были узки, длинны и подшиты желѣзомъ. Лучшія изъ нихъ имѣли мѣтки и неизбѣжно попадали въ руки тѣхъ, кто прибѣгалъ раньше. На конькахъ въ корпусѣ катались мало, и рѣдко кто умѣлъ хорошо кататься. Притомъ конкобѣжцы не имѣли для своихъ упражненій достаточно мѣста. Прудъ былъ расчищенъ для катанья съ горъ: онъ былъ раздѣленъ снѣговыми насыпями на три узкія дорожки. По правой и лѣвой катались на санкахъ, а на средней—на конькахъ.

Тотчасъ вереница катальщиковъ заняла

лѣсенку, по которой лазали на гору. На верхней площадкѣ очутился Дудкинъ. Онъ выровнялъ сообразно бокамъ горы свои санки и подмигнулъ собравшейся внизу „публикѣ“. „Публика“ сама не каталась и не любила кататься. Она состояла изъ слабыхъ или болѣзненныхъ воспитанниковъ, которые не находили никакого удовольствія въ шумныхъ и утомительныхъ играхъ. „Публика“ была необыкновенно остра на языкъ и безошибочно опредѣляла степень искусства катальщиковъ.

— Скорѣй, Дудкинъ! кричали ждавшіе очереди.

— Успѣете!

Онъ ухватилъ санки руками за спинку, спустилъ ихъ на ледяной скатъ горы и, слегка прыгнувъ впередъ, улегся на нихъ бокомъ, вытянувъ неподвижно одну ногу въ видѣ руля. Санки, какъ стрѣла, слетѣли внизъ. Передъ „публикой“ мелькнула только длинная нога Дудкина, и

блеснули его оскаленные отъ удовольствія зубы.

— Важно! раздалось въ сторонѣ, но „публика“ презрительно фыркнула. Она замѣтила вдали узкую желтоватую полоску отъ замерзшей на льду лужи. На эту полоску наскочилъ Дудкинъ, не успѣвъ взять въ сторону. Санки его запрыгали по неровной поверхности, и когда миновали лужу, первоначальный разгонъ ихъ прекратился, и Дудкинъ уткнулся въ снѣгъ, далеко не доѣхавъ до противоположной горы. Сзади уже бойко неслись другіе катальщики, обогнувшіе лужу. Они быстро проскользнули мимо Дудкина и очутились у другой горы. А тамъ они въ одно мгновеніе втащили санки вверхъ и съ торжествомъ покатились назадъ.

Дождавшись очереди, Левъ уставилъ свои санки на площадкѣ. Яркое солнце заливало катокъ своимъ свѣтомъ. Плотный морозный воздухъ былъ неподвиженъ. Бѣ-

лые скаты береговъ пруда, бѣлыя деревья, запушенныя инеемъ, синее небо придавали особенную красоту зимней картинѣ.

Жмурясь отъ солнца, Левъ толкнулъ внизъ санки и на бѣгу вскочилъ на нихъ. Вѣтеръ засвисталъ у него въ ушахъ, передъ глазами побѣжали низкія стѣнки горы. Санки судорожно запрыгали по неровнымъ выбоинамъ у ея подножья и вынеслись на гладкую ледяную дорожку. Бѣгъ ихъ уменьшился, и Левъ понялъ, что скатился благополучно. Онъ осторожно пробовалъ ногой измѣнять направленіе движенія санокъ; это удалось ему. Впереди все ближе и ближе виднѣлись санки Бѣликова, сзади погромыхивалъ Усташевъ. Левъ взялъ въ сторону и быстро обогналъ Бѣликова; оглянувшись назадъ, онъ замѣтилъ, что Усташевъ нагоняетъ его. Тутъ пошла роковая желтая полоса, но Льву удалось миновать ее. Санки его ровно мчались къ противоположной горѣ, и когда онъ вторично

оглянулся, Усташевъ остался далеко позади: санки его опрокинулись, а самъ онъ отряхивалъ съ себя снѣгъ.

Измученные, раскраснѣвшіеся и радостные воспитанники медленно возвращались въ возрастъ послѣ катанья. И какъ не хотѣлось идти! Солнце садилось, прудъ искрился и горѣлъ подъ его красными лучами. Въ классѣ душно и сумрачно. Въ голову не лѣзутъ ни нѣмецкіе предлоги, ни славянскія спряженія глаголовъ, и самый урокъ яростнаго Ото или мстительнаго Святодухова представляется дѣломъ, нестоющимъ никакого вниманія.

Льву чрезвычайно понравилось катанье съ горъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ очереднаго дня и однимъ изъ первыхъ устремлялся къ горамъ. Однажды въ очередной день среднему возрасту, вмѣсто катка, приходилось отправляться въ баню. Не долго думая, Левъ „удралъ“ на катокъ Тутъ было мало народу. Катались

корпусные мальчишки, сыновья фельдшеровъ и каптенармусовъ, да нѣсколько приходящихъ воспитанниковъ разныхъ классовъ. Левъ выбралъ себѣ лучшія сани и скатывался всякій разъ особенно удачно, но катанье потеряло для него свою цѣну. У подножья высокой и длинной горы не было насмѣшливой голосистой „публики". Прудъ представлялся молчаливымъ и пустымъ. И на душѣ у Льва было неспокойно. Ему казалось, что его сейчасъ поймаютъ и „вздуютъ" (накажутъ) за удиранье. Онъ бросилъ санки и отправился въ возрастъ. У цейхгауза вдругъ онъ наткнулся на воспитателя четвертаго класса, Разумовскаго. Это былъ высокій худощавый человѣкъ съ хитрымъ лицомъ и длинными бакенбардами, за которыя его звали Козломъ. Разумовскій остановился и спросилъ:

— Откуда это вы, Вавиловъ?

— Съ плаца, отвѣчалъ въ смущеніи Левъ.

— Гм! съ плаца? Ваше отдѣленіе строится въ баню, идите скорѣе въ возрастъ.

Левъ мигомъ взлетѣлъ по лѣстницѣ. Классъ двигался ему на встрѣчу. Левъ замѣшался въ ряды и безъ шапки, и безъ бѣлья, прибѣжалъ въ баню.

— Я полагаю, Козелъ не скажетъ Сычу; Астаховъ, какъ ты думаешь? спросилъ его Левъ, расположившись съ шайкой воды на обычномъ мѣстѣ.

Астаховъ расхохотался.

— Непремѣнно скажетъ и навретъ еще на тебя. Самое меньшее, если ты угодишь подъ арестъ.

Левъ разозлился.

— Ну, а что же не самое меньшее?

— Безъ отпуска недѣль на шесть, да баллъ скатятъ изъ поведенія.

И въ банѣ Льву не удалось прогнать тревожныхъ мыслей. А здѣсь было особенно весело: пѣли „Дубинушку“, пѣли „Ѳеню“, въ которой насчитывалось сто куплетовъ,

съ описаніемъ удивительныхъ похожденій сей легкомысленной дѣвицы. Юхновскій давалъ блистательное представленіе и въ заключеніе подражалъ реву слона. Подражаніе было настолько удачно, что даже тугоухій Сычевъ послалъ узнать, кто виновникъ необыкновеннаго гама. Впрочемъ удовлетворить свою любознательность ему не пришлось.

Левъ небрежно окатился раза три теплой водой и пошелъ одѣваться. У выхода его замѣтилъ Сычевъ, прогуливавшійся по тополевой аллеѣ, и подозвалъ къ себѣ.

— Гдѣ это вы были, Вавиловъ? Васъ встрѣтилъ на лѣстницѣ Константинъ Павловичъ.

— Я удиралъ на катокъ.

— На катокъ?!. Я обязанъ доложить объ этомъ директору. Что это вамъ такъ вздумалось?

— Такъ.

— Гм! можете идти.

На другой день, послѣ второй лекціи, когда директоръ совершалъ обходъ корпуса, Сычевъ объявилъ Льву, чтобы онъ послѣ классовъ отправился на сутки подъ арестъ. Это приказаніе ошеломило Льва. Хотя Астаховъ привелъ ему много примѣровъ, въ которыхъ за удираніе изъ возраста виновныхъ сажали подъ арестъ, но Левъ еще на что-то надѣялся. Онъ разсчитывалъ, что къ нему отнесутся болѣе снисходительно, какъ къ новичку и хорошему ученику. Однако дѣлать было нечего. Когда воспитанники начали строиться къ обѣду, онъ накинулъ на себя шинель и отправился въ „клубъ". Здѣсь въ темномъ проходѣ дядька отперъ таинственную дверь, на которую Левъ глядѣлъ всегда съ такимъ любопытствомъ. Узкая лѣстница вела отсюда внизъ, во второй этажъ башни. Здѣсь было устроено шесть отдѣленій; каждое запиралось на ключъ. „Клубный" сторожъ, ворчливый, но доб-

родушный николаевскій солдатъ, принесъ въ оловянной мискѣ щей и нѣсколько ломтей чернаго хлѣба. Левъ наотрѣзъ отказался отъ скуднаго обѣда и, угрюмо завернувшись въ шинель, приткнулся на лавку. Сторожъ взялъ миску, заперъ въ коморкѣ дверь. Затѣмъ его тяжелые шаги послышались на лѣстницѣ, наверху хлопнула дверь, и все стихло.

Мрачныя мысли овладѣли Львомъ. Ему казалось, что съ нимъ поступили слишкомъ сурово, потому что это былъ его первый важный проступокъ.

— И непремѣнно понадобилось проклятому Сычу докладывать директору! Могъ бы вздуть самъ. Карабановъ вотъ удралъ въ отпускъ безъ билета, и его тоже только на сутки посадили. Значитъ, наши вины одинаковы: онъ удралъ на цѣлый день въ городъ, а я—на полчаса на плацъ. Эхъ, свинство!

Тутъ сквозь толстыя стѣны донеслось

пѣніе молитвы изъ столовой. Левъ вздохнулъ и подумалъ:

— Вотъ тоже голодомъ морятъ. За одинъ проступокъ два наказанія: и въ карцеръ, и безъ обѣда. Черти, сажали бы передъ уроками, а то къ тому же послѣ лекцій. Ну, ужъ хорошо, поганый Козелъ" я тебѣ это припомню!..

Изливъ свой гнѣвъ на начальство, Левъ сталъ думать о родныхъ. Озлобленіе его смѣнилось тихой тоской. Онъ считалъ себя выброшеннымъ изъ семьи, и ему казалось, что его поспѣшили сбыть съ рукъ, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ него.

— И что сдѣлалъ я имъ? Вотъ Сергѣя отдали въ пятый классъ. Онъ самъ захотѣлъ поступить въ корпусъ. А меня никто ни о чемъ не спрашивалъ: прямо взяли и свезли, какъ теленка. Нѣтъ, я убѣгу, плюну на все, пусть дѣлаютъ, что хотятъ.

Тутъ Левъ приподнялся и сталъ осматривать свое помѣщеніе. Оно состояло изъ

крохотной комнатки съ бойницей въ толстой стѣнѣ. Комнатка была выкрашена въ желтую краску и имѣла унылый видъ. Въ углу висѣлъ огромный древній образъ, напоминавшій своимъ видомъ о суетѣ всего мірскаго. Въ коморкѣ находились деревянная лавка, столъ и двѣ табуретки. Всѣ эти вещи были окованы желѣзомъ и крѣпко прибиты къ полу. Въ двери было прорѣзано отверстіе въ формѣ сердца. Черезъ это отверстіе можно было наблюдать за заключенными. Хотя арестованнымъ строго запрещалось оставлять знаки своего пребыванія въ карцерѣ, и хотя стѣны его очень часто покрывались свѣжей краской, онѣ были всегда испещрены надписями. Большинство изъ нихъ было кратко и лаконично, напримѣръ: „Здѣсь сидѣлъ 11-го января 1871 года за придирки Пѣхи (инспектора) Лохвицкій“. Или: „Всѣ свиньи, кромѣ меня. Платоновъ“. Нѣкоторыя надписи попадались по нѣскольку

разъ, но съ разными числами: это была скорбная лѣтопись кандидата въ „Сморгоновскую академію“.

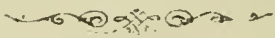
Левъ скоро убѣдился, что при всемъ желаніи, нѣтъ возможности выбраться изъ карцера. Онъ попробовалъ прочность замка у двери, заглянулъ въ бойницу: до земли было очень далеко. Тогда Левъ принялся разбирать надписи. Это успокоило и развлекло его.

Особенно заинтересовала его поэма „Монголка“, выцарапанная на лавкѣ. Въ ней воспѣвалась нѣкая корпусная дѣвица, покорившая сердце украинскаго казака. Авторъ поэмы описывалъ Монголку съ суровымъ реализмомъ. Она была коренаста, сильна и отличалась рѣшительнымъ характеромъ. Пока украинскій казакъ, нѣжный, идеальный юноша, но съ гордымъ и смѣлымъ сердцемъ (онъ же оказывался подъ конецъ и авторомъ поэмы) слагалъ стихи въ честь босоногой дѣвицы, она

встрѣтила писаря Полячка и обрѣла съ нимъ счатье. Поэма оканчивалась кровавыми угрозами счастливому сопернику.

Льву не понравилась поэма. Онъ не признавалъ никакихъ нѣжностей по отношенію къ женскому полу.

Вечеромъ явился сторожъ, чтобы приготовить постель. Левъ тотчасъ раздѣлся, закутался въ одѣяло и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Утромъ за нимъ явился дежурный воспитанникъ, и Льву пришлось отправиться на уроки. Такимъ образомъ срокъ ареста сократился. Левъ вышелъ изъ карцера съ радостнымъ чувствомъ человѣка, окончившаго тяжелый, никому не нужный трудъ. И потомъ, когда ему случилось еще нѣсколько разъ сидѣть подъ арестомъ и вспоминать о безцѣльно истраченномъ тамъ времени, ему становилось досадно, и онъ старался отогнать непріятное воспоминаніе.



VII.

Быстро и незамѣтно проходилъ въ корпусѣ день за днемъ. Промелькнуло Рождество, Пасха. Приблизились экзамены, и наступила весна, ранняя, сладкая и раздражающая. Острый тяжелый запахъ талой земли разлился въ суровомъ величавомъ зданіи корпуса. Въ огромныя окна ворвались горячіе лучи весенняго солнца и задумчивый шепотъ распускающихся деревьевъ. Снѣгъ стаялъ зеленая молодая травка бойко пробивалась между пожелтѣлыми стебельками прошлогодней.

Первый экзаменъ былъ изъ ариѳметики. Въ назначенный день классъ принялъ необыкновенно торжественный видъ. Каѳедру съ шумомъ и криками вынесли, а на ея мѣсто поставили длинный столъ, принесенный изъ столовой. Его накрыли краснымъ сукномъ, на которомъ заблестѣла дорогая бронзовая чернильница и кра-

сивыя щегольскія ручки. Всѣ, кто имѣлъ изящный перочинный ножикъ, особенно замысловатую готовальню, отборную почтовую бумагу, карандаши, перья, треугольники—всѣ несли на столъ свои вещи, и здѣсь подъ руководствомъ знатоковъ (первый среди нихъ былъ Скарятинъ) онѣ раскладывались въ живописномъ порядкѣ. Это дѣлалось для того, чтобы умилостивить, по убѣжденію воспитанниковъ, экзаменаторовъ.

Толстый подполковникъ Рудинъ отдуваясь, пыхтя и отирая лицо клѣтчатымъ платкомъ, вошелъ въ классъ со своимъ ассистентомъ, артиллерійскимъ капитаномъ Флейгеромъ. По его жирному скуластому лицу скользила самодовольная усмѣшка. Черные глаза хмуро блестѣли. Темные волосы его были взъерошены.

Экзаменаторы грузно усѣлись въ кресла. Наступила томительная тишина. Флейгеръ ломаясь произнесъ:

— Ну, посмотримъ, посмотримъ, какъ вы приготовились. Вамъ угодно вызывать, Николай Петровичъ?

Рудинъ замахалъ короткими руками Флейгеръ взялъ списокъ.

— Астаховъ, Бѣликовъ, Вавиловъ.

Вызванные размѣстились около досокъ и занялись просмотромъ своихъ билетовъ.

— А что, Николай Петровичъ, не вызвать ли намъ еще кого. Скорѣй дѣло пойдетъ, а?

— Ну, ну, пусть.

— Вихровскій, пожалуйте сюда.

Маленькій бойкій худенькій кадетъ, недовѣрчиво косясь на Шлейгера, подошелъ къ столу. Вихровскій считался отчаяннымъ школьникомъ и никогда ничего не дѣлалъ.

— Не угодно ли вамъ объяснить, что такое дробь?

Вихровскій объяснилъ, что такое дробь. Шлейгеръ поморщился.

— Ну, а именованное число?

Вихровскій молчалъ.

— Вы, напримѣръ, господинъ Вихровскій. именованное число или нѣтъ?

— Именованное, подсказали сзади: два пуда мяса.

— Нѣтъ, не именованное.

— Ну, а я именованное? продолжая ломаться, спросилъ Шлейгеръ.

— И вы...

— Что и я?

Въ классѣ послышалось хихиканіе.

— Позвольте мнѣ отвѣчать по билету у доски, рѣзко произнесъ Вихровскій.

Шлейгеръ нахмурился.

— Гм! вы отказываетесь, значитъ, вы отказываетесь. Какъ вамъ угодно. Господинъ Астаховъ, приготовились?

— Такъ точно.

— Потрудитесь отвѣчать.

Астаховъ самоувѣренно и смѣло началъ читать билетъ. Затѣмъ онъ взялъ мѣлъ и,

постукивая имъ въ доску, пошелъ „чесать“, по корпусному выраженію. Шлейгеръ прищурилъ глаза и молча слушалъ. Рудинъ возился съ очками, надѣвая, вновь снимая и протирая ихъ платкомъ.

Льву попался легкій билетъ, но онъ съ безпокойствомъ ждалъ своей очереди. Шлейгеръ своимъ ломаніемъ и усмѣшкой смущалъ его.

Астаховъ получилъ одинадцать. На его мѣсто у доски сталъ Вихровскій. Бѣликовъ началъ отвѣчать. Онъ тоже получилъ хорошій баллъ. Шлейгеръ вызвалъ Ивана Кисетова.

Онъ былъ невысокій плотный мальчикъ со спокойнымъ, добрымъ, привѣтливымъ лицомъ. Русые волосы его были такъ коротко острижены, что кожа на головѣ лоснилась сквозь нихъ. Голубые глаза его безъ всякаго смущенія устремились на Шлейгера. Тотъ сдѣлалъ недовольную мину. Тѣнь прошла по лицу Кисетова. Вздох-

нувъ онъ взялъ билетъ и отошелъ въ сторону.

— Позвольте, номеръ какой у васъ? сухо спросилъ Шлейгеръ. Кисетовъ кротко проговорилъ:

— Двадцать третій.

Шлейгеръ отвернулся.

Кисетовъ вновь вздохнулъ. Онъ хорошо зналъ, что экзаменаторы по одному взгляду или чувствуютъ расположеніе къ вызванному, или тотчасъ начинаютъ ненавидѣть его. Онъ чувствовалъ, Шлейгеръ именно возненавидѣлъ его, и втайнѣ сокрушался.

— Что сдѣлалъ я ему? Чего это онъ? Ишь, собака.

Левъ получилъ десять и съ огромной радостью въ душѣ поспѣшилъ на свое мѣсто. Астаховъ привѣтствовалъ его дружескимъ взглядомъ: отдѣлались, братъ.

— Господинъ Вихровскій, что же вы молчите? раздался металлическій голосъ

Шлейгера. Тутъ только Левъ понялъ, что тяжелая чаша испытанія, минувшая его, далеко не минула для большей части его товарищей.

— Николай Петровичъ, что-жъ это онъ? спросилъ Рудина Шлейгеръ, поднимая брови.

— Ну, ну, какой цортъ пустой, задачу, дайте ему задачу.

— Попробуемъ задачу.

Но Вихровскій сплоховалъ и тутъ.

— Садитесь, безъ жалости произнесъ Шлейгеръ. Мертвая тишина воцарилась въ классѣ. По всѣмъ лавкамъ пронеслась тихая, какъ дыханіе, фраза:

— Срѣзался, выгонятъ.

Левъ никогда не могъ забыть этой минуты. Сначала онъ никакъ не могъ понять, что тутъ такого, что Вихровскій срѣзался, и за что его выгонятъ. Астаховъ объяснилъ ему, что у него дурной баллъ изъ поведенія, и что онъ оставался уже

на годъ. Въ корпусѣ не позволялось оставаться два раза.

Вихровскій, блѣдный, но съ презрительнымъ видомъ, сѣлъ на свое мѣсто.

Кисетовъ негромко прочелъ свой билетъ. Шлейгеръ уставился на него и почти шепотомъ сказалъ:

— Какъ вы полагаете, можно понять, что вы тамъ бормочете или нѣтъ?

— Я повторю.

— Нѣтъ-съ, тутъ нечего повторять, вы здѣсь не одни. Вотъ ежели вы графчикомъ или князькомъ были и имѣли бы своихъ лично преподавателей, тогда другое дѣло. Могли прохлаждаться сколько угодно. Разскажите что вамъ извѣстно о признакахъ дѣлимости чиселъ.

Кисетовъ началъ объяснять. Шлейгеръ слушалъ его съ разсѣяннымъ скучающимъ видомъ, постукивая толстымъ краснымъ карандашемъ по столу. Этотъ стукъ и карандашъ неимовѣрно смуща-

ли Кисетова. Онъ покраснѣлъ отъ напряженія.

— Провалитъ, непремѣнно провалитъ, послышались сзади.

Зловѣщій шепотъ окончательно сковалъ языкъ Кисетова. Шлейгеръ вскинулъ на него удивленные глаза.

— И только? Ну, немного однако-же вы знаете. И этотъ во всемъ такъ? Да вы ужъ скажите напрямки, что тамъ канитель тянуть.

— Я готовился, пролепеталъ Кисетовъ. Слезы у него блеснули на глазахъ.

— Вижу, вижу, какъ готовились. Что такое наименьшее кратное?

— Это число, число...

Кисетовъ твердо зналъ свой билетъ и теперь удивлялся и негодовалъ на себя, что сбивается.

— Это число, которое вы получите. Полагаю спрашивать больше его нечего, обратился онъ къ Рудину. Тотъ закивалъ головой.

Астаховъ громко воскликнулъ (другіе тотчасъ поддержали его):

— Владиміръ Николаевичъ, онъ уже оставался.

— А мнѣ какое дѣло, съ разстановкой произнесъ Шлейгеръ, пожимая плечами. Грудь Кисетова заколыхалась. Рыданія подступили къ горлу.

— Придираетесь вы, проговорилъ онъ и пошелъ прочь. Въ залѣ прогремѣлъ барабанъ. Наступила большая перемѣна (другихъ перемѣнъ во время экзаменовъ не было). Воспитанники потянулись къ выходу.

Послѣ завтрака экзаменъ продолжался прежнимъ порядкомъ.

Не выдержало еще человѣка три, но они могли расчитывать на переэкзаменовку.

И затѣмъ экзамены потянулись одинъ за другимъ. Льву показалось, что наступило какое-то необычайное смутное время. Онъ терялся, забывалъ о себѣ. Подго-

товки, экзамены, подготовки, экзамены не выходили у него изъ головы. Внѣ ихъ онъ не замѣчалъ ничего. Точно могучій потокъ подхватилъ его и мчалъ впередъ, впередъ.

Все свободное время воспитанники проводили на дворѣ. Чистый загородный воздухъ благотворно повліялъ на ихъ здоровье. Они окрѣпли и загорѣли. Шумныя игры закипѣли на плацу. Играли въ лапту, въ свайку, въ чижика, въ бары. Послѣдняя игра была французская и неизвѣстно когда и какъ привилась въ корпусѣ. Играть же въ бары было очень удобно: плацъ средняго возраста былъ величиной чуть не съ цѣлый уѣздъ какого нибудь нѣмецкаго королевства.

Горячка экзаменовъ однако не слишкомъ сильно потрясла Льва. Онъ не увлекался науками (этимъ никто и никогда не увлекался въ корпусѣ) и не гнался за отмѣтками. Въ теченіи года онъ учился хорошо, и экзамены сошли для него благополучно.

Кончились лѣтнія каникулы. Почти всѣ воспитанники проводили ихъ дома. Въ лагерь уходили только тѣ, которымъ некуда было ѣхать.

Носились слухи, что корпусъ (это названіе по старой памяти сохранилось за-нимъ) преобразуютъ въ настоящій корпусъ въ четыре роты, съ одними военными воспитателями, строгими строевыми занятіями, обязательными лагерями; но пока оставалось все по старому.

На другой день послѣ прибытія изъ отпуска воспитанники были собраны въ столовой залѣ. Здѣсь присутствовали директоръ, инспекторъ и всѣ воспитатели. Священникъ отслужилъ молебенъ. Директоръ сказалъ рѣчь, въ которой выразилъ надежду что воспитанники будутъ прилежно учиться, хорошо вести себя во всемъ слушаться начальства. Послѣ этого инспекторъ выступилъ впередъ и началъ по очереди вызывать тѣхъ, кто заслужилъ „награду". Награда заклю-

чалась въ собраніяхъ сочиненій Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Карамзина. Воспитанники насмѣшливо поглядывали на своихъ товарищей, обремененныхъ красиво переплетенными томами.

Послѣ раздачи наградъ инспекторъ провозгласилъ:

— Переводятся изъ шестаго класса въ седьмой: Абамеликовъ, Башиловъ, Бубновъ... Названные выходили одинъ за другимъ изъ рядовъ своего отдѣленія и становились поодаль. Прошлогодняго седьмаго класса въ залѣ не было: онъ кончилъ курсъ и былъ распущенъ до перваго сентября. Къ этому времени выпускные должны были явиться прямо въ военныя училища.

Когда составъ новаго седьмаго класса былъ перечисленъ, воспитатель скомандовалъ: „направо, шагомъ маршъ“ и увелъ его въ возрастъ.

Инспекторъ сталъ читать, кто переходитъ изъ пятаго въ шестой классъ.

Зала понемногу пустѣла. Дошла очередь до третьяго класса втораго отдѣленія. Левъ услышалъ свою фамилію и смущаясь, и радуясь пошелъ къ Астахову и Бѣликову, которыхъ Сычевъ отвелъ въ сторону. Сюда перешли: Горновскій, Дудкинъ, Новицкій и, какъ показалось Льву, перейдутъ всѣ остальные. На мѣстѣ третьяго класса осталось три человѣка, потомъ два, потомъ одинъ. Его фамилія была пропущена инспекторомъ. Воспитанникъ стоялъ, угрюмо понурившись, мучаясь и страдая отъ стыда перекрестными взорами товарищей и начальства.

— Кисетовъ, пожалуйте сюда.

Воспитанникъ поднялъ голову и съ равнодушнымъ тупымъ видомъ отошелъ къ колоннѣ, гдѣ находилось еще человѣкъ пять разныхъ классовъ.

— Отчего онъ не съ нами, зачѣмъ онъ тамъ? спросилъ Левъ Бѣликова.

— Выгнали, этихъ въ прогимназію, серьезно отвѣтилъ тотъ.

Глубокая жалость охватила душу Льва. Ему казалось, что для Кисетова все въ жизни потеряно.

— Неужели, думалъ онъ: нельзя было дать ему переэкзаменовку? Какъ же это: все былъ, былъ съ нами, а теперь его выгоняютъ?

И въ эту минуту онъ страдалъ и мучился за Кисетова больше, чѣмъ тотъ самъ за себя.

Сычевъ привелъ свое отдѣленіе въ средній возрастъ. Тамъ у столика копался въ вещахъ худенькій маленькій мальчикъ въ сѣромъ непривычно рѣзавшемъ кадетскій глазъ пиджачкѣ.

— Вихровскій, крикнули изъ рядовъ.

Левъ присмотрѣлся. Да, дѣйствительно это былъ Вихровскій; но какъ онъ измѣнился, съежился, затихъ.

— Уѣзжаешь? спросили его.

— Уѣзжаю. Въ реальное училище поступлю.

Вскорѣ въ возрастъ явился Кисетовъ. Его окружили, высказывая ему сожалѣніе. Онъ отмалчивался, но не выдержавъ, сурово пробормоталъ:

— Раньше васъ офицеромъ буду.

Это замѣчаніе вызвало шутки и смѣхъ.

Тяжесть разлуки была облегчена.

Выгнаные и переведенные въ прогимназію уѣхали изъ корпуса на другой день. Обычная школьно-трудовая жизнь вступила въ свои права. Пошли уроки, репетиціи, праздники, царскіе дни—словомъ все, все по старому.

Первые годы Льва въ корпусѣ представлялись ему потомъ чѣмъ-то смутнымъ и неопредѣленнымъ. Точно все это время онъ находился въ туманѣ среди шума, крика, безпрерывно смѣняющихся уроковъ и рѣзкаго грохота барабана. Только отдѣльные яркіе клочки воспоминаній сохранились въ памяти и сохранились только потому, что были отрадны.

VIII.

Черезъ два года послѣ поступленія въ корпусъ, Левъ перешелъ въ старшій возрастъ. Оба отдѣленія пятаго класса соединили въ одно, причемъ воспитателемъ остался по прежнему Сычевъ. Воспитанники перваго отдѣленія сначала держались особо, но скоро оба отдѣленія свыклись, и корпусная жизнь ихъ потекла обычнымъ порядкомъ. Переходъ въ пятый классъ ознаменовался только торжественной лекціей физики, которая была новымъ предметомъ въ программѣ классныхъ занятій. Преподаватель физики;—маленькій, безпокойный тучный человѣкъ, съ огромной взъерошенной головой, чрезвычайно похожей на крупную рѣдьку, посаженную острымъ концомъ внизъ, явился въ первый разъ въ классъ съ важнымъ, задумчивымъ видомъ. Воспитанники съ любопытствомъ осматривали его грязный си-

ній фракъ съ золочеными пуговицами, рыжіе сапоги и запачканные мѣломъ штаны. Воспитанники знали наперечетъ всѣхъ учителей въ корпусѣ и теперь провѣряли слышанные въ разное время разсказы о „Чушкѣ"—такъ прозвали въ корпусѣ физика, настоящее имя котораго было Иванъ Михайловичъ Раковъ.

Усѣвшись на каѳедру, Раковъ погладилъ свою клинообразную рыженькую бородку, поправилъ золотые очки и сказалъ:

— Господа, я буду излагать вамъ великую и необъятную науку. Она нужна пахарю, нужна придворному, артисту и художнику. Это единственная наука будущаго, которая поглотитъ всѣ другія науки и составитъ лучезарный вѣнецъ просвѣтленному человѣчеству... Эта наука—физика.

Мы видимъ вокругъ себя вселенную (онъ посмотрѣлъ по сторонамъ, и воспитанники тоже посмотрѣли по сторонамъ;

но, увидѣвъ, вмѣсто вселенной, голыя стѣны класса, вновь обратили взоры на вдохновеннаго преподавателя)—да, мы видимъ вселенную и уничтожаемся, созерцая ея необъятность. А между тѣмъ всѣ эти милліоны и билліоны миль разстояній между небесными свѣтилами, быть можетъ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что скрыто отъ нашихъ взоровъ. Солнце въ милліоны разъ больше земли, на которой тысячи милліоновъ жителей. Вокругъ солнца двигаются планеты, между которыми земля по величинѣ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ, а между тѣмъ наше могучее колоссальное солнце со всѣми своими спутниками — ничтожнѣйшая часть мірозданія. Извѣстно, что солнечная система въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій безпрерывно движется впередъ... Но когда и гдѣ остановится это движеніе? Умъ человѣческій не въ силахъ разрѣшить эти вопросы!

Можемъ ли мы однако сказать, что вообще знаемъ истинную величину представляющихся намъ предметовъ? Нѣтъ, мы не знаемъ и не можемъ знать. Допустимъ, что весь видимый міръ вмѣстѣ съ нами уменьшился въ четыре раза. Колокольня въ сорокъ саженъ вышины сдѣлалось въ десять саженъ, крупная лошадь стала не больше дворовой собаки, голубь—не больше воробья, воробей—не больше жука. Замѣтимъ ли мы эту внезапную перемѣну? Разумѣется, нѣтъ, потому что мы сами станемъ въ четыре раза меньше, а потому всѣ наши представленія о величинахъ останутся безъ измѣненія. Но еслибы уцѣлѣлъ хоть одинъ предметъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, у насъ сохранилась бы величина для сравненія, и мы тотчасъ постигли бы, какая перемѣна совершилась съ нами. И вотъ, быть можетъ, среди вселенной мы именно и представляемъ микроскопическую частицу. Раз-

суждая такимъ образомъ, мы вправѣ предположить, что каждая вотъ эта крупица мѣла заключаетъ въ себѣ цѣлые міры съ собственными небесными свѣтилами, съ населенными планетами, гдѣ живутъ и копошатся милліоны живыхъ существъ, быть можетъ, обладающихъ познаніями еще болѣе обширными, нежели наши, и въ свою очередь производящими наблюденія надъ окружающимъ міромъ.

— Тамъ темно? раздалось изъ угла.

— Мы и этого не знаемъ, темно ли тамъ. Чтобы освѣтить громадную залу, нужно тысячу свѣчъ; но чтобы было свѣтло въ коморкѣ, достаточно зажечь огарокъ.

— А въ карандашѣ есть міры?

— И въ карандашѣ, и въ бумагѣ— вездѣ есть.

— А физику тамъ учатъ?

Классъ прыснулъ отъ сдержаннаго смѣха. Раковъ поморщился и продолжалъ очень спокойно:

— Объ этихъ вещахъ нечего толковать. Наша главная задача—построить ясную гипотезу и постараться освѣтить ее доказательствами. Одну изъ такихъ гипотезъ о строеніи вещества я и разовью вамъ.

Тутъ Раковъ коснулся „звѣзднаго свѣта“ древнихъ, ученія Зороастра, тайнъ индійскихъ браминовъ и перешелъ къ новѣйшей эфирной теоріи. Онъ изложилъ въ общихъ словахъ ученіе о свѣтѣ, теплотѣ и электричествѣ. Для одного доказательства потребовалась тригонометрія, а такъ какъ воспитанники еще ея не проходили, то Раковъ мимоходомъ преподалъ всю науку синусовъ и тангенсовъ. Затѣмъ на доскѣ явилось квадратное уравненіе, но такъ какъ воспитанники не изучали и уравненій, то имъ пришлось выслушать лекцію изъ математики. Въ концѣ урока они утомились не менѣе Ракова, заключившаго свою импровизацію слѣдующими словами:

— Теперь, господа, я попрошу васъ завести опрятныя тетрадки и занести туда все, что я говорилъ.

На послѣдующихъ лекціяхъ Раковъ придерживался того же способа преподаванія. Программъ для него не существовало. Онъ съ особеннымъ жаромъ толковалъ о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Ученіе объ электричествѣ и гальванизмѣ онъ началъ съ описанія фонографа, телефона и микрофона. Передъ глазами ошеломленныхъ воспитанниковъ явились грандіозные картины съ изображеніемъ блестящихъ побѣдъ человѣческаго генія. Маленькій и тщедушный Раковъ любилъ говорить о всемъ колоссальномъ и необычайномъ. Онъ объяснялъ своимъ слушателямъ, какъ милліарды силъ природы пропадаютъ безплодно для человѣка; по мнѣнію Ракова, давно слѣдовало не затоплять Сахару (безсмысленнѣе ничего нельзя было придумать), а устроить тамъ огромныя вогнутыя зеркала. Посред-

ствомъ этихъ зеркалъ можно было бы сосредоточивать необыкновенно яркіе и горячіе лучи африканскаго солнца на исполинскихъ котлахъ съ водой, при которыхъ бы работали паровыя машины. А эти машины, въ свою очередь, приводили бы въ безпрерывное движеніе динамо-электрическія машины, и развивавшійся въ огромномъ количествѣ электрическій токъ можно было бы эксплуатировать, проложивъ кабели въ Европу, гдѣ въ разныхъ государствахъ могли быть устроены фабрики и заводы, производство которыхъ удешевилось бы до минимума. Кромѣ того, Раковъ предлагалъ воспользоваться морскими приливами. Нужно было только устроить на берегу моря громадный и чрезвычайно тяжелый плотъ. Когда кончится приливъ, то этотъ плотъ нужно было бы зацѣпить на спеціально устроенный журавль. Вода уйдетъ изъ-подъ него, и тяжелая громада повиснетъ въ воздухѣ. Вотъ и слѣдовало

воспользоваться этой тяжестью, какъ часовой гирей, для приведенія въ дѣйствіе завода или динамо-электрической машины. И много разныхъ другихъ блестящихъ и смѣлыхъ проэктовъ предлагалъ Раковъ. Воспитанники сначала съ изумленіемъ глядѣли на взъерошеннаго и раскраснѣвшагося оратора. Имъ казалось страннымъ, почему онъ себѣ не составилъ громкой извѣстности, почему никто не согласился до сихъ поръ воздвигнуть въ Африкѣ зеркала или плоты на берегу моря. Они старательно заносили въ свои тетрадки все, что говорилъ Раковъ, но затѣмъ перестали. Да притомъ и записывать-то было нечего: Раковъ повторялъ одно и то же. Его проекты надоѣли классу, какъ горькая рѣдька. Воспитанники узнали отъ самого Ракова, что онъ—великій, но до сихъ поръ не оцѣненный неблагодарными современниками изобрѣтатель, и что ему въ сущности принадлежитъ „яблочковъ свѣтъ“; Яблоч-

кову же помогъ только случай: Яблочковъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ тотчасъ поняли громадную важность изобрѣтенія Ракова. Когда воспитанники стали спрашивать, какимъ образомъ Яблочковъ предвосхитилъ у него столь блестящее изобрѣтеніе, Раковъ однажды таинственно вымолвилъ:— „онъ имѣлъ случай видѣть“... И больше не прибавилъ ни слова. Эффектъ получился чрезвычайный.

Когда происходили опыты въ физическомъ кабинетѣ, богато обставленномъ приборами и снабженномъ всѣми принадлежностями, воспитанники разбредались по комнатѣ и старались утащить сѣры или кислоты, или еще какого нибудь снадобья. Наопыты они смотрѣли, какъ на фокусы, и всѣ усилія Ракова остановить на нихъ серьезное вниманіе класса ни къ чему не вели. Для канцелярской отчетности о числѣ страницъ, пройденныхъ по учебнику, Раковъ отмѣчалъ въ спискѣ задаваемые уро-

ки, но эти уроки, не готовились и не спрашивались. Раковъ, ознакомившись съ классомъ, увидѣлъ, кто изъ воспитанниковъ поразвитѣе и поначитаннѣе; такихъ онъ, охотно вызывалъ и бесѣдовалъ съ ними о всевозможныхъ вопросахъ. Его еще слушали, когда онъ разсказывалъ о клоакахъ Парижа, о его центральномъ рынкѣ, о косметическихъ фабрикахъ, объ искусственной фабрикаціи драгоцѣнныхъ камней; но и такія темы вскорѣ истощились. Потомъ онъ началъ сильно манкировать уроками, и воспитанники махнули на него рукой.

Однако потокъ безпорядочно и безтолково высказанныхъ Раковымъ новыхъ мыслей не пропалъ совсѣмъ безслѣдно. Воспитанники поотзывчивѣе встрепенулись и принялись читать популярныя книжки по естественнымъ наукамъ. Левъ увлекся на первыхъ порахъ космографіей и химіей хотя, впрочемъ, скоро остылъ. Толстобоковъ усердно зубрилъ физику и, часто вы-

ходя къ каѳедрѣ, вполголоса бесѣдовалъ съ Раковымъ о томъ, что полезнѣе всего читать. Но самые прочные лавры завоевалъ себѣ Астаховъ. Этотъ остроумный школьникъ, обладавшій смѣлымъ и блестящимъ умомъ, очаровалъ краснорѣчиваго физика. Астаховъ на вторую же лекцію поднесъ ему въ солидную тетрадь, въ которой была превосходно изложена вся его предыдущая лекція. Раковъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ пробѣжалъ ее и заговорилъ съ Астаховымъ. Тотъ сказалъ:

— Въ прошлый разъ вы, Иванъ Михайловичъ, объясняли, какъ можно электрическимъ токомъ вызывать сокращенія мускуловъ у трупа. Это навело меня вотъ на какую мысль. Извѣстно, что электричествомъ можно лѣчиться, а также извѣстно, что если сквозь испорченное молоко пропустить токъ, то молоко сдѣлается свѣжимъ. Теперь я дѣлаю такой выводъ: въ живомъ организмѣ кровь исправляетъ

и пополняетъ истраченное; не можетъ ли въ неодушевленныхъ предметахъ электричество играть иногда роль крови? Я полагаю, что можетъ. Мутная вода тотчасъ отстаивается и очищается, если пропускать сквозь нее токъ. Кислое молоко дѣлаетъ хорошимъ, прогорклое масло теряетъ горечь, незрѣлые плоды дозрѣваютъ, въ поблекшей травѣ возстановляется яркій зеленый цвѣтъ. И все это отъ дѣйствія электричества. Какъ вы думаете, Иванъ Михайловичъ?

Раковъ пришелъ въ восторгъ отъ мысли Астахова и впослѣдствіи, разставаясь уже навсегда съ нимъ, сказалъ:

— Въ жизни я зналъ только трехъ геніальныхъ людей: первый—былъ мой воспитатель Аристовъ, второй—вы, а третій...

Тутъ онъ скромно, но выразительно потупилъ глаза.

Съ пятаго класса начиналось подроб-

ное изученіе русской исторіи. Историкъ въ корпусѣ былъ только одинъ, нѣкто Спасскій, читавшій, съ акуратностью и невозмутимостью машины, лекціи во всѣхъ классахъ и отдѣленіяхъ. Онъ говорилъ безъ лишнихъ словъ и точно объяснялъ значеніе каждаго отдѣльнаго факта. Отъ безпрерывнаго преподаванія одного предмета, Спасскій выражалъ свои мысли въ однихъ и тѣхъ же словахъ и довольствовался казенными отвѣтами по учебнику. Несмотря на это, воспитанники многимъ обязаны были ему въ своемъ развитіи. Изъ остальныхъ учителей нѣсколько выдѣлялся способный, но хвастливый нѣмецъ Вурцель, смѣнившій могучаго гиганта Вейлера. По заведенному обычаю, Вурцель преподавалъ всегда въ старшихъ классахъ, а Вейлеръ—въ младшихъ. Вурцель походилъ на юркаго, нервнаго и пылкаго еврея. Филологъ онъ былъ превосходный и постоянно твердилъ: „Юлій

Вурцель все знаетъ!“ И зналъ дѣйствительно въ своихъ учебникахъ все до точки. Затѣмъ, французскій языкъ преподавалъ хлыщеватый нарумяненый французъ Турнэ, чрезвычайно смахивавшій на комми изъ моднаго магазина; математику читалъ ожирѣвшій до столбняка подполковникъ Рудинъ; законъ Божій преподавалъ по прежнему Святодуховъ, но всѣ они мало вліяли на развитіе учениковъ.

Въ пятомъ классѣ Льву исполнилось семнадцать лѣтъ. Онъ вытянулся, возмужалъ. На верхней губѣ у него зачернѣлъ пушокъ, на который онъ подолгу заглядывался въ зеркалѣ. Левъ очень похорошѣлъ. Мальчикомъ онъ былъ смуглъ и похожъ на цыгана; теперь лицо его побѣлѣло, и тонкія брови рѣзче выступили надъ большими, задумчивыми темными глазами.

Гуляя по тополевымъ аллеямъ въ теплые осенніе вечера, Левъ часто замѣчалъ

подъ воротами или за выступами зданія корпуса франтоватыхъ писарей въ синихъ брюкахъ съ раструбами книзу. Эти писаря бесѣдовали съ хорошенькими затянутыми въ корсетъ барышнями. Прощаясь, они долго пожимали имъ руки. Барышни оглядывались робко по сторонамъ и исчезали при всякомъ шумѣ. Другіе изъ нихъ были гораздо смѣлѣй и даже рѣшались прогуливаться съ писарями по тополевымъ аллеямъ, когда воспитанниковъ уводили въ возрастъ. Корпусъ имѣлъ трехтысячное населеніе, и эти барышни были дочерьми швейцаровъ, дядекъ, каптенармусовъ, портныхъ. Онѣ одѣвались очень чисто и походили издали на настоящихъ барышень.

Въ корпусѣ объ нихъ ходили баснословныя разсказы. Наиболѣе удивительныя похожденія приписывались красивѣйшимъ изъ нихъ, каковыми считались Монголка, Фраткина и Цивильная. Эти имена

Левъ изучилъ давно, но раньше никогда не любопытствовалъ, какая изъ встрѣчавшихся дѣвицъ Фраткина или Цивильная. Но теперь онъ началъ особенно пристально вглядываться въ нихъ, и поэма о Монголкѣ, начертанная въ карцерѣ, вовсе не казалась ему такой нелѣпостью, какъ прежде.

Раза три въ годъ въ корпусѣ устраивались балы. Такъ какъ воспитанники готовились быть офицерами, то, вмѣстѣ съ французскимъ и нѣмецкимъ языками и музыкой, ихъ обучали еще танцамъ, а главное—мазуркѣ. Такимъ образомъ, балы отчасти являлись повѣрочнымъ экзаменомъ свѣтскости и выправки кадетъ. Балы составляли въ корпусѣ эпоху. Здѣсь завязывалось множество интересныхъ, хотя непрочныхъ знакомствъ. Здѣсь можно было встрѣтиться, поговорить и даже обмѣняться нѣжными посланіями. На эти балы приглашались преимущественно дамы и

барышни, родные и знакомые воспитанниковъ и воспитателей. Первый балъ, когда Левъ перешелъ въ пятый классъ, назначенъ былъ въ концѣ ноября. Наканунѣ этого дня въ возрастѣ замѣчалось особенное оживленіе. Въ умывальникѣ множество воспитанниковъ, скинувъ бушлаты и перепоясавшись полотенцами, которыхъ некуда было вѣшать, мыли грязныя замшевыя перчатки. Впрочемъ, заботливость начальства простиралась до того, что на каждый возрастъ выдавалось по пятнадцати паръ чистыхъ перчатокъ для лучшихъ танцоровъ. Перчатки эти были отъ разныхъ паръ и попадали всегда къ тѣмъ, кто никогда не танцовалъ.

Болѣе всѣхъ суетился и хлопоталъ Карабановъ. Онъ заблаговременно купилъ себѣ перчатки и флакончикъ духовъ. Теперь ему чрезвычайно хотѣлось попасть въ число „распорядителей". Но это оказалось невозможнымъ: седьмой классъ объ-

явилъ наотрѣзъ, что изъ мелюзги никто распорядителемъ не будетъ; пусть мелюзга дотащится до седьмаго класса, ну, тогда и хозяйничаетъ. Карабановъ сталъ просить, нельзя ли ему быть хоть помощникомъ распорядителя, чтобы надѣть разноцвѣтный бантъ. Вліятельный Платоновъ поддержалъ его просьбу, и Караванову быть помощникомъ разрѣшили, но бантъ надѣть запретили въ виду того, чтобы помощниковъ не смѣшивали съ распорядителями. Карабановъ огорчился:—ему только и нуженъ былъ бантъ.

Въ корпусѣ танцовали обыкновенно въ спальныхъ комнатахъ старшаго возраста, и въ эти танцовальныя залы устраивали входъ прямо изъ столовой. Изъ спаленъ выносили кровати, натирали паркетные полы и развѣшивали по стѣнамъ украшенія изъ штыковъ и поломанныхъ ружей, что, впрочемъ, было очень красиво. Воспитатели и директоръ охотно давали свою

мебель, которой всетаки не хватало, потому что приглашенныхъ съѣзжалось невѣроятное количество. На кухнѣ цѣлый день готовилось угощеніе: оршадъ, лимонадъ, чай, кофей, шоколадъ и мороженное. Печенье, конфекты и фрукты брали изъ магазина.

Левъ съ Астаховымъ прогуливались въ ожиданіи открытія бала по столовой. По ней проложенъ былъ узкій красный коверъ. Зеленый бумажный плющъ обвивалъ бѣлыя колонны.

— Знаешь что, Вавиловъ? сказалъ Астаховъ:—давай танцовать визави всѣ кадрили. Хлопотъ будетъ меньше.

— Я обѣщалъ уже первую Караванову.

— Ну, и отлично, со второй, значитъ, со мною. Я первую кадриль и танцовать не стану: буду высматривать хорошенькихъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они шли къ парадной лѣстницѣ. Изъ первой прі-

емной комнаты, принявшей торжественный видъ, виднѣлась направо библіотека, двери которой всегда были заперты. Тамъ было приготовлено множество столовъ для игры въ карты. Къ библіотекѣ примыкала „комитетская“, гдѣ рѣшалась участь воспитанниковъ. Астаховъ и Левъ, пользуясь случаемъ, съ любопытствомъ заглянули въ эту роковую для многихъ комнату. Она имѣла праздничный видъ, и здѣсь также стояли столики съ зеленымъ сукномъ.

На площадкѣ чугунной лѣстницы съ ярко сіявшими касками собрались распорядители. У нихъ красовались разноцвѣтные банты на груди, тѣ самые банты, которые такъ соблазняли Караванова. Распорядители принимали гостей, ревизовали входные билеты и указывали, гдѣ оставлять верхнія вещи. Всѣ эти обязанности скоро надоѣли большей части распорядителей, и на площадкѣ осталось только

два-три человѣка, глядѣвшихъ съ презрѣніемъ на танцы и на барышень. Эти господа были очень суровы въ исполненіи долга и по семейному билету вмѣстѣ съ дамами не соглашались никогда пропустить болѣе одного „шпака“. Всѣ офицера пользовались свободнымъ входомъ.

Дамъ въ залахъ все прибывало и прибывало. Пріѣхавшія первыми конфузливо озирались и быстро скрывались въ уборную, откуда выходили, когда съѣздъ былъ уже въ разгарѣ. Дамы были очень разнообразны и въ самыхъ разнообразныхъ платьяхъ. На пригласительныхъ билетахъ всегда значилось: дамъ просятъ быть въ домашнихъ туалетахъ. Эта фраза казалась многимъ очень коварной, и онѣ являлись въ бѣлыхъ бальныхъ платьяхъ. Другіе пріѣзжали въ болѣе скромныхъ темныхъ, а третьи—въ соблазнительномъ декольте.

Ждали съ особеннымъ нетерпѣніемъ двухъ дамъ: директоршу, Марью Нико-

лаевну Поспѣлову, и другую—Марью Николаевну Рудину, дочь грузнаго математика. Каждая изъ нихъ была интересна въ своемъ родѣ, и около каждой толпилась всегда куча поклонниковъ. Рудина явилась первой. Она расположилась въ столовой за обѣденнымъ столомъ вмѣстѣ со своимъ постояннымъ кавалеромъ, французомъ Турнэ. Ея блестящіе черные глаза, оригинальная прическа, пышное бѣлое платье, громкій безцеремонный смѣхъ тотчасъ привлекли вниманіе проходящихъ. Знакомые воспитанники окружили ее и стали наперерывъ приглашать на танцы. Карабановъ и Ивановъ очутились тутъ же. Къ нимъ Марья Николаевна особенно благоволила и согласилась съ каждымъ протанцовать по кадрили.

— А, здравствуйте, дипломатъ! сказала она по французски, обратившись къ Астахову. Тотъ поклонился и отвѣчалъ любезной французской фразой.

— Это кто? спросила Марья Николаевна, указавъ взглядомъ на Льва:—ахъ, какіе у него глаза! Представьте его мнѣ.

Астаховъ тонко улыбнулся и подошелъ къ Вавилову.

— Послушай, пойдемъ, я тебя представлю: она хочетъ съ тобой познакомиться.

— Съ какой стати?

— Да ну, пойдемъ. Не все-ли равно?

Марья Николаевна понравилась Льву. Ему не приходилось еще встрѣчать такихъ смѣлыхъ и самоувѣренныхъ барышень. Марія Николаевна глядѣла на него въ упоръ, перекидывалась замѣчаніями съ Турнэ и смѣялась звонкимъ хохотомъ. Она находила Льва очень милымъ и очень красивымъ. Все это она тотчасъ высказала ему самому. Вавиловъ конфузился. Большинство воспитанниковъ не понимало по французски, но Льву казалось, что всѣ догадываются, о чемъ она говоритъ, и онъ смущался все болѣе и болѣе. Въ это вре-

мя въ танцовальныхъ залахъ загремѣлъ торжественный маршъ: директоръ подъ руку съ женой показался въ столовой. Онъ былъ въ генеральской формѣ, въ сюртукѣ съ густыми эполетами. Воспитанники вытягивались во фронтъ передъ нимъ, и онъ привѣтливо раскланивался въ обѣ стороны. На румяномъ лицѣ его выражалось удовольствіе. Директоръ щурилъ свои сѣрые глаза и расправлялъ по временамъ сѣдыя пушистыя бакенбарды. Рядомъ съ его полной нѣсколько отяжелѣвшей фигурой, директорша, Марія Николаевна, казалась тоненькой хрупкой дѣвочкой. Блѣдное лицо ея съ большими оживленно блиставшими глазами было очень красиво. Бѣлый шелкъ, газъ, голубыя и розовыя ленты охватывали ея гибкій станъ, выказывали ея маленькія стройныя ножки и собирались сзади въ огромный длинный шлейфъ. Марія Николаевна была живаго, веселаго характера и теперь, отправляясь

открывать балъ, привлекая завистливые взоры дамъ, не могла удержаться отъ шаловливыхъ улыбокъ, отвѣчая на поклоны своей обычной свиты изъ воспитанниковъ.

Когда Левъ и Астаховъ пробрались въ танцовальныя залы, оркестръ игралъ вальсъ, и пары кружились по паркету. Нетанцующіе воспитанники густыми рядами стояли вдоль стѣнъ. Каждую минуту число танцующихъ все увеличивалось. Астаховъ и Левъ замѣшались въ толпу зрителей. Распорядители суетились и тѣснили ее къ стѣнамъ. Но вдоль стѣнъ стояли стулья, а на стульяхъ возсѣдали пожилыя сѣдыя дамы съ недружелюбными взорами. Къ дамамъ подлетали раскраснѣвшіяся барышни и, посидѣвъ около нихъ нѣсколько секундъ, уносились прочь съ новыми кавалерами.

Левъ былъ возбужденъ, и ему тоже хотѣлось танцовать. Онъ зналъ, что хорошо танцуетъ, но странная робость удер-

живала его. Онъ намѣчалъ себѣ глазами даму въ толпѣ высокихъ, маленькихъ, толстыхъ и худыхъ дѣвицъ, но едва рѣшался направиться къ ней, какъ она исчезала среди танцующихъ.

— Вавиловъ, подите сюда! сказалъ кто-то.

Левъ повернулъ голову и увидѣлъ директоршу. Она сдѣлала ему знакъ рукой. Онъ приблизился къ ней. Она весело улыбнулась и увлекла его въ вихрь вальса.

Астахову надоѣло стоять на одномъ мѣстѣ. Онъ побродилъ въ столовой, побесѣдовалъ съ Рудиной, предъ которой, неизвѣстно какимъ образомъ, очутился стаканъ съ краснымъ виномъ и тарелка съ фруктами: „угощенія“ еще не разносили. Около хорошенькой кокетки неотступно вертѣлся Турнэ и два семиклассника. Марья Николаевна предложила Астахову держать пари, которое онъ сейчасъ же у ней и выигралъ. Пари было à discrètion, такъ какъ иныхъ Марья Ни-

колаевна не держала. Астаховъ, въ качествѣ любезнаго кавалера, ограничился тѣмъ, что попросилъ у Маріи Николаевны одну изъ красныхъ розъ, украшавшихъ ея черные волосы. Онъ прикололъ розу къ мундиру, удалился въ пріемную и сталъ наблюдать за гостями.

Съѣздъ все еще продолжался. Закутанныя съ головы до ногъ въ шубы, пледы и огромные теплые платки, неопредѣленныя фигуры, засыпанныя снѣгомъ, показывались одна за другой. Фигуры разоблачались, и изъ подъ груды теплаго платья являлись барышни, дамы и старушки. Онѣ тотчасъ подходили къ зеркалу, поправляли прически, туалеты и уходили въ столовую. Астахову доставляло удовольствіе наблюдать, какъ изящно одѣтыя дамы спѣшили сбросить изношенные салопы или плохія ротонды. Дамы торопливо комкали мѣховыя вещи, чтобы скрыть ихъ недостатки. На Астахова онѣ глядѣли непрі-

язненно, и это также забавляло его. Скоро всѣ лавки и полъ въ первой пріемной комнатѣ были устланы шубами, и когда показались еще три фигуры, то онѣ съ недоумѣніемъ посмотрѣли вокругъ, и одна изъ нихъ сказала:

— Гдѣ же здѣсь раздѣваться? Все занято?

Тутъ говорившая скинула платокъ, и Астаховъ увидѣлъ прехорошенькую золотистую головку съ черными глазами. Ему показалось неловкимъ предоставить вновь прибывшимъ самимъ отыскивать себѣ свободное мѣсто. Онъ приблизился къ нимъ и сказалъ:

— Здѣсь можно раздѣться. Эй, Орловъ, отодвинь эту скамейку.

Бравый служитель исполнилъ его приказаніе. Дамы сняли свои шубки. Двѣ изъ нихъ оказались барышнями, а третья— пожилой особой. Астаховъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что барышни красивы и хорошо одѣты. Онъ услужливо помогъ

имъ сложить шубы. Барышни тотчасъ подбѣжали къ зеркалу. Одна изъ нихъ, въ голубомъ платьѣ, была изящной блондинкой съ нѣжнымъ, мягко очерченнымъ лицомъ. Другая была темнѣе, и Астахову очень понравились ея прекрасные черные глаза. Оправивъ наскоро туалетъ, барышня въ голубомъ платьѣ сказала:

— Ну, мама, мы готовы.

— Сейчасъ, сейчасъ, отозвалась старушка, которая продолжала еще копаться въ вещахъ.

— Васъ никто не встрѣтилъ? Позвольте, я вызову сейчасъ вашихъ знакомыхъ, замѣтилъ Астаховъ, хотя ему вовсе не хотѣлось покидать интересныхъ дамъ.

— Не надо, отвѣчала барышня съ черными глазами:—мы вѣдь ужъ бывали здѣсь на балахъ.

— Позвольте пригласить васъ на вторую кадриль.

Черноглазая барышня весело улыбнулась.

— А теперь что танцуютъ?

— Кажется, вальсъ. Балъ только что начался.

— Ну, хорошо. Только вы, пожалуйста позаботьтесь о визави.

Дамы прошли въ столовую. Астаховъ издали слѣдилъ за приглашенной имъ барышней, и она ему нравилась все больше и больше.

Въ буфетѣ онъ встрѣтился съ Вавиловымъ. Левъ раскраснѣлся, тяжело дышалъ, но въ общемъ выраженіе лица его было радостное, счастливое.

— Натанцовался, сказалъ ему Астаховъ:—что теперь будетъ?

— Вторая кадриль. Я ищу тебя.

— Вторая кадриль?! У тебя есть дама?

— Нѣтъ, отвѣчалъ беззаботно Левъ.

— Такъ приглашай скорѣй. А то пойдемъ, я тебѣ сейчасъ покажу одну барышню.

Астаховъ взялъ Льва подъ руку и увлекъ въ танцовальныя залы, направляясь къ дамской уборной. Пользуясь короткимъ антрактомъ, корпусные служители, преобразованные въ довольно приличныхъ, но дубоватыхъ оффиціантовъ, разносили чай и печенье. Пожилыя дамы, не сходившія со своихъ мѣстъ вдоль стѣнъ, съ жадностью уничтожали „угощеніе". Онѣ пробовали все: оршадъ, лимонадъ, чай съ печеньемъ, кофей съ сухарями. Воспитанники искоса недружелюбно посматривали на нихъ. По корпуснымъ обычаямъ, воспитанникамъ угощенія не полагалось, однако искушеніе было слишкомъ сильно, и при первой возможности они не забывали себя. Но всетаки угощаться было нелегко, потому что всякій подносъ отправлялся изъ буфета съ опытнымъ служителемъ и подъ прикрытіемъ двухъ распорядителей. Проходя сквозь толпу воспитанниковъ, служитель поднималъ подносъ на вытянутыхъ

рукахъ высоко надъ головой и, только приближаясь къ дамамъ, быстро опускалъ его внизъ. Но въ эти-то рѣдкія минуты воспитанники и ухитрялись разбирать угощеніе.

Уборная находилась въ концѣ ряда бальныхъ залъ. Дверь ея безпрерывно затворялась и отворялась. Въ антрактахъ большинство изъ танцующихъ дамъ стремилось побывать тамъ. Воспитанники обращались съ дамскими шлейфами не особенно почтительно, и часто самые длинные изъ нихъ къ концу бала дѣлались самыми короткими.

Едва Астаховъ и Левъ достигли уборной, какъ оттуда вышли черноглазая барышня и ея подруга въ голубомъ платьѣ. Астаховъ тотчасъ представилъ имъ своего друга, хотя самъ не былъ представленъ. Левъ поспѣшилъ пригласить барышню въ голубомъ платьѣ на вторую кадриль. Та согласилась, и друзья, предло-

живъ руки своимъ дамамъ, отправились отыскивать мѣсто въ танцовальныхъ залахъ.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ Левъ свою юную даму, подставляя ей вѣнскій стулъ.

— Ахъ, у меня гадкое имя. Моя фамилія Хмырова.

— У насъ въ среднемъ возрастѣ есть Хмыровъ.

— Это мой братъ.

— Я его знаю. А какъ же васъ зовутъ?

— Ирина Павловна.

— Это отличное имя! съ убѣжденіемъ вскричалъ Левъ.

Ирина радостно посмотрѣла на своего откровеннаго кавалера.

— Вы думаете? Ирина можетъ быть, это и ничего, а то вѣдь прислуга меня зоветъ всегда Ариной. Это обидно. А какъ ваша фамилія?

— Вавиловъ. Левъ Николаевичъ Вавиловъ.

— У васъ вотъ хорошее и имя, и фамилія. А какъ вашего товарища... визави?

— Астаховъ.

— А ее—Эфросъ (она указала на черноглазую барышню). Это моя подруга. Мы вѣдь еще учимся въ гимназіи.

— Ну такъ что-жъ такое, снисходительно сказалъ Левъ:—и мы еще учимся. Но Эфросъ это, кажется, греческая фамилія?

— Не знаю, можетъ быть.

— Она недурна собой.

— Прелесть! воскликнула Ирина: — она у насъ и первая ученица.

Началась кадриль, и когда дамы помѣнялись мѣстами, Левъ сказалъ:

— Какъ вы находите нашъ балъ, m-lle Эфросъ?

— Откуда вы знаете мою фамилію? быстро спросила удивленная барышня.

— Знаю, отвѣчалъ побѣдоносно Левъ, уклоняясь отъ отвѣта.

Съ своей стороны, Астаховъ тоже не

терялъ времени. Онъ поспѣшилъ отрекомендоваться, но въ своихъ вопросахъ былъ гораздо послѣдовательнѣе и дальновиднѣе Льва. Хорошенькая гречанка, которой также очень понравился ея кавалеръ, сообщила ему, что учится въ первой гимназіи и часто гуляетъ съ Хмыровой на Чистыхъ Прудахъ.

— Особенно по воскресеньямъ, въ три часа.

Астаховъ принялъ это къ свѣдѣнію. Онъ развеселился, и развеселилъ свою даму. Кадриль пролетѣла незамѣтно.

— Ну, что, братъ, какова? спросилъ, подмигивая Левъ у Астахова.

— Кто, твоя или моя?

— Разумѣется, твоя. Моя—прелесть, это рѣшено.

— Ну, и моя прелесть.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Вѣрно. Пойми, *я* танцую съ ней мазурку; я вѣдь никогда не танцую мазурки.

Левъ озабоченно посмотрѣлъ на друга.

— Какъ же быть? а я пригласилъ свою лансье.

— Ну, пригласи ее и на мазурку.

— Конечно, конечно, я сейчасъ вернусь!

Онъ пустился къ уборной. Астаховъ повернулся на каблукѣ, счастливо улыбаясь и разсѣянно глядя вокругъ. Въ эту минуту онъ увидѣлъ на очень близкомъ разстояніи отъ себя исполинскій подносъ, уставленный блюдечками съ мороженымъ. Какъ ястребъ, Астаховъ схватилъ мгновенно два блюдечка и съ торжествомъ унесъ съ собою. Распорядитель только укоризненно крикнулъ:

— Эхъ, Астаховъ, ты хоть бы бралъ одно!

Но Астаховъ былъ уже далеко. Онъ отыскалъ Льва и подѣлился съ нимъ добычей.

Между тѣмъ балъ продолжался шумно и весело. Протанцовали пять кадрилей,

котильонъ, четыре вальса, три польки, двѣ польки-мазурки и лансье. Младшій возрастъ давно увели спать, но въ танцовальныхъ залахъ отъ этого не стало просторнѣе. Началась мазурка. Въ первой парѣ, къ великой гордости пятаго класса, неслась директорша съ Карабановымъ; во второй—Рудина съ Турнэ. Затѣмъ слѣдовало еще паръ тридцать. Астаховъ и Левъ попали въ самую середину. Мазурка привлекла всеобщее вниманіе. Даже записные игроки въ винтъ покинули свои зеленые столики въ библіотекѣ и столпились въ дверяхъ первой залы. Здѣсь устроились каре, и сіяющій Турнэ принялся дирижировать мазуркой.

Въ промежуткахъ между фигурами Левъ приносилъ своей дамѣ мороженое и конфекты. Когда ему удавалось стащить только одно блюдечко, Ирина по товарищески оставляла ему половину порціи, и онъ доканчивалъ ее. Они дѣлились орѣхами, пе-

ченьемъ и всѣмъ, что Льву удавалось добыть у проходившихъ мимо оффиціантовъ. Левъ чувствовалъ себя какъ-то особенно взволнованнымъ. Онъ не сводилъ глазъ съ Ирины. Она казалась ему такой милой, привлекательной, и онъ подумывалъ какъ бы было хорошо, если бы они могли танцовать такъ каждый день.

Мазурка длилась безконечно долго, но Льву хотѣлось, чтобы она продолжалась еще дольше. Наконецъ старушка Хмырова потеряла терпѣніе и сказала дочери, что пора ѣхать домой. Левъ опечалился. Ирина взяла его подъ руку, и они пошли въ столовую. За ними слѣдовали Астаховъ, Эфросъ и сама Хмырова

— Вы будете помнить этотъ балъ? сказалъ робко Левъ.

— Да, буду! чистосердечно отвѣчала дѣвочка.

— Знаете... вы славная. Ахъ, зачѣмъ вы такъ скоро уѣзжаете!

— Вѣдь очень поздно, мама устала, ей скучно. Ну, до свиданья, Левъ Николаевичъ, до свиданья!

Ирина крѣпко пожала ему руку, глядя прямо въ лицо своими большими веселыми глазами.

— До свиданья!

Астаховъ и Левъ проводили своихъ дамъ до самаго подъѣзда и вернулись въ столовую. Балъ потерялъ для нихъ всю привлекательность. Мазурка еще продолжалась, музыка гремѣла, и по сторонамъ мелькали подносы съ угощеніемъ—но все это не интересовало ихъ больше.

Когда они поравнялись съ буфетомъ, изъ-за шкафа высунулась обезьянья голова Образцова и прорычала:

— Робя, вали сюда! Я полъ-формы мороженаго сволокъ!...

Астаховъ и Левъ переглянулись и прошмыгнули въ буфетъ. Тамъ шла сутолока. Распорядители расхватывали остатки уго-

щенія. Образцовъ, заблаговременно засѣвшій сюда, сдѣлалъ огромные запасы, чѣмъ возмутилъ распорядителей. Они сильно опустошили его сокровища, и еслибъ Астаховъ и Вавиловъ не подоспѣли во-время, онъ лишился бы и похищенной формы мороженаго.

Балъ кончился въ четвертомъ часу ночи. Воспитанники наскоро выпили по кружкѣ кофею, который всегда давался въ этихъ случаяхъ вмѣсто ужина, и отправились искать свои кровати. Въ возрастѣ былъ невообразимый безпорядокъ. Койки сплошь занимали всю рекреаціонную залу. Отыскать каждому свою постель не было возможности. Всякій выбиралъ мѣсто, гдѣ хотѣлъ. Астаховъ мудро посовѣтовалъ Льву втащить койку въ классъ и запереть дверь.

— По крайней мѣрѣ, выспимся здѣсь на привольѣ, и по нашимъ ногамъ никакая свинья не будетъ лазить.

Они такъ и сдѣлали. И едва только улеглись на постели, какъ тотчасъ заснули крѣпкимъ сномъ.

IX.

На другой день было воскресенье. Балы устраивались всегда наканунѣ праздниковъ, для того чтобы воспитанники могли, какъ говорилъ директоръ, придти за день въ себя и явиться со свѣжей головой въ классы. Ночевавшіе въ возрастѣ воспитанники поднялись поздно. Дежурный воспитатель остался у себя на квартирѣ, и потому никто утромъ не безпокоилъ разоспавшихся танцоровъ. Послѣ завтрака многіе стали уходить въ отпускъ. Астаховъ предложилъ Льву прогуляться по городу, и Левъ согласился. Они побывали подъ Сухаревой, поѣли пироговъ въ „Обжорномъ ряду“, заглянули на бульвары. Задолго до вечера они вернулись въ кор-

пусъ. Астаховъ родныхъ въ Москвѣ не имѣлъ; у Льва была здѣсь тетка, но къ ней онъ не любилъ ходить.

— Знаешь, Астаховъ, сказалъ Левъ, когда они явились уже изъ отпуска:—мнѣ что-то не по себѣ. Ужасно скверно себя чувствую.

— Иди въ лазаретъ. Можетъ быть, завтра и я приду.

— Да, я пойду.

Дежурный воспитатель тотчасъ отпустилъ Льва.

— Пусть съ вами отправляется дежурный по возрасту. Да чтобы книгу захватилъ: можетъ быть, вы и останетесь.

Лазаретъ помѣщался около парадной лѣстницы. Онъ состоялъ изъ ряда комнатъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ широкаго и длиннаго коридора, какъ это бываетъ въ гостинницахъ. Комнаты, выходившія во дворъ, были малы и тѣсны, а выходившія наружу—очень свѣтлы

и просторны. Изъ оконъ ихъ открывался видъ на полѣ, въ концѣ котораго, саженяхъ въ трехстахъ отъ корпуса, возвышалась старая сосновая роща. Около рощи была сдѣлана насыпь. Къ ней приставляли деревянные щиты съ наклеенными изображеніями одѣтыхъ въ боевую форму солдатъ, и съ ранней весны до середины лѣта солдаты разстрѣливали безъ перерыва эти изображенія.

Фельдшеръ съ худымъ землистымъ лицомъ и кроткими глазами спросилъ у Вавилова, чѣмъ онъ болѣнъ. Левъ хорошо зналъ лазаретные порядки и отвѣчалъ:

— Голова болитъ и тошнитъ. Я останусь.

Дежурный по возрасту отмѣтилъ въ своей книгѣ, что Вавиловъ оставленъ въ лазаретѣ, и ушелъ. Левъ выбралъ себѣ койку подальше отъ окна, раздѣлся и легъ. Всякому вновь прибывшему полагалось непремѣнно ложиться въ кровать.

Въ лазаретной комнатѣ старшаго возраста, въ которой расположился Левъ, стояло восемь коекъ. Около каждой находилась табуретка. Съ потолка спускалась большая лампа, подъ ней стоялъ дубовый столъ. Окна снизу были закрыты зелеными ширмочками.

Въ лазаретѣ было тихо, тепло и почти душно. Больные въ зеленыхъ халатахъ и туфляхъ неслышно бродили по корридору.

Послѣ шума и гама въ возрастѣ, Льву показалась очень пріятной царившая въ лазаретѣ тишина. Онъ закутался съ головой въ одѣяло и заснулъ. Заглянувшій сюда вечеромъ докторъ не сталъ его тревожить. Лазаретный дядька, Козелъ, принесъ чай и снялъ лампу, вмѣсто которой повѣсилъ маленькій ночникъ. Козелъ спустилъ на него абажуръ, обращенный широкимъ концомъ вверхъ. Тогда потолокъ освѣтился блѣднымъ свѣтомъ, и въ комнатѣ разлился странный сумракъ.

Льву снилось много сновъ. То ему казалось, что онъ танцуетъ на балу, и кругомъ блестятъ огни, и несется шумъ толпы. То представлялось ему, что онъ бродитъ одинъ по тополевымъ аллеямъ, окутаннымъ влажной мглой весенняго вечера; на аллеяхъ раздается звонкій смѣхъ, но при приближеніи Льва все стихаетъ; гдѣ-то во мракѣ слышенъ прерывистый шепотъ и мягкій звукъ поцѣлуевъ...

Отрывки сновидѣній мѣшались между собой, неслись длинной вереницей, и нельзя было разобрать, гдѣ кончались одни и начинались другіе. Одѣяло сползло со спящаго. Ему стало холодно, онъ впросоньи натянулъ его на себя, перевернулся на другой бокъ и заснулъ съ блаженной улыбкой на губахъ.

Ему приснилось, что онъ летитъ по воздуху рядомъ съ Ириной, и ея голова чуть касается его лица. Внизу, въ прозрачной глубинѣ, виднѣлись безмолвные

лѣса, росистые луга и дымившіяся рѣки. Луна круглымъ шаромъ медленно выкатилась изъ-за лѣса, и плавно поднялась вверхъ. Мощный свѣтъ полился на землю. Легкій вѣтерокъ шевельнулъ гдѣ-то деревья. Они повели таинственныя, непонятныя рѣчи, выходившія точно изъ земли. Было тихо и свѣтло, какъ днемъ. Казалось, каждый лучъ этой огромной луны колебался и звенѣлъ неуловимымъ волшебнымъ звономъ, и звонъ этотъ несся съ вышины, отражался снизу и разливался всюду. Левъ глядѣлъ сбоку на Ирину, и она казалась такой блѣдной и прекрасной. Они молча неслись въ вышинѣ, повинуясь малѣйшему теченію воздуха. Левъ посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ подъ собою маленькое озеро, на которомъ выдѣлялся зеленый островокъ, какъ крупный изумрудъ на синемъ бархатѣ. Въ тотъ же мигъ Левъ почувствовалъ, что падаетъ внизъ. Онъ закрылъ отъ ужаса

глаза, ожидая, что вдругъ грянется на землю и расшибется вдребезги. У него захватило дыханіе. Острая сладкая боль прошла внутри его, судорога сжала горло, и онъ проснулся...

Приподнявшись на локтѣ, онъ сталъ озираться вокругъ. Всѣ койки были заняты. Бѣлье и сложенные халаты больныхъ лежали на табуреткахъ. Среди глубокой тишины изъ корридора доносился мѣрный храпъ дежурнаго фельдшера. Левъ посмотрѣлъ на желтыя стѣны, остававшіяся въ тѣни, на бѣлый потолокъ, на которомъ отражался свѣтъ ночника, и подумалъ, что онъ никогда еще не видѣлъ такихъ колпаковъ въ лампахъ; ему понравился мягкій полусвѣтъ въ комнатѣ. Потомъ онъ сталъ думать о своемъ снѣ. —Ахъ, какой отличный сонъ! Еслибы его увидѣть опять? А вѣдь Ирина была лучше всѣхъ на балу. И какъ ея не замѣтилъ дамскій прихвостень Турнэ?

Тутъ Левъ вспомнилъ о Маріи Николаевнѣ, восхищавшейся его глазами, и подумалъ:

— А глаза у меня дѣйствительно хороши. Это и Астаховъ говоритъ. Но нравятся ли они Иринѣ?.. Ахъ, еслибы понравились! Когда я ее увижу? Пойти развѣ ужъ въ это воскресеніе на Чистые-Пруды? Я хотѣлъ бы ее встрѣтить. Еслибы было лѣто, мы поѣхали бы кататься на лодкѣ, я и Ирина. Она бы сидѣла у руля, а я—на веслахъ. Мы бы поѣхали далеко-далеко, пока городъ не остался бы позади. Я бы сложилъ весла и подсѣлъ къ ней.—„Вы боитесь, Ирина?“—„Чего бояться?“—„А мы вдругъ утонемъ?“—Отчего намъ утонуть?“—„Такъ, лодка опрокинется, вотъ такъ“.—И я качну слегка лодку. Ирина вскрикнетъ, (у нея ужасно пріятный голосъ) а я скажу: „Ирина, Ирина, не бойтесь ничего, пока я около васъ“. Она покраснѣетъ

(барышни постоянно краснѣютъ) и станетъ еще лучше прежняго. Я возьму ея руки и буду ихъ цѣловать. Я буду цѣловать ей голову, лицо и всю, всю!“

Левъ закрылъ глаза и вытянулся въ сладкой истомѣ, воображая, какъ онъ будетъ цѣловать Ирину. Но это вдругъ ему показалось малодушіемъ. Онъ вспомнилъ, какъ казаки презрительно относились въ Запорожьѣ къ женщинамъ. Въ классѣ только что сдѣлали разборъ „Тараса Бульбы“.

— Нѣтъ, подумалъ Левъ:—не слѣдъ рыцарю (онъ счелъ себя рыцаремъ) унижаться предъ женщиной... Я дамъ тебѣ, Ирина, поцѣловать руку, но не жди отъ меня никакихъ нѣжностей.

Онъ сурово нахмурился, сообразивъ, что, вѣроятно, казаки всегда хмурились, особенно говоря съ женщинами, но тутъ съ чрезвычайной живостью вспомнилъ какъ Ирина подѣлилась съ нимъ един-

ственнымъ яблокомъ, которое удалось достать. Яблоко было большое и румяное. Левъ съ жадностью глядѣлъ на него. Ирина разломила его на двѣ половинки и, весело улыбаясь и глядя блестящими глазами на Льва, сказала: „возьмите, Левъ Николаевичъ, вамъ вѣдь очень хочется яблока“. Онъ взялъ и съѣлъ: яблоко было прекрасное. Это воспоминаніе разсѣяло въ немъ всѣ мысли о казакахъ. Онъ опять сталъ представлять себѣ Ирину, хорошенькую, граціозную и веселую. Ему стало очень скучно. Онъ подумалъ, что вотъ тогда, когда онъ боленъ и даже быть можетъ близокъ къ смерти (ему представилось что онъ навѣрно близокъ къ смерти), онъ долженъ страдать одинъ (онъ уже вѣрилъ, что онъ страдаетъ), и около него нѣтъ никого близкихъ, ни мамы, ни сестры ни... Ирины...

Такъ онъ мечталъ и размышлялъ, ле-

жа на непривычно мягкой лазаретной постели. Вдругъ ему захотѣлось поѣсть. Онъ придвинулъ большую бѣлую кружку съ остывшимъ чаемъ, налитымъ съ вечера, досталъ изъ столика булку, спрятанную туда предусмотрительнымъ Козломъ, и тотчасъ съѣлъ ее всю. Затѣмъ онъ заснулъ и уже не просыпался до самаго утра.

Вавиловъ очень удивился, увидѣвъ на другой день около себя Скарятина. Тотъ, охая и вздыхая, объявилъ, что онъ очень боленъ. На столикѣ около него лежали толстыя тетради, въ которыя Скарятинъ любилъ заносить свои впечатлѣнія отъ лекцій, прогулокъ и воспоминаній, а также цѣлая груда книгъ. Скарятинъ захватилъ чернильницу, перья и карандаши. Предусмотрительный и бывалый „отдувало“ (лѣнтяй, притворщикъ—на корнусномъ языкѣ) ничего не забылъ для своего развлеченія въ лазаретѣ. Ближе къ окну

богатырски храпѣлъ Ивановъ. Остальныя койки заняли семиклассники.

Предъ приходомъ доктора больные встали и оправили свои кровати. Докторъ Соболянскій, имѣвшій множество насмѣшливыхъ кличекъ, явился въ девять часовъ. Онъ былъ высокаго роста, худъ, лысъ и сутуловатъ. Онъ имѣлъ чинъ статскаго генерала и чрезвычайно любилъ, когда въ разговорѣ съ нимъ часто произносили „ваше превосходительство“.

Соболянскій началъ обходъ лазарета съ комнаты старшаго возраста. Онъ остановился на порогѣ, какъ бы не замѣчая почтительно выстроившихся около коекъ больныхъ, и потянулъ въ себя воздухъ.

— Душенъ, тяжелъ, надо вентиляторъ, пусть работайтъ.

Старшій фельдшеръ, Сытенко, приземистый, толстый добродушный хохолъ, бѣлый, какъ лунь, сложилъ на животѣ короткія руки и вздохнулъ.

— Да, да, душень и тяжель! повторилъ съ раздраженіемъ Соболянскій, обращаясь неизвѣстно къ кому. Стоявшій позади Сытенко молодой дежурный фельдшеръ и Козелъ тоскливо посмотрѣли кругомъ. Докторъ вдругъ быстрыми шагами подошелъ ко Льву и, строго взглянувъ на него, спросилъ:

— Что болитъ?

— Голова, и меня вчера...

— Вашъ рукъ! Покажите языкъ... Febris catarrhalis... пробормоталъ докторъ и велѣлъ отмѣтить для Вавилова хину и слабительное. Затѣмъ докторъ подошелъ къ Скарятину. Тотъ лежалъ въ кровати и едва слышно стоналъ. Предъ приходомъ доктора, онъ усердно наколачивалъ руку, желая ускорить пульсъ, и лизалъ мѣлъ. Эти два средства считались въ корпусѣ самыми дѣйствительными для того, чтобы представиться больнымъ. При взглядѣ на Скарятина лицо Соболянскаго смягчилось.

Онъ давно зналъ этого скромнаго, терпѣливаго паціента и благоволилъ къ нему. Соболянскій посмотрѣлъ на его бѣлый языкъ и покачалъ головой. Потомъ онъ заглянулъ Скарятину въ горло и еще болѣе встревожился. Отъ природы глотка Скарятина представлялась всегда опухшей, воспаленной до послѣдней степени, и этимъ обстоятельствомъ Скарятинъ ловко и выгодно пользовался. Докторъ прописалъ ему лекарство и подошелъ къ Иванову. Свѣжее, молодое лицо того дышало такимъ богатырскимъ, несокрушимымъ здоровьемъ, что одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что никакая хворь его не возьметъ. Соболянскій педантично попробовалъ пульсъ, выслушалъ его грудь, причемъ дыханіе его, похожихъ на кузнечные мѣхи, легкихъ показалось доктору подозрительнымъ. Иванову была предписана строжайшая діэта, и затѣмъ докторъ обошелъ всѣхъ остальныхъ больныхъ. Ког-

да онъ вышелъ въ корридоръ, воспитанники посмѣялись. Докторъ никого не выписалъ, и они были довольны тѣмъ, что надули нѣмчуру, доказали, что „Коновалъ“ ни уха, ни рыла не смыслитъ въ медицинѣ.

А злополучный докторъ долго еще возился въ фельдшерской комнатѣ со вновь прибывшими больными. Наконецъ они ушли; Соболянскій прописалъ скорбные листы и отправился съ докладомъ къ директору, съ чувствомъ исполненнаго долга, съ полнымъ сознаніемъ, что онъ честный и полезный человѣкъ и дѣлаетъ честное и полезное дѣло. Въ корпусѣ былъ еще другой, младшій врачъ, но онъ былъ временно боленъ, и Соболянскій обходился пока безъ его помощи.

Въ возрастахъ начались лекціи. Рѣзкіе звуки трубы, возвѣщавшіе начало и окончаніе уроковъ, доносились въ лазаретъ сквозь толстыя капитальныя стѣны. Левъ

зналъ расписаніе уроковъ наизусть. Глядя на часы, онъ соображалъ, какіе учителя досаждаютъ теперь его товарищамъ, оставшимся въ классѣ, и радовался, что избавленъ отъ хитраго Святодухова, изступленнаго Смагина и остальной вереницы болѣе или менѣе непріятныхъ преподавателей. Время тянулось до обѣда необычайно долго, но зато послѣ обѣда лазаретъ оживился. Сюда привалила куча воспитанниковъ, нежелавшихъ идти на прогулку. Кромѣ того, многіе пришли навѣстить товарищей и принесли имъ отъ обѣда полные карманы чернаго хлѣба. Въ лазаретѣ кормили плохо и выдавали къ завтраку и обѣду бѣлый хлѣбъ, который воспитанники привыкли ѣсть только съ чаемъ. Посѣтители сообщили всѣ корпусныя новости: какъ прошли лекціи, кто не явился изъ отпуска, кто угодилъ подъ арестъ.

Глядя на беззаботныя лица пришедшихъ

товарищей, радовавшихся, что уроки на сегодня прошли, Левъ почувствовалъ себя неловко. Ему показалось, что онъ виноватъ въ томъ, что уклонился отъ занятій, что онъ лѣнтяй, и что на него всякій изъ прибывшихъ долженъ глядѣть съ презрѣніемъ. Но пришелъ Астаховъ и разсѣялъ его сомнѣнія. Астаховъ объявилъ, что онъ въ лазаретъ не ляжетъ, такъ какъ въ среду праздникъ, царскій день, и надо идти въ отпускъ. Левъ пожалѣлъ, что ему не придется идти (еслибы онъ былъ въ возрастѣ, то навѣрно не пошелъ бы въ отпускъ). Онъ походилъ съ Астаховымъ по корридору, вспоминая про балъ и про „своихъ" барышень. Послѣ нѣкотораго колебанія, Левъ разсказалъ другу свой сонъ. Астаховъ довольно равнодушно выслушалъ его и этимъ огорчилъ Льва. Дежурный по возрасту сталъ скоро гнать изъ лазарета набравшихся сюда воспитанниковъ, и Астаховъ ушелъ. Левъ

съ завистью поглядѣлъ ему вслѣдъ. Корпусъ былъ такъ великъ, что въ сравненіи съ нимъ лазаретъ представлялся тѣсной клѣткой. Черезъ три дня, Левъ выписался въ возрастъ.

Въ пятомъ классѣ игры все меньше и меньше интересовали Льва. Онъ не зналъ иногда чѣмъ наполнить свободное время. Астаховъ много читалъ, но Левъ, ознакомившись съ содержаніемъ библіотеки возраста, рѣшилъ, что читать скучно, и что для чтенія будетъ много времени впереди. Къ тому же, его увлекало рисованіе, въ которомъ онъ дѣлалъ замѣтные успѣхи. Въ своихъ мечтахъ онъ сталъ воображать себя въ будущемъ извѣстнымъ художникомъ. Иногда ему казалось, что онъ вовсе не рожденъ быть военнымъ, и тогда дисциплина корпуса давила его. Въ письмахъ къ роднымъ онъ по временамъ жаловался на скуку и однообразіе своей жизни. Учился онъ попрежнему удовлетво-

творительно, но начальство не возлагало на него никакихъ надеждъ.

Между тѣмъ Астаховъ почти не измѣнился съ третьяго класса. Онъ сталъ только сдержаннѣй и еще остроумнѣй. Бесѣдуя со Львомъ, онъ заводилъ рѣчь о карьерѣ и сообщалъ свои взгляды на армію и гвардію. Эти взгляды онъ черпалъ въ отпуску, и они отличались большей основательностью. Пріятели ходили раза два на Чистые Пруды, разсчитывая встрѣтить своихъ знакомыхъ барышень, но тѣ не являлись. Скоро увлеченіе Льва и Астахова разсѣялось. Они говорили иногда про памятный балъ, но къ воспоминаніямъ примѣшивали насмѣшки другъ надъ другомъ. Годъ быстро пролетѣлъ, но ни Эфросъ, ни Хмыровой они больше не видали и наконецъ почти забыли о нихъ.

X.

При переходѣ изъ шестаго въ седьмой классъ, Левъ опасно заболѣлъ и послѣ экзаменовъ былъ отправленъ на казенный счетъ на Кавказъ. Когда кончился лѣчебный сезонъ, кончилось и лѣто. Приближалось роковое десятое августа, когда всѣ воспитанники должны были явиться въ корпусъ съ каникулъ. Льву пришлось только нѣсколько дней прожить въ деревнѣ, въ кругу своихъ родныхъ. Но вся привлекательность этихъ дней была для него отравлена мыслями о корпусѣ.

Пріѣхавъ поздно вечеромъ въ Москву, Левъ прямо съ вокзала отправился въ корпусъ. Еще недавно Левъ увѣрялъ родныхъ, что задыхается въ корпусныхъ стѣнахъ, но, войдя въ спальню (возрастъ былъ уже запертъ) и, увидѣвъ ряды хорошо знакомыхъ коекъ съ крѣпко спавшими

воспитанниками, онъ почувствовалъ себя дома.

На другой день, послѣ обычнаго торжественнаго акта въ столовой залѣ, состоявшаго въ томъ, что инспекторъ перечислилъ новый составъ отдѣленій, а директоръ произнесъ небольшой спичъ, который кончилъ „горячо прочувствованными“ словами о добродѣтели, прилежаніи и благонравіи, причемъ воспитанники усмѣхались, слыша избитыя, давно надоѣвшія имъ фразы, вновь сформированныя отдѣленія развели по возрастамъ, и шестой классъ, переименованный седьмымъ, занялъ помѣщеніе прошлогодняго седьмаго класса.

Въ корпусѣ за лѣто сдѣлали много передѣлокъ. Въ классѣ пахло свѣжей краской. Стѣны были выкрашены въ голубой цвѣтъ, потолокъ выбѣленъ. Только каѳедра и массивные столы, за которыми сидѣли воспитанники, оставались по преж-

нему несокрушимыми и необновленными. Левъ съ радостью встрѣтился со старыми товарищами. Многихъ уже не было. Дудкинъ, Халюшевъ, Крапоткинъ, Образцовъ выбыли изъ корпуса. Но зато оставшіеся смотрѣли бодро и весело. Всѣ сильно загорѣли и окрѣпли за лѣто, и никто не сомнѣвался, что послѣдній годъ пройдетъ благополучно.

Вскорѣ промелькнуло Рождество, масляница, и наступилъ великій постъ. Воспитанники часто ходили въ церковь и говѣли. Чувствовалось уже приближеніе весны и экзаменовъ. Выпускные начинали понемногу подзубривать. Но Левъ и Астаховъ не принимались еще, какъ слѣдуетъ, за работу. Астаховъ проводилъ много времени за чтеніемъ, а Левъ рисовалъ. Онъ сталъ брать частные уроки у Палицына и дѣлалъ замѣтные успѣхи.

Проводя почти все время съ Астаховымъ, Левъ заводилъ разговоръ на все-

возможныя темы. Они говорили о Богѣ, о назначеніи жизни, о душѣ, о безсмертіи. Ихъ сужденія были очень поверхностны, хотя иногда оригинальны. Имъ обоимъ не хватало знаній, и кругозоръ у нихъ былъ слишкомъ замкнутъ. Они смутно чувствовали ограниченность и скудность своихъ свѣдѣній и потому переходили вскорѣ на другія, болѣе знакомыя имъ темы: о преподавателяхъ, урокахъ и экзаменахъ. У нихъ явилась потребность критиковать и осуждать весь строй корпуснаго воспитанія. Они пробѣгали мысленно долгіе годы, проведенные въ четырехъ стѣнахъ, и вся внутренняя жизнь корпуса возникала предъ ними въ яркихъ законченныхъ картинахъ.

Казалось, какъ прочно и незыблемо было величественное зданіе корпуса, также крѣпки были въ немъ всѣ порядки и обычаи. Воспитатели, инспекторъ и директоръ десятки лѣтъ находились на однихъ

и тѣхъ же мѣстахъ. Строго размѣренная по часамъ жизнь представлялась имъ вполнѣ нормальнымъ явленіемъ, и вообще они считали планъ воспитанія въ корпусѣ послѣднимъ словомъ педагогіи. Воспитанники набирались въ младшіе классы совершенными дѣтьми (въ старшіе новички почти не поступали). Они быстро свыкались съ корпусными порядками. Имъ въ голову не приходило, что, можетъ быть, изъ шести лекцій въ день имъ приносила пользу только одна-двѣ, а остальныя представляли безполезную трату времени. И все это особенно рѣзко сказывалось при окончаніи курса. Воспитанники изучали семь лѣтъ языки, но имѣли такія жалкія познанія, что не могли написать безъ ошибокъ двухъ строкъ. Исключеніе представляли лишь тѣ, кто говорилъ раньше дома по французски или по нѣмецки. Свѣдѣнія изъ математики, физики, исторіи были у большинства чрезвычайно скудны.

Эти свѣдѣнія никогда не выходили за предѣлы учениковъ. Никакихъ обобщеній, ни выводовъ воспитанники дѣлать не могли. Имъ почти не приходилось никогда слышать того, что говорилось на сторонѣ, и они лишены были возможности провѣрить слова учителя. Сухой и часто безтолково составленный учебникъ пріобрѣталъ въ ихъ глазахъ характеръ неопровержимаго авторитета. Всѣ возникавшіе споры и недоразумѣнія рѣшались тотчасъ при помощи тетрадки или книжки. Иныхъ вопросовъ, которыхъ не могли бы разрѣшить эти тетрадки и книжки, въ корпусѣ не поднималось.

Все это поразило Льва и Астахова Глаза у нихъ точно прозрѣли. Они съ изумленіемъ убѣдились, что они невѣжды во всемъ внѣ корпусной программѣ, и не знаютъ даже самыхъ простыхъ фактовъ, которыхъ нѣтъ въ учебникѣ. Но къ этому сознанію еще больше примѣшивалось лич-

ное раздраженіе противъ преподавателей и остальнаго начальства.

— Вотъ нашъ директоръ, говорилъ Левъ:—развѣ онъ годится управлять такимъ огромнымъ заведеніемъ, какъ корпусъ? Онъ старъ, мягокъ, а главное, не способенъ снизойти съ пьедестала своего величія, чтобы изучить не воспитанниковъ—это ужъ было бы слишкомъ много—а хоть воспитателей. Ну, вотъ напримѣръ, хоть бы Сычъ. Какъ онъ къ намъ попалъ?

— Сычъ плохъ, подтверждалъ Астаховъ.

— Сычъ поразилъ меня сразу, когда я только что явился ему. Онъ лѣнтяй и неряха, а главное, никто въ грошъ его не ставитъ. Это скверно. Или вотъ Голубкинъ; я его вчера спрашиваю, есть ли въ библіотекѣ „Сонъ Обломова", а онъ отвѣчаетъ: „отдѣльно нѣтъ", но вы возьмите весь „Обрывъ"; „тамъ и найдете". Это чортъ знаетъ что такое. Воспитатель

шестаго класса не имѣетъ понятія объ „Обломовѣ“.

— Ну, онъ можетъ быть смѣшалъ.

— Да, нѣтъ не смѣшалъ. Въ этомъ я убѣдился изъ дальнѣйшаго разговора.

— Это еще ничего, Левъ. Малограмотность воспитателей не такъ важна. Ихъ назначеніе наблюдать за своимъ отдѣленіемъ; они вовсе не воспитатели, а надзиратели, поэтому о нихъ и говорить нечего. А вотъ наши учителя—это ужъ бѣда. Математикъ глядитъ на насъ, какъ на мальчишекъ. Это вѣдь выгоднѣе всего: онъ не читаетъ матиматеку, а просто заставляетъ зубрить правило за правиломъ и рѣшать задачу за задачей. Ну, хорошо, правила пройдены, и задачи передѣланы. А дальше что? Вѣдь ты, Левъ, и всѣ мы, кадеты, понятія не имѣемъ, какъ преподается математика. У насъ нѣтъ ни взглядовъ, ни математическаго развитія. Погоди, вотъ мы попадемъ въ военныя учи-

лища, да какъ начнутъ тамъ сразу читать механику, дифференціальное да интегральное исчисленіе, вполнѣ полагаясь на нашу математическую подготовку, мы и очутимся какъ въ лѣсу. Я, братъ, это знаю, у меня два брата академики.

— Это вѣрно, задумчиво проговорилъ Вавиловъ.

— А русскій языкъ? Левъ, ну, кто у насъ въ классѣ умѣетъ писать безъ ошибки? Ты, я, Козловскій, Толстобоковъ. А остальные тридцать человѣкъ? Русской литературы никто не знаетъ и не хочетъ знать. Объ иностранной нечего говорить, такъ какъ въ программу она не входитъ. Немудрено, что самъ Кашкинъ, какъ я убѣдился, не знаетъ, кто былъ Альфредъ де Мюссе — поэтъ стихотворецъ или беллетристъ. И все у насъ такъ: и исторія, и географія, и физика.

Однажды, разговаривая на эту тему, Левъ съ горечью воскликнулъ:

— Прежде у насъ процвѣтала гимнастика. По крайней мѣрѣ воспитанники отъѣдались на казенномъ корму, а теперь посмотри, что за мелочь въ младшемъ и среднемъ возрастѣ. Право, корпусъ измельчалъ на моихъ глазахъ.

Астаховъ засмѣялся.

— Ну, братъ, это легче объяснить, чѣмъ ты думаешь. Охотно вѣрю, что прежде всѣ тебѣ казались молодцами, потому что ты самъ былъ малъ; но вотъ теперь ты выросъ, и корпусъ измельчалъ въ твоихъ глазахъ.

Однажды, когда Левъ былъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, къ нему пріѣхала Анна Михайловна. Онъ вышелъ къ ней хмурый и недовольный.

— Что съ тобой, Левъ? Ты болѣнъ? заботливо освѣдомилась она.

Онъ отвѣчалъ, что не болѣнъ.

Она спросила, что его безпокоитъ, отчего онъ такой. Понемногу онъ разговорился.

— Знаешь, мама, я теперь какъ-то особенно скверно чувствую себя. Часто я думаю, мнѣ плохо живется на свѣтѣ. Моя жизнь безтолково проходитъ и здѣсь, и въ деревнѣ. Тутъ я кадетъ, т. е. школьникъ, сидящій въ четырехъ стѣнахъ; тамъ я дворянское дитя, какъ выражается дядя, которое нужно беречь и холить. О свободѣ я не имѣю понятія. Я знаю, есть жизнь лучше и полнѣе моей, когда человѣкъ зависитъ отъ себя и не испытываетъ такой страшной неудовлетворенности во всемъ, какъ я. Посуди сама: мнѣ восемнадцать лѣтъ, у меня много сверстниковъ и товарищей. Всѣ они давно рѣшили, въ какой полкъ имъ выгоднѣй выйти, сколько среднихъ балловъ нужно вытянуть, чтобы попасть въ то или другое училище. Они исправно готовятъ уроки и охотно бѣгутъ въ отпускъ, а я ненавижу уроки и ухожу изъ корпуса только тогда, когда казенщина совершенно подавляетъ меня. Да и

идти мнѣ некуда. Другъ мой, Астаховъ въ послѣднее время точно отдаляется отъ меня. Онъ мечтаетъ о переводѣ въ Петербургъ въ Пажескій корпусъ. Товарищи всѣ ужасно ограниченны. Вотъ я читалъ у Тургенева и другихъ писателей, какъ живутъ студенты. Они собираются, спорятъ, обсуждаютъ разные вопросы. У нихъ есть убѣжденія, они ставятъ себѣ цѣли въ жизни. Неужели это правда? Сколько разъ я старался замѣтить среди насъ хоть что-нибудь подобное. Кадеты страшно невѣжественны. Кромѣ того что стоитъ въ руководствахъ, никто у насъ ничего на знаетъ. А еслибы ты взглянула на нашу библіотеку? У институтокъ, должно быть, книгъ больше. Кромѣ Подснѣжника, „Семьи и Школы" и разрозненныхъ томовъ Пушкина, Гоголя и Гончарова ничего нѣтъ. Газеты читать запрещено. Еслибъ не рисованіе, не знаю, что сталось бы со мной.

— Левъ, я понимаю тебя, но что же

дѣлать. Кончить курсъ тебѣ необходимо. Потерпи немного. Вѣдь и осталось всего два, три мѣсяца.

И она принялась изображать ему картины свободной жизни.

Онъ слушалъ ее, ему сдѣлалось легче. Онъ уже наполовину утѣшился, самъ не зная того, высказавъ ей тяготившія его думы.

Въ концѣ поста Левъ и Астаховъ легли въ лазаретъ. Имъ хотѣлось отдохнуть отъ суеты въ возрастѣ и побесѣдовать на досугѣ о разныхъ вопросахъ.

Въ лазаретѣ было мало больныхъ. Погода стояла ясная, теплая. Снѣгъ сильно таялъ, и воспитанниковъ тянуло на свѣжій воздухъ, на посинѣвшій плацъ, гдѣ журчали ручьи, и быстро высыхали лужайки. Въ лазаретѣ выставили окна. Острый холодокъ вѣялъ по утрамъ въ форточку, но солнце поднималось и заливало палаты своими горячими лучами. Воробьи безъ умолку чирикали, купаясь въ лужахъ. При-

летѣли грачи. И долгіе, яркіе дни утомляли непривычнымъ тепломъ и свѣтомъ.

Въ небольшой комнаткѣ, всегда завѣшанной зеленой шторой, лежалъ трудно-больной Михайловъ. На дощечкѣ его койки было написано „Phthysis“, и воспитанники знали, что такъ означалась чахотка. Михайловъ былъ пятиклассникъ и слегъ въ лазаретъ передъ Рождествомъ. Сначала онъ все кашлялъ, но такъ какъ онъ былъ румянъ и крѣпокъ, то полагали, что у него незначительная простуда. Но кашель его становился все упорнѣе: больной потерялъ сонъ, апетитъ и быстро ослабѣвалъ. Пригласили спеціалистовъ; консиліумъ рѣшилъ, что у Михайлова легочная чахотка, и положеніе его безнадежно. Сначала всѣ удивлялись и жалѣли воспитанника, но потомъ почти забыли о немъ. Онъ лежалъ въ лазаретѣ, окруженный микстурами; ему готовили отдѣльныя кушанья, но онъ почти не дотрогивался

до нихъ. Лихорадка била его. Онъ страшно похудѣлъ и высохъ. Левъ ужаснулся, когда увидѣлъ его: онъ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами, и его окоченѣвшее лицо было блѣдно и неподвижно, какъ у мертвеца.

Видъ трудно-больнаго производилъ тяжелое впечатлѣніе на прочихъ больныхъ. Они старались ходить на цыпочкахъ мимо его комнаты, и въ лазаретѣ не слышно было ни веселаго смѣха, ни пѣнія.

Однажды утромъ Льва поразилъ хриплый стонъ, долетѣвшій изъ корридора. Левъ бросился туда и увидѣлъ Михайлова у дверей его комнаты. Онъ стоялъ босикомъ, въ одной рубашкѣ. Глаза его дико блуждали. Онъ порывался что-то сказать и не могъ. Больные окружили его. Вдругъ онъ захрипѣлъ. Кровь ручьемъ хлынула у него изо рта. Въ страшно расширившихся глазахъ его виднѣлся невыразимый ужасъ, изъ груди вырвался глухой вопль, и въ этомъ воплѣ было столь-

ко страха, муки и отчаянія, что испуганные больные разбѣжались въ разныя стороны. Левъ остался одинъ предъ Михайловымъ, не зная, что дѣлать. Тотъ закачался и грузно рухнулъ на полъ, прежде чѣмъ растерявшійся Левъ успѣлъ поддержать его. Въ это время прибѣжалъ Астаховъ, находившійся въ палатѣ младшаго возраста. Оба они подняли безчувственнаго Михайлова и положили на койку. Кровь по прежнему лилась изъ него ручьемъ. Глаза его закатились. Предсмертная судорога повела его. Астаховъ закрылъ умирающаго простыней. Вскорѣ прибылъ старшій докторъ, директоръ и священникъ. Докторъ откинулъ простыню, взглянулъ на больнаго и махнулъ рукой. Директоръ торопливо перекрестился. Всѣ послѣдовали его примѣру. Тѣло умершаго раздѣли, обмыли и положили въ мертвецкой. Такъ назывался покой, находившійся около лазарета.

Смерть товарища, скончавшагося на ру-

кахъ Льва, произвела на него сильное впечатлѣніе. Онъ избѣгалъ нѣкоторое время ходить одинъ въ пустыя комнаты; въ его воображеніи тогда особенно ясно возникало истомленное восковое лицо съ неописаннымъ ужасомъ въ широко раскрытыхъ глазахъ, и онъ не могъ забыть этого взгляда и этого лица. Ему слишкомъ тяжело сдѣлалось пребываніе въ лазаретѣ, и онъ поспѣшилъ выписаться.

Михайлова отпѣвали въ корпусной церкви. Кромѣ воспитанниковъ старшаго возраста и начальства никого не было. Церковь казалась пустой, и бѣлый, обитый серебряной парчей, гробъ рѣзко выдѣлялся предъ алтаремъ. Застывшая голова трупа глубоко ушла въ подушку. Лицо умершаго странно желтѣло въ сумракѣ. Воспитанники съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ тайною робостью, поглядывали на гробъ. Левъ совсѣмъ не смотрѣлъ въ сторону покойника. Черты его лица врѣ-

зались такъ сильно въ памяти Льва, что онъ боялся усилить тяжелое впечатлѣніе, которое и безъ того всецѣло овладѣло имъ.

Дьяконъ возгласилъ вѣчную память. Пѣвчіе стройнымъ хоромъ подхватили его слова. Присутствовавшіе стали креститься и опускаться на колѣни. Наконецъ гробъ закрыли, воспитанники подняли его, и дьяконъ поспѣшилъ направить гробъ такъ, чтобы тѣло несли ногами впередъ. У подъѣзда корпуса стоялъ катафалкъ. Гробъ возложили на него. Процессія тихо тронулась, и воспитанники медленно брели позади...

И долго послѣ того всѣ мелкія подробности похоронъ оставались въ памяти Льва. Онъ одинъ изъ первыхъ предложилъ устроить подписку на памятникъ Михайлову. Подписка не состоялась, родственники умершаго сами поставили ему крестъ, но это желаніе Льва показало Астахову, съ какимъ глубокимъ чувствомъ отнесся его другъ къ своему умершему товарищу.

XI.

Экзамены начались съ средины апрѣля. Много лѣтъ спустя, когда Левъ вспоминалъ свою кадетскую жизнь, они представлялись ему въ какомъ-то особенно поэтическомъ видѣ. Этому главнымъ образомъ способствовало, что во время экзаменовъ всегда стояла весна. Тополевыя аллеи покрывались сочной, пахучей зеленью. Старый садъ оживалъ. Въ немъ звучно раздавались голоса птицъ. Мягкій, теплый вѣтеръ шевелилъ листья, и гулкій шопотъ несся по саду, похожему на огромный паркъ или лѣсъ.

И какъ хорошо было тамъ? Воспитанникамъ, правда, не разрѣшалось переходить границу, которою служилъ курганъ, находившійся въ концѣ аллеи; но развѣ можно было удержаться отъ искушенія

проникнуть въ непролазную чащу зелени, распускавшейся по берегамъ пруда, соединеннаго ручейкомъ съ другимъ прудомъ, на которомъ воспитанники катались зимой съ горъ, и который весною не представлялъ ничего интереснаго. А берегъ перваго пруда манилъ непреодолимой прелестью и таинственностью своей зеленой чащи. Тамъ особенно звонко раздавались голоса птицъ, и даже пѣлъ соловей.

Часто съ книгами въ рукахъ Левъ и Астаховъ, обманувъ бдительность дядьки, пробирались въ запретныя мѣста и медленно шли по узкой тропинкѣ, скрытые деревьями и пышными кустами, усѣянными бѣлыми душистыми лепестками. Нагрѣтый солнцемъ воздухъ былъ здѣсь прохладенъ. Влажныя испаренія пруда, смѣшиваясь съ сильнымъ ароматомъ цвѣтовъ, сладкой волной вливались въ грудь. Воспитанники раскидывались на травѣ и

устремляли взоры въ глубокое лазурное небо. Ни одно облачко не омрачало сіяющей синевы его, и тщетно глазъ искалъ, гдѣ бы остановиться. Чѣмъ напряженнѣе глядѣлъ вверхъ любопытный наблюдатель, позабывшій объ экзаменахъ и о всѣхъ учителяхъ въ мірѣ, тѣмъ шире раздвигалось необъятное небесное пространство. Изрѣдка въ недосягаемой вышинѣ показывались стрижи. Они тихо кружились въ воздухѣ — огромность разстоянія сглаживала рѣзкую неровность ихъ стремительнаго полета—и медленно пропадали одинъ за другимъ.

Долго, долго пріятели лежали на травѣ. Но солнце садилось, вечеръ гасъ. Рѣзко звучали въ похолодѣвшемъ воздухѣ сигнальные звуки трубы. Приходилось возвращаться съ прогулки въ душный, пыльный классъ. Левъ и Астаховъ садились къ окну, загораживали себя доской, что бы ничѣмъ не развлекаться, и зубрили безъ устали.

Всѣ классы въ возрастѣ во время экзаменовъ представляли странный безпорядочный видъ: воспитанники по два, по три забивались въ углы, закрываясь картами, досками или столиками. Начальство не препятствовало имъ располагаться по своему усмотрѣнію, дѣлая эту поблажку только на время экзаменовъ. Изъ каждаго угла неслось равномѣрное чтеніе учебника или торопливая, невнятная рѣчь воспитанника, отвѣчающаго товарищу прочтенное.

Астаховъ и Левъ особенно любили готовиться по утрамъ, когда возрастъ спалъ. Они поднимались часа въ четыре, наскоро умывались шли въ классъ. Тамъ царила въ это время непривычная тишина. Воспитанники открывали огромное окно, выходившее на аллею, и крѣпительная свѣжесть весенняго утра наполняла комнату. Какъ хорошо было тогда въ старомъ саду! Онъ стоялъ, объятый глубокимъ сномъ. Бѣловатый паръ тянулся надъ прудомъ. Въ

торжественномъ безмолвіи громко разливался рокотъ соловья.

И долго воспитанники стояли у окна, не отрывая глазъ отъ давно знакомой и вѣчно новой картины и не имѣя силъ приняться за книгу. Но понемногу классъ начиналъ наполняться воспитанниками. Въ разныхъ мѣстахъ поднималось чтеніе, и Левъ и Астаховъ садились зубрить въ свою очередь.

Въ дни сдаванія экзаменовъ классъ по прежнему принималъ торжественный видъ. Вмѣсто каѳедры, появлялся длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На этотъ столъ воспитанники по прежнему ставили дорогую, вычурную чернильницу и клали въ живописномъ безпорядкѣ кучи карандашей и перьевъ для смягченія преподавателей.

Эта сутолока, красные столы, обрюзглыя лица экзаменаторовъ мѣшались въ памяти Льва съ тихими, теплыми весен-

ними вечерами, сладостнымъ свѣжимъ дыханіемъ утреннихъ зорь, огромными, почернѣвшими деревьями стараго сада, съ его душистыми цвѣтами, яркой молодой зеленью, дѣвственнымъ блѣднымъ уборомъ нѣжной сирени и вѣчно спящими безмолвными прудами...

Но понемногу слабѣли эти воспоминанія, заслоняясь суетной будничной жизни, и чѣмъ рѣже пробуждались они въ памяти Льва, тѣмъ дольше онъ старался удержать ихъ, и тѣмъ грустнѣе, и пасмурнѣе становилось у него потомъ на душѣ.

Наступилъ послѣдній экзаменъ—естественной исторіи. Корпусъ ужъ замѣтно опустѣлъ, потому что въ младшемъ и среднемъ возрастахъ экзамены кончились раньше, и воспитанниковъ этихъ возрастовъ отпустили на каникулы.

Отъ безпрерывнаго напряженія памяти во время короткихъ подготовокъ Левъ почувствовалъ такое изнеможеніе, что на-

конецъ почти пересталъ готовиться. Естественная исторія считалась предметомъ труднымъ не столько по объему курса, который былъ очень великъ, сколько по личности преподавателя Суслова, и потому воспитанники принялись зубрить изъ послѣднихъ силъ. Въ назначенный день Сусловъ явился въ классъ съ обычнымъ спокойнымъ, надменнымъ видомъ. Ему дали въ ассистенты Ракова, читавшаго физику, и еще одного воспитателя, Селезнева, который хотя нигдѣ естественныхъ наукъ не преподавалъ, но любилъ собирать гербаріи, а, главное, носилъ, какъ толковали воспитанники, „зоологическую“ фамилію, вслѣдствіе чего будто бы его и назначили ассистентомъ къ Суслову.

Левъ приготовился очень плохо. Онъ почти совершенно забылъ зоологію, морфологію и физіологію растеній и только нѣсколько лучше помнилъ строеніе человѣческаго тѣла, что проходилось въ пя-

томъ классѣ. Но Левъ, какъ и всѣ выпускные, крѣпко надѣялся, что Селедка не „зарѣжетъ“ понапрасну послѣ всѣхъ экзаменовъ и тѣмъ не „испортитъ карьеру“. Эта надежда, однако, главнымъ образомъ поддерживалась тѣмъ, что наканунѣ Караванову удалось забраться въ инспекторскую и тамъ перемѣтить бо̀льшую часть билетовъ.

Сусловъ медленно опустился въ кресло и плавнымъ движеніемъ руки смѣшалъ билеты. Глаза воспитанниковъ, какъ по командѣ, устремились на столъ, и въ нихъ сверкнула радость: отмѣтки Караванова чуть-чуть выступали на бѣлой бумагѣ.

Взоры Льва приковались къ лѣвому, крайнему билету, на которомъ значилась точка съ черточкой.

— Господи, подумалъ Левъ:—да это нумеръ седьмой. Я его отлично знаю. Вотъ бы вытащить его!

Онъ лихорадочно принялся рыться въ

книгахъ, пробѣгая означенные въ билетѣ вопросы.

— Астаховъ, Бѣликовъ! произнесъ Сусловъ.

Классъ встрепенулся. Оба вызванные воспитанника подошли къ столу и протянули руки. У Астахова появился счастливый билетъ, и Левъ не сомнѣвался, что его другъ не ошибся въ выборѣ.

Вызванные отвѣчали очень хорошо. Классъ тихо ликовалъ, и это ликованіе, причины котораго ускользали отъ Суслова, разсердило его.

— Прекрасно, господинъ Астаховъ, можете садиться, произнесъ онъ:—Вавиловъ, пожалуйте сюда!

Левъ быстро всталъ и направился къ столу, не сводя глазъ съ подмѣченнаго билета. Сердце его сильно билось. Не ожидая приглашенія преподавателя взять билетъ, онъ уже протянулъ руку къ столу.

Позади послышалось общее движеніе. Въ классъ вошелъ директоръ.

— Садитесь, господа мягко сказалъ онъ:—продолжайте спрашивать, не безпокойтесь, пожалуйста.

Экзаменаторы усѣлись на свои мѣста. Директоръ тоже расположился у стола.

Сусловъ подалъ ему тотчасъ списокъ съ фамиліями экзаменующихъ и при этомъ сдвинулъ рукавомъ билеты. Ихъ порядокъ въ глазахъ Льва вдругъ какъ-то страшно измѣнился, и замѣченный билетъ безслѣдно исчезъ въ общей кучѣ.

— О чемъ же вы размышляете, господинъ Вавиловъ, берите себѣ билетъ, послышался голосъ Суслова.

Левъ въ отчаяніи рѣшительно протянулъ руку, вытащилъ первый попавшійся билетъ и отошелъ въ сторону, не имѣя духу взглянуть, какой нумеръ онъ вытащилъ.

Бѣликовъ громко и самоувѣренно отвѣ-

чалъ на всѣ вопросы. Раковъ задумчиво курилъ сигару. Селезневъ ласково поглядывалъ на воспитанниковъ и бормоталъ: „такъ-съ, такъ!“

Минуты тянулись для Льва вѣчностью. Онъ медленно и сосредоточенно прочиталъ все, что стояло на билетѣ, и ничего не понялъ. Прочиталъ второй разъ и опять ничего не понялъ.

„Э, была не была!“ подумалъ онъ и сталъ прислушиваться къ тому, что говорилъ Бѣликовъ. Мало по малу мысли его унеслись прочь. Онъ совершенно забылъ, что находится въ классѣ и стоитъ у стола, гдѣ рѣшается его кадетская судьба.

— Вамъ! насмѣшливо произнесъ Сусловъ:—господинъ Вавиловъ, вамъ отвѣчать. Третій разъ говорю. Заснуть изволили.

Левъ вздрогнулъ и очнулся. Дѣйствительность предстала передъ нимъ съ безпощадной суровостью.

— Потрудитесь сказать, что стоитъ у васъ въ билетѣ.

Левъ, запинаясь, прочелъ:

— Кровообращеніе у рыбъ; питаніе растеній; слуховой аппаратъ.

— Такъ-съ; ну, такъ съ что же? проговорилъ медленно Сусловъ, пронизывая испытующимъ взглядомъ Льва.

— Что ему сказать, съ чего бы это начать? мучительно думалъ Левъ, не отводя взоровъ отъ билета. „Кровообращеніе у селедокъ"—мелькнуло у него въ головѣ, и онъ поглядѣлъ на Суслова, и въ тотъ же мигъ понялъ, что тотъ убѣжденъ что онъ, Вавиловъ, думаетъ не вообще о рыбахъ, а о селедкахъ. Это его смутило еще болѣе.—„Только бы начать, а тамъ бы пошло!" мысленно твердилъ онъ.

— Ну, что-съ, долго ли еще ждать, господинъ Вавиловъ? неумолимо спрашивалъ Сусловъ.

Директоръ пришелъ Льву на помощь.

— Вы не робѣйте, смѣлѣй, смѣлѣй. Ну, какое кровообращеніе у рыбъ, такое ли, какъ у человѣка?

— Нѣтъ, не такое.

— Ну, въ чемъ же разница?

Левъ сбивчиво и невнятно отвѣтилъ. Директоръ предложилъ ему еще нѣсколько вопросовъ, и онъ окончательно оправился.

— Ну, вотъ видите, вы это знаете, сказалъ Сусловъ:—разскажите теперь о питаніи растеній.

Левъ бойко отвѣтилъ по учебнику.

— Такъ. А знаете ли различіе въ строеніи и расположеніи тканей въ двудольныхъ и однодольныхъ растеніяхъ?

— Знаю-съ.

— Потрудитесь объяснить.

Выслушавъ объясненіе Льва, Сусловъ поморщился и сказалъ:

— По книгѣ это вѣрно, а вотъ не угодно ли на практикѣ. Вотъ вамъ осиновая вѣтка. Гдѣ въ ней камбіальная ткань?

Левъ сдѣлалъ нѣсколько смутныхъ гипотезъ.

— Плохо-съ. Не то-съ. Шкурку сдерите, вотъ слизь—это и будетъ камбій. Поняли-съ? Кажется, немудрено.

О слуховомъ аппаратѣ Левъ разсказалъ подробно и хорошо. Онъ уже былъ убѣжденъ, что экзаменъ окончится благополучно, и эта увѣренность поддерживала его. Директоръ сказалъ:

— Довольно. Можете идти, Вавиловъ, восемь балловъ.

Радостный и взволнованный Левъ отправился на свое мѣсто.

— Ну, что, доволенъ? спросилъ его шепотомъ Карабановъ.

— Черти, билеты перемѣшали! произнесъ Левъ:—да мнѣ мало восьми. Я вѣдь отвѣтилъ на всѣ вопросы.

Но Карабановъ уже не слушалъ его, такъ какъ погрузился въ подготовку „своего“ билета.

Къ завтраку половина класса была проэкзаменована. Никто не провалился, и сдавшіе экзамены беззаботно бродили по аллеѣ, подтрунивая надъ тѣми, кого еще не вызывали:

— Да брось, не зубри хоть на прогулкѣ. Самый легкій экзаменъ, а онъ труситъ!

— Да, легкій, послѣ того какъ ты его сдалъ. Небось, сегодня въ четыре часа вскочилъ.

Левъ чувствовалъ себя очень хорошо. По временамъ ему было лишь немного досадно, что онъ получилъ только восемь, тогда какъ Астахову и многимъ другимъ поставили одиннадцать. О томъ, что онъ могъ провалиться, онъ и не думалъ; и теперь съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда экзаменъ кончится, и можно будетъ отправиться въ отпускъ.

Послѣ экзамена Сычевъ пришелъ въ классъ и сталъ спрашивать воспитанни-

ковъ, кто куда хочетъ записаться. Большая часть класса шла въ Александровское училище, потому что оно было въ Москвѣ, а остальная распредѣлилась между Павловскимъ и Константиновскимъ, находившимися въ Петербургѣ. Новицкій и еще двое записались въ Николаевское кавалерійское училище. Труднѣе всего было попасть въ Инженерное и Артиллерійское, и въ нихъ явились кандидатами Козловскій и Толстобоковъ, а также Астаховъ и Вавиловъ, которые сильно выдвинулись благодаря экзаменамъ.

Слова „артиллерійское“ и „инженерное“ имѣли для воспитанниковъ особенное значеніе. Въ самомъ звукѣ этихъ словъ заключалось что-то обаятельное для кадетскаго уха. Съ ними соединялось понятіе о чемъ-то необыкновенно почетномъ, ученомъ и трудномъ, объ особенныхъ выгодахъ, наградахъ и вниманіи самаго высшаго начальства, а потому—и быстрой

выслугѣ. Въ сущности же, воспитанники не имѣли никакого понятія о различіи родовъ оружія и организаціи арміи. Ихъ разсужденія и надежды были часто нелѣпы, въ чемъ они скоро убѣдились.

Итакъ, курсъ былъ конченъ. Воспитанники суетились, укладывая чемоданы и собирая вещи. Они поспѣшно сдавали библіотекарю казенныя книги, карты, учебники и расписывались въ томъ, что уплатятъ за потерянные или изорванные экземпляры.

Выпускные распрощались другъ съ другомъ очень сдержанно, какъ-то наскоро и холодно. Большинство спѣшило на вокзалы желѣзныхъ дорогъ. Уѣзжали изъ корпуса навсегда, а разставались, точно ѣхали на лѣтнія каникулы.

Вмѣстѣ съ другими, Левъ поспѣшилъ взять отпускной билетъ. У воротъ корпуса онъ обернулся и въ послѣдній разъ

взглянулъ на стройное, величественное зданіе, которое покидалъ навѣки.

— Прощай, корпусъ, прощай! сказалъ онъ.

Іюньское солнце ярко блистало въ густой синевѣ неба. Лучи его отвѣсно ударяли въ стѣны корпуса и играли въ окнахъ. Обширный плацъ былъ пустъ. Вѣтерокъ, порхая вокругъ колыхалъ листья тополей, и они будто тоже шептали:

— Прощай, прощай!

Конецъ.

С.-Петербургъ. 1886.

НОВЫЯ КНИГИ:

Альбовъ М. Н. Ряса, романъ, ц. 2 р. 50 к. Спб., 1887 г. По-
сти и разсказы, второе изданіе, ц. 1 р. 25 к. Спб., 1888 г.
бьи стоны, ц. 20 к. Спб., 1888 г. На Точкѣ, ц. 75 к. Спб., 1888 г.

Варанцевичъ К. С. Подъ гнетомъ, ц. 1 р. 50 к. Порванныя
руны, ц. 2 р. 50 к. Маленькіе разсказы, ц. 60 к. Раба, романъ,
1 руб.

Гаршинъ Всеволодъ. Первая книжка разсказовъ, третье изданіе.
орая книжка разсказовъ, второе изданіе. Два тома, ц. 2 р.
б., 1888 г.

Короленко Владиміръ—Очерки и разсказы, 2-ое изданіе, ц. 1 р.
к. Москва, 1888 г. Слѣпой музыкантъ, ц. 75 к. Москва, 1888 г.

Леманъ Анатолій—Дворянская Повѣсть, ц. 1 р. 50 к. Спб.,
86 г. Очерки кадетской жизни, ц. 80 к. съ пер. 1 р. Спб., 1888 г.

Мережковскій Д. С. Стихотворенія, ц. 1 р. Спб., 1888 г.

Минскій Н. М. Стихотворенія, ц. 1 р. 50 к. Спб., 1887 г.

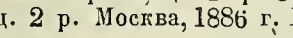
Тихоновъ Влад.—Комедіи, цѣна 2 р. Спб., 1888 г.

Фофановъ Константинъ—Стихотворенія, ц. 2 р. Спб., 1887 г.

Чеховъ Ан. Невинныя рѣчи, ц. 1 р. 50 к. Москва, 1887 г.
стрые разсказы, ц. 2 р. Москва, 1886 г. Въ сумеркахъ, ц. 1 р.
к. Москва, 1888 г.

Щегловъ Иванъ (Иванъ Леонтьевъ)—Гордіевъ узелъ, романъ,
р. 25 к. Спб., 1887 г. Первое сраженіе, 1 р. 50 к. Спб., 1887 г.

Ясинскій І. Полное собраніе повѣстей и разсказовъ, три то-
цѣна каждому тому 1 р. 50 к. Спб., 1888 г. Стихотворенія,
1 р. Спб., 1888 г. Путеводная звѣзда ц. 75 к. Спб., 1888 г.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 апрѣля 1888 года.

Цѣна 80 к.

Duke University Libraries
D03716763X